

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Азарова Полина Евгеньевна

МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ПЕРВЫХ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ
В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

24.00.03 – Музееведение, консервация
и реставрация историко-культурных объектов

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, профессор
Дмитриенко Надежда Михайловна

Томск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Праздник и его роль в формировании культурного наследия Западной Сибири в первые послереволюционные десятилетия.....	26
1.1. Феномен праздника	26
1.2. Социокультурное пространство и атрибуты праздника.....	33
1.3. Знаковая природа праздника	45
1.4. Праздничный комплекс в городах Западной Сибири, формы и институции.....	52
Глава 2. Организация и проведение праздников в городах Западной Сибири в 1920–1930-х гг.....	60
2.1. Общегосударственные праздники.....	60
2.2. Социально-профессиональные праздники.....	81
2.3. Поколенческие и гендерные праздники.....	100
2.4. Праздничные мероприятия национальных меньшинств в городах Западной Сибири.....	120
Глава 3. Сохранение и актуализация праздничного комплекса.....	129
3.1. Документирование праздников в музеях.....	129
3.2. Тема праздника в экспозиционно-выставочной деятельности западносибирских музеев.....	146
Заключение.....	159
Список использованных источников и литературы.....	163
Приложение А_Парк культуры в г. Сталинске, 1936 г.....	182
Приложение Б_Открытие памятника борцам революции в Омске 15 июня 1923 г.	183
Приложение В_Демонстрация на площади Побед в г. Сталинске 7 ноября 1940 г.	184
Приложение Г_Первомайская демонстрация в Барнауле, 1930-е гг.....	185

Приложение Д_Томский государственный университет в день 1 Мая..	186
Приложение Е_Знамя Томской артиллерийской школы.....	187
Приложение Ж_Патефон «Victrola», 1930-е гг.....	188
Приложение И_Парк культуры и отдыха Барнаульского меланжевого комбината.....	189
Приложение К_Барнаульские дети подготавливаются к празднованию 12-й годовщины Октябрьской революции. 1929 г.....	190
Приложение Л_Антирелигиозный плакат «Долой церковные праздники!».....	191
Приложение М_Физкультурный парад в Барнауле, 1930-е гг.....	192
Приложение Н_Свадебное блюдо, расписанное по рисунку К. Петрова-Водкина.....	193
Приложение О_Студенты Барнаульского педагогического училища встречают 1 Мая в костюмах народов СССР, 1930-е гг.....	194
Приложение П_Выставка, организованная в Томском краевом музее к 10-й годовщине Октябрьской революции.....	195
Приложение Р_Куклы, изготовленные томской художницей Е.Г. Мако-Тюменцевой в 1930-х гг.....	196

Введение

Аккумуляция свидетельств материального и духовного мира является важнейшим в формировании и сохранении культурного наследия как совокупности культурных ценностей и культурного опыта в целом. Насущную значимость этой работы подчеркивал академик Д.С. Лихачев, считавший, что собирание и изучение памятников культурного наследия дает «уроки красоты и мудрости, уроки уважения к предкам и уроки знания истории». Он сравнивал памятники прошлого с «обширным и неумолкающим лекторием, учащим патриотизму, способствующим эстетическому воспитанию, повествующим о великой роли народа в истории культуры». И считал долгом ныне живущих передать исторические памятники как культурную эстафету следующим поколениям¹. В силу исторической многомерности феномена культурного наследия, который охватывает многочисленные объекты окружающего мира различного характера и свойства, целесообразно ограничить рассмотрение проблемы пространством и временем праздника. Обращение к исследованию праздника как комплекса компонентов культурного наследия, интерпретация праздничных обычаев, обрядов, традиций, позволяет конкретизировать знания о праздниках, выяснить своеобразие праздничной культуры на отдельных территориях страны, в частности в Западной Сибири, обеспечивает реальные возможности музеефикации праздничных атрибутов и артефактов, дает опыт организации и проведения праздников в нынешних условиях. Все это определяет **актуальность темы диссертации**.

Научная значимость темы диссертационной работы подчеркивается и недостаточной степенью ее изучения. Исследовательское внимание к русским праздникам зародилось в середине XIX в. В работах С.М. Соловьева, М.И. Пыляева, А.В. Терещенко, Н.П. Степанова изучались народные, церковные и государственные праздники. Первыми в России

¹ Лихачев Д.С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. М., 1961. № 3. С. 3.

исследователи сформулировали задачу сохранения русских праздников с сопутствующими им обрядами и традициями, материальными и духовными атрибутами, что, несомненно, способствовало сохранению целостности русской культуры¹.

В советской историографии, опиравшейся на марксистско-ленинскую методологию и ориентировавшуюся по большей части на социально-экономическую и политическую историю, праздники не находились в центре внимания исследователей. Интересно, что первыми к теме праздников обратились авторы, освещавшие деятельность музеев. В 1929 г. нарком просвещения А.В. Луначарский совершил поездку по Сибири и посетил Новосибирский музей, который достаточно подробно охарактеризовал в книге «Месяц по Сибири». Конечно, он не мог не отметить, что «музей экспонирует свои коллекции под углом зрения изучения производительных сил края». Однако его внимание привлекли материалы о природе и культуре Сибири, в частности, он особо отметил этнографический отдел, а в нем – явные элементы праздничной культуры. По этому поводу А.В. Луначарский писал: «Трудно оторвать глаз от элегантных тунгусов в их тончайшей, изысканной по своей орнаментике и по своим формам одежде». Он отметил костюмы шаманов, «кумачовый плащ» остяка, который тот надевал для посещения «своих домашних богов», а также изображения божеств тунгусов и шорцев². В обзоре деятельности Томского краевого музея, подготовленном М.Б. Шатиловым в том же 1929 г., показано участие музея в праздновании 10-летней годовщины Октябрьской революции³. Немного позже в журнале «Советский музей» была опубликована статья Н.А. Квашнина, в которой он охарактеризовал две выставки в Музее истории материальной культуры Томского государственного университета, открывшиеся в дни празднования

¹ Степанов Н.П. Народные праздники на святой Руси. СПб., 1900; Соловьев С.М. Сто свадеб в Астрахани // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России: [переиздание]. М.: Правда, 1989. С.584-590; Терещенко А.В. Быт русского народа: [переиздание]. М.: Терра, 2001. 416 с.; Пыляев М.И. Старое жительство. Замечательные чудачки и оригиналы: [переиздание]. СПб.: Паритет, 2003. 656 с.: ил.

² Луначарский А.В. Месяц по Сибири. Л., 1929. С.17, 19, 21-22.

³ Шатилов М.Б. Обзор деятельности Томского краевого музея (1927-1928 гг.) // Труды Томского краевого музея. Томск: Изд-во «Красное знамя», 1929. Т.2. С. 97.

годовщины университета и приуроченные к празднику 1 Мая¹. В 1940 г. вышла статья о музее Кузнецкого металлургического комбината, организованном в городе Сталинске (совр. Новокузнецк). Руководствуясь установками на музей как инструмент социалистического строительства, выполняя решения 1-го Всероссийского музейного съезда 1930 г., поставившего музейное дело страны на «социалистические рельсы», автор статьи показал Сталинский музей как исключительно музей производства и производственных процессов. Тем не менее он не мог не написать о «массовой работе» музея, обязательной в то время. И характеризуя формы массовой работы, отметил лекции и выставки, связанные с «революционными годовщинами», то есть с праздниками. Отмечаются и некоторые фрагменты экспозиции, сообщается, например, что самым интересным экспонатом музея была большая диорама художника Н. Котова на тему «Кузнецкстрой в октябре 1931 г.», на которой был изображен производственный праздник – «штурмовые дни подготовки к пуску первой домны»².

После нескольких десятилетий забвения праздничной проблематики к изучению праздников обратились советские историки и этнографы. В работах О.Р. Будиной, М.Н. Шмелевой, В.И. Смирновой, А.Ф. Некрыловой, наряду с другими вопросами, освещались праздничные традиции в городах и сельских территориях России в XIX–XX вв.³ Будучи этнографами, авторы названных работ внимательно прослеживали материальную и духовную составляющие праздников, называли предметы, которые использовались в проведении праздничных церемоний – плакаты, макеты,

¹ Квашнин Н. Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете // Советский музей. М., 1935. №3. С.68-74.

² Производственно-технический музей Кузнецкого металлургического комбината имени товарища Сталина // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1940. Т. 1. С.204, 210.

³ Леонова Т.Г. Эволюция жанра сказки в условиях современности. (По материалам Омской области) // Сибирский фольклор. Омск, 1965. Вып. 1. С.99-120; Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М.: Наука, 1978. 200 с.; Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Л., 1984. 300 с.; Смирнова В.И. Изучение досуга и развлечений крестьян краеведами Западной Сибири // Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 30-40; Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. М., 1987. № 6. С. 3–15.

карикатурные изображения, отмечали символизм и карнавальность праздничных манифестаций. Первыми среди советских исследователей исследователи-этнографы охарактеризовали новые формы и ритуалы праздничных мероприятий, указали на зрелищно-обрядовые составляющие праздников послереволюционной эпохи. Они признавали за праздником значение важного элемента общественного быта, через который осуществлялись социокультурные преобразования. Особую ценность для данного исследования имеют выводы О.Р. Будиной и М.Н. Шмелевой о том, что советские праздничные торжества практически вытеснили из общественной народной жизни старые календарные церковные праздники. Располагая развитым праздничным комплексом, новыми обычаями и обрядами, советские праздники утвердились не только в сфере общественной жизни, но и в домашнем быту, стали семейными праздниками¹.

Особо следует отметить коллективную монографию, посвященную смеховой культуре Древней Руси, в которой впервые в исследовательской литературе разработана структура народных и церковных праздников, охарактеризованы праздничные обряды и ритуалы, сложившиеся в древности и сохранившиеся до XX в.: святочные и масленичные игрища, святочные ряжения, колядование, гадания².

К исследованиям этнографов примыкали работы советских философов, которые акцентировала внимание на сценарной управляемости праздника как инструмента формирования мировоззрения граждан СССР, изучали природу и функции советских праздников, решали проблемы его организации как театрального представления с обязательным обозначением приоритетных и «сопутствующих» действующих лиц, вступительных, основных и заключительных постановочных актов. Исследователи подчеркивали созидательное начало феномена праздника, которое связано с

¹ Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских... С.243-244.

² Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984. С.154-202.

«жизнеутверждающим» культурным строительством. Д.М. Генкин, А.А. Конович, О.В. Немиров рассматривали праздник как комплексное социально-педагогическое явление, как утверждение культурных приоритетов среди населения под обязательным контролем компетентных специалистов (сценаристов, режиссеров и др.). Особый акцент ставился на средства идейно-эмоционального воздействия, имевших целенаправленное воспитательное значение регулятора настроений, ориентированных на выявление и «уничтожения зла» и всего того, что может причинить вред существующей культурной данности. Отмечалась основная функция праздничного начала – социокультурная консолидация массы вокруг официальных партийно-государственных структур и их лидеров¹.

В работах Е.П. Гершуни, И.М. Туманова, А.И. Чечетина, А.Д. Жаркова праздничные события, представленные общегосударственными торжествами, рассматривались как основа театральных постановок в целях использования их в культурно-просветительной работе².

В 1960–1980-х гг. появились первые исторические исследования, авторы которых коснулись роли праздника в культурном строительстве в Советской Сибири, коротко затронули вопросы организации и проведения праздников, осветили участие городских рабочих в праздничных мероприятиях в первые пореволюционные десятилетия³.

¹ Генкин Д.М. Массовые праздники. М., 1975; Генкин Д., Конович А. Массовые театрализованные праздники и представления. М., 1985; Немиров О.В. Праздничный город. Л., 1987; Конович А.А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М., 1990.

² Гершуни Е.П. Массовые зрелища и народные представления. Л., 1962; Туманов И.М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. Л., 1974; Чечетин А.И. История массовых народных празднеств и представлений. М., 1976; он же. Основы драматургии театрализованных представлений. М., 1981; он же. Искусство театрализованных представлений. М., 1988; Жарков А.Д. Революционные праздники и их воспитательное значение. М., 1989.

³ Соскин В.Л. К вопросу о периодизации культурного строительства в Сибири (1917-1929 гг.) // Бахрушинские чтения. Вып.3: Сибирь в эпоху социализма. Новосибирск, 1968. С.26-37; Буторин В.П. Рабочие клубы в Западной Сибири (1928-1932 гг.) // Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1973. С.156-164; Лукинский Ф.А. О задачах, характере и сроках осуществления культурной революции // Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972. С. 48-54; Марченко Ю.Г. Начало советского музыкального просвещения в Сибири // Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1973. С.44-50; он же. Сибгосопера – центр музыкального просвещения Сибири 20-х годов // Бахрушинские чтения. Вып.1: Вопросы истории Сибири советского периода. Новосибирск, 1973. С.73-80; он же. Очерк истории культурного развития рабочих Сибири (1920–1928). Новосибирск, 1977; Буторин В.П., Казанцева Л.К., Московский А.С. Роль клубов и театров Сибири в формировании облика рабочих в годы первых пятилеток (1928-1937 гг.) // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1980;

Важное значение для раскрытия темы диссертационной работы имеют исследования по проблеме культурогенеза, формирования культурного наследия России. В трудах Ю.М. Лотмана сформулировано понятие семиосферы – комплекса знаковых систем, отражающих ценности эпохи. Семиосфера формирует мир организованной культуры, в котором царит благополучие и упорядоченность идеального общественного состояния, и праздник выступает как ее важная составная часть. В организации и проведении праздников используются обряды, ритуалы, церемонии, традиции, жесты, лексика (например, словесные формулы), изделия народных промыслов, предметы материальной культуры, а также магические действия, гадания, игры и забавы, формирующие праздничную знаковую систему. Со временем некоторые из знаковых средств утрачивают первоначальный смысл и наполняются иным содержанием, отражая новое значение праздника¹.

Академик Д.С. Лихачев сформулировал научное понятие культурного наследия как формы закрепления и передачи совокупного опыта человечества. При этом он четко выделял две его составляющие: духовную (язык, идеалы, традиции, фольклор) и материальную (музейные, архивные, библиотечные фонды, памятники археологии, архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, а также достопримечательные места, уникальные ландшафты, современные сооружения, представляющие особую ценность с точки зрения истории, искусства или науки)². В этой системе праздник занимал пограничное положение, включая элементы духовного и материального свойства и

Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937. Новосибирск, 1988; Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск: Сред.-Урал. Кн. изд-во, 1986. 320 с.

¹ Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры IX – XIX веков // Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 112–115; он же. Культура и взрыв. М., 1992; он же. Память в культурологическом освещении // Лотман М.Ю. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т.1. С.13–22; он же. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999.

² Лихачев Д.С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. № 3. С. 3–12; он же. Предисловие // Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации. М., 1981. С.41–46; он же. Память преодолевает время // Наше наследие. М., 1988. № 1. С. 1–4.

обеспечивая им наиболее сильное и яркое проявление. Д.С. Лихачев говорил: «Обычаи и обряды наиболее сильно выражаются в праздниках. Народное искусство связано с обиходом и обрядом. Вот почему оно одновременно и празднично. Фольклор вещевой, словесный и музыкальный – это праздничное обряжение жизни»¹.

Начатые Ю.М. Лотманом и Д.С. Лихачевым исследования в рамках советской историографии были продолжены ими и их коллегами в новый период, получивший название постсоветского. В современных работах российских культурологов, философов, историков праздник выступает средством моделирования социокультурной среды, интегрирующей системой повседневности, которая отражает и формирует представления общества о существующем миропорядке и, следовательно, является частью сферы культурного наследия². Примечательна работа томского политолога А.И. Щербинина, который ввел в научный оборот категорию «матричное циклическое мышление» и показал, как праздничный календарь осуществляет матричный механизм воздействия на память многих поколений россиян, формирует амбивалентные стандарты социальных ценностей, правила и образ ведения быта и праздников³. Научные публикации современных исследователей сосредоточены на изучении таких функций праздников, как снятие социальной напряженности, психологическая разрядка, достижение эмоционального удовлетворения, на выявлении их

¹ Лихачев Д.С. О культуре // Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. С.230.

² Орлов О.Л. Праздничная культура России. СПб., 2001; он же. Историко-культурные аспекты Новогоднего и Рождественского праздников // Клио: журнал для ученых. М., 2001. № 3(15). С.31-39; Арнаутова Ю.Е. От тетогія к «истории памяти» // Одиссей: человек в истории. М., 2003. С. 170-198; Гужова И.В. Целостная модель праздника как феномен культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2006. Вып. 7(58), серия гуманитарных наук. С. 92-95; Попова В.Н., Шумихина Л.А. Трансформация форм праздничной культуры: игровой аспект // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2008. №55. С. 25-34; Каверина Е.А. Праздник как эстетический и социальный феномен // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009. №324. С. 119-122; Попова В.Н. Праздник как форма культурной памяти: проблема «забвения» и реконструкции прошлого // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. №1 (87). С. 6-17; Слюсаренко М.А., Сысоева Л.С. Праздник: событие и смысл. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2015. 228 с.

³ Щербинин А.И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России // Вестник Томского государственного университета. Серия: философия, политология, история. 2008. №. 2. С. 52–69.

роли в сублимации социального накала в «ощущение эйфорического единства»¹.

Особо следует указать на работы В.П. Исаенко, Н.С. Полищук, А.В. Фроловой, в которых обсуждается диалог города и деревни на базе праздников и торжеств в первые десятилетия Советской власти, характеризуется феномен консервации традиций, а одновременно – трансформации крестьянского праздника под влиянием города². Интересная точка зрения представлена С.Ю. Малышевой и С.Н. Шаповаловым, рассматривающими городской праздник как движущую силу массовой культуры, как важнейшую составляющую исторической реконструкции социальной реальности через символику праздничных форм и их идейной составляющей³.

Тема праздника обязательно раскрывается в трудах по истории отдельных сибирских городов и городского населения в целом⁴. Праздничной теме посвящены монографии и статьи, в которых на широкой документальной основе раскрываются организация и проведение праздников

¹ Михайлов С.В. Государство и церковь: отношения органов власти. Архангельск, 1998; Абрамян Л.А. Время праздника // Отечественные записки. М., 2003. № 1. С. 14–19; Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. С.3-19; Чеканцева З.А. Праздник и бунт во Франции между фрондой и революцией // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2005. С.49-67; Петрухин В.Я. «Праздник» в средневековой Руси: к проблеме исторической специфики // Там же. С. 81-88; Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. С.8-14.

² Исаенко В.П. Праздничная культура русского народа как ценностно-адаптационный феномен. Челябинск, 2005; Полищук Н.С. Развитие русских праздников // Русские. М., 2005. С. 573–601; Фролова А.В. Праздники русских Архангельского Севера в XX – начале XXI века (традиции и инновации). М., 2006.

³ Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920-х гг. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10; Она же. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; Шаповалов С.Н. Становление и развитие советских государственных праздников в XX веке // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы IX международной научной конференции. Иваново, 2010. Ч. 2. С. 729–736; Он же. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.

⁴ Гришин В.Ф., Ивонин А.Р., В.П. Кладова и др. Барнаул. Летопись города. Барнаул, 1994. Ч.1-2; Томская область. Исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 656 с.; Куприянов А.Н. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX, 1995. 157 с.; Рассмахин Ю.К. Очерки истории Колпашевского района // Земля Колпашевская: сб. научно-популярных очерков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С.275-415; Усков И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 82 с.; Дмитриенко Н.М., Ларьков Н.С., Косых Е.Н. и др. Томск. История города от основания до наших дней. 2- изд., испр. и доп. Томск, 2004. 463 с.; Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII-XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 347 с.; Гурьевск: страницы истории / отв. ред. В.А. Просеков. Кемерово, 2008. 180 с.; Дмитриенко Н.М. История Томска: книга для старшеклассников и студентов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.

в Сибири в XIX – XX вв., исследуется социокультурное пространство города как основа праздников, на конкретных материалах раскрываются обрядность и атрибутика праздников¹. Особый интерес представляют немногочисленные пока работы, в которых освещаются праздничные практики в сибирских городах в 1920–1930-х гг., показаны массовые праздники, внимание к их организации со стороны органов государственной власти и управления².

Важнейшее значение для изучения темы диссертации имеют труды историков и музееведов, которые характеризуют процессы комплектования, обработки, хранения, экспонирования и публикации музейных предметов и коллекций, подчеркивают роль музеев как хранителей памятников культурного наследия³. В музееведческих работах описаны некоторые праздничные атрибуты, например, коллекция агитационного фарфора – тарелки и чайные блюда с революционными призывами и лозунгами,

¹ Андреева Е.А. «А вот и я, развеселый потешник...» // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 2003. №2. С. 9-12; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Издательский дом «Наука», 2004. 292 с.; Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 54 с.; Серякова Н. А. Развлечения на масленицу в Томске во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 69-81; Томилов И.С., Федотова Д. Ю. Традиции празднования юбилейных дат в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. №414.

² Шилова С.В. Досуговая деятельность клубов г. Томска (1920-е годы) // Этюды культуры: материалы Всероссийской научной конференции. Ч.1: Музеология и культурное наследие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С.121-123; Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. 403 с.; Меньков С.В. Процесс организации советских государственных праздников на Алтае в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 84–87.

³ Павлина Г.И. Музей как центр сохранения культурных традиций общества // Краеведение Сибири: история и современные проблемы: тезисы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С.123-125; Булдаков В.П. Современная историографическая ситуация и музейные экспозиции: виртуальное и / или материальное? // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М., 2002. С.107-115; Шулупова Э.А. Наследие и современность: проблемы изучения и сохранения // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: материалы Международной конференции. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. С.3-10; Топычканов А.В. Охрана и музеефикация культурного наследия России в XVIII – начале XX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С.327-354; Шумилов А.И. Исторические отделы музеев Сибири (создание и деятельность в 1920-1930-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2008. №14. С.11-19; Томилов Н.А. Социальная значимость музейного историко-культурного наследия // // Культуры и народы Северной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып.2. С.42–44; он же. Социальные функции и роль историко-краеведческих работ музеев (по материалам Омского региона) // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М., 2015. С. 679-695; он же. Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества // Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: избранные научные работы: в 2 ч. Ч.1: Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. Омск: Изд-во Омск. Ун-та, 2016. С.95-100.

фарфоровые скульптуры и композиции, выпущенные к первым годовщинам Октябрьской революции. Сохранившиеся в коллекционном собрании М.В. Мироновой и А.С. Менакера, ныне они переданы в фонды Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства в Москве¹. В отдельных статьях современных исследователей раскрываются информационные ресурсы российских музеев в изучении праздников, характеризуются политические плакаты 1920-30-х гг., даются сведения о праздничной мужской и женской одежде, о других предметах, домашнего обихода (пряничная доска, гармонь), которые можно приурочить к праздничной культуре². В книге-альбоме «Томский областной краеведческий музей» приведены интересные сведения о выставке, организованной в 1925 г. к 20-летию Первой русской революции, и о праздничных мероприятиях в честь 10-летия Октябрьской революции³. В статье Т.Д. Черновой охарактеризованы выставки, проводившиеся в конце 1990-х гг. в Кемеровском областном краеведческом музее в канун пасхальных празднеств. Центром выставок был праздничный стол с различными экспонатами, хранившимися в фондах музея или изготовленными учениками детской художественной школы и мастерами народных промыслов⁴. Немалый интерес представляют исследования, выполненные в жанре иллюстрированной истории, в которых культурное развитие и праздники

¹ Соснина О. Пролетарский фарфор // Наше наследие. М., 1991. №6. С.130-135.

² Октябрьская И.В., Асташкина Т.А. Из истории формирования этнографических фондов Томского краеведческого музея: коллекции и персоналии // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т.8. С.88-97; Колоскова Т.Г. Советский политический плакат как исторический источник (по материалам выставок «Символы эпохи в советском плакате») // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. М., 2001. С.328-334; Малахатко У.В. Русская вышивка в собраниях Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып.2. С.293–296; Золотова Т.Н. Праздничное пространство омской городской культуры от эпохи Петра I до наших дней: трансляция исторической памяти и формирование толерантности музейными средствами // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура): материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 2010. С. 133-141.

³ Томский областной краеведческий музей: из прошлого в будущее / отв. ред. Э.И.Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С.19-23.

⁴ Чернова Т.Д. Выставка «Пасха – светлое Христово воскресение» в залах музея // Краеведение Сибири: история и современные проблемы: тезисы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С.108-109.

освещаются не только с опорой на письменные источники. Авторы активно привлекают изобразительные и вещественные источники, извлеченные из архивных и музейных хранилищ, и таким образом формируют визуальное представление о городских праздниках и их атрибутике¹.

Проблема праздника привлекает и зарубежных исследователей, которые связывают советские праздники с традициями русской культуры, выявляют роль праздников в процессах социализации населения, подчеркивают использование праздников и праздничных атрибутов в агитационно-пропагандистской работе². Опыт исследования праздничного календаря предпринят британскими авторами Б. Блэкберном и Л. Холфорд-Стревенсом, показавшим значение календаря, как организующего начала массовых праздников³. Ключевое положение среди зарубежных исследователей советского праздника принадлежит немецкому историку Мальте Рольфу. В монографии «Советские массовые праздники» он проследил формирование культуры массовых праздников в СССР, сформулировал положение о празднике как «отсрочке будней»⁴.

В целом в исследовательской литературе с давних пор проявляется интерес к изучению российских праздников, отмечается большая роль празднеств в социокультурном развитии страны и отдельных регионов, затрагивается значение праздников как компонентов сферы культурного

¹ Томск: история города в иллюстрациях. 1604-2004 / сост. О.В. Патрина, Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 600 с.; Кузбасс: страницы истории: фото-иллюстрированный очерк / Н.П. Шуранов, И.Ю. Усков. 2-е изд. Кемерово: СКИФ; ОАО «ИПП «Кузбасс»», 2006. 320 с.; Славься, университет! Иллюстрированные страницы истории ТГУ / сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 320 с.; Томский политехнический университет: история в иллюстрациях / сост. С.И. Никифоров. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2016. 352 с.; Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году. Томск: Издательский дом ТГУ, 2017. 184 с.

² Жигульский К. Праздник и культура / пер. с польск. М., 1985; Petrone K. «Life Has Become More Joyous, Comrades»: celebrations in the time of Stalin. Bloomington, 2000; Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: историко-философский очерк. М., 2001; он же. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М., 2002; Якобсон С., Лассвелл Г.Д. Первомайские лозунги в советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 1 (21). С. 123–141; Корни Ф.К. Истина и поэзия. Десятая годовщина Октября / пер. с англ. В. Макарова // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2015. №3 (101). С.18-43; Кустова М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Там же. С.57-77.

³ Blackburn B., Holford-Strevens L. The Oxford Companion to the Year. Oxford, 1999.

⁴ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 17–18.

наследия. Однако тема массовых праздников в городах Западной Сибири в аспекте сохранения культурного наследия затронута лишь фрагментарно.

Исходя из актуальности и недостаточной степени изученности праздников, **целью диссертационного исследования** поставлено выяснить роль и значение праздника в жизни горожан Западной Сибири, выявить музееведческий потенциал праздников.

Задачи диссертационного исследования:

- разработать методологический аппарат изучения праздника как комплекса памятников культурного наследия;
- определить роль праздника в формировании историко-культурной среды в городах Западной Сибири;
- изучить традиции и новации праздничной культуры в городах Западной Сибири;
- выявить механизмы использования праздников и праздничных атрибутов в системе государственного управления;
- определить способы и приемы документирования праздников в музеях.

Цель и конкретные задачи диссертационной работы обусловили объект данного исследования каковым являются организаторы и участники праздничных действий. Предмет диссертационного исследования составляют организация, формы и технологии осуществления массовых праздников в городах и их отражение в музейных практиках.

Территориальные рамки работы охватывают города Западной Сибири (в границах современных Омской, Тюменской, Новосибирской, Томской областей и Алтайского края). Хронологические рамки работы включают 1920–1930-е гг. как период институционального становления праздников, активного использования их в качестве инструмента социализации городского населения.

Методологию исследования определяют позиции исторической антропологии, которые, по свидетельству А.Я. Гуревича, находят выражение

в постановке новых проблем, в поисках новых источников и нацеливают на «человеческое содержание социальных процессов». Расширение области исторического исследования позволяет, по мнению А.Я. Гуревича, с большей достоверностью понять внутренний мир людей изучаемой эпохи, перейти «к изучению культуры “изнутри”, как она воспринималась и переживалась самими участниками драмы истории»¹.

Используются положения знаковой теории культуры, разработанной Ю.М. Лотманом, которые позволяют рассматривать праздник как комплекс знаков и знаковых систем, формирующих содержание и смысл праздничной деятельности: символы, церемонии, обряды, ритуалы, традиции, жесты, элементы народного творчества, игры, забавы, декорации, кухня, специальные сооружения и снаряжение и др.²

В работе используется системный подход, обеспечивающий возможность рассматривать городские праздники как многосложную систему массовой культуры, выявлять, анализировать и обобщать элементы этой системы (субкультуры, типы и виды праздников и др.), отслеживать трансформацию праздничных технологий и форм, происходившую под влиянием политических и социальных процессов в обществе.

Применение междисциплинарного подхода позволяет привлекать к исследованию материалы различных дисциплин: политологии, социологии, искусствоведения, этнографии и др.

Используемый в диссертации историко-сравнительный метод помогает провести сравнение изучаемых явлений, выяснить наличие или отсутствие связей между различными типами праздников, выявить общие для всей страны и присущие только Западной Сибири формы и содержание праздничных мероприятий, их взаимовлияние и взаимодействие и таким образом достичь понимания исторических изменений в праздничной культуре. Кроме того, применяемый метод позволяет определить

¹Гуревич А.Я. Понимание истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. М.: Наука, 2001. С.173-174.

² Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. СПб., 2000. С.14-19.

уникальность, единичность, или массовость вещественных и изобразительных источников.

Применение историко-типологического метода дает возможность провести группировку характеризуемых событий и явлений, углубить представление о структуре и функциях городских праздников.

В диссертационной работе применяется музеографический метод, обеспечивающий описание и качественную характеристику музейных предметов, позволяющий определить их музейную ценность, информативность, а также экспрессивность и аттрактивность.

Методология диссертационного исследования опирается на научные принципы историзма и объективности. Принцип историзма требует рассмотрения всех анализируемых явлений и событий в развитии и конкретно-исторической обусловленности. Согласно принципу объективности исторические события и факты освещаются с соблюдением непредвзятости суждений и положений.

Диссертационная работа отличается научной новизной как первое в отечественной историографии исследование истории городских праздников в контексте формирования и развития сферы культурного наследия в Западной Сибири. Впервые в музееведении проработана методология изучения праздника как комплекса памятников культурного наследия, выявлены и охарактеризованы основные структурные составляющие этого комплекса, намечены пути и способы сохранения и использования памятников, документирующих сибирские праздники. В научный оборот вводится большой объем систематизированной информации, извлеченной из хранилищ объектов культурного наследия всех типов – архивов, библиотек и музеев.

Выполненная работа имеет **практическое значение**. Полученные в ходе изучения темы результаты и выводы можно использовать в исследовательской работе по широкому спектру истории и культурного наследия Западной Сибири, в учебной работе, в разработке лекционных

курсов для студентов, получающих музееведческое / музеологическое или историческое образование, а также и в различных видах музейной деятельности – в научно-фондовой, научно-экспозиционной и культурно-образовательной работе.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке методологического аппарата изучаемой темы, в том, что обоснованы научные понятия, методы и принципы, позволившие рассматривать праздник как комплекс памятников культурного наследия; раскрыты связи и взаимопроникновение праздничных обычаев и традиций, дореволюционной эпохи с новыми компонентами праздничной культуры, порожденными условиями жизни западносибирских горожан в 1920–30-х гг.; дополнены и расширены представления об артефактах и атрибутах праздничных мероприятий в городах Западной Сибири 1920–30-х гг., которые собирались, сохранялись, а частью и экспонировались в музеях.

Материалы диссертации прошли научную апробацию в выступлениях автора на международных, всероссийских и региональных конференциях в Томске, Новосибирске, Новокузнецке: Всероссийская научная конференция «II чтения, посвященные памяти Р.Я. Яворского» (Новокузнецк, 2006); Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2007); Международная научная конференция «IV чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского» (Новокузнецк, 2008); региональная молодежная научная конференция «Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы» (Новосибирск, 2010); Всероссийская молодежная научная конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2011); Всероссийская (с международным участием) научная конференция «X чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского» (Новокузнецк, 2014); Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Этюды культуры» (Томск, 2015).

По теме диссертации опубликовано 14 научных статей, в их числе 5

статей в журналах, входящих в «Перечень, рецензируемых научных изданий» ВАК.

Опора на источниковедческие разработки С.О. Шмидта позволила осуществить классификацию исторических источников диссертационного исследования и подразделить их на четыре типологических группы, в основу выделения которых положен способ отражения действительности, или способ кодирования информации, – письменные, электронные, изобразительные и вещественные источники¹.

Корпус письменных источников представлен законодательными актами центральных органов власти и управления и приравненными к ним постановления и резолюции ЦК Коммунистической партии, имевших силу закона². В них содержатся важные для решения поставленных в диссертации задач положения о гражданских правах женщин, о состоянии музейной работы в стране в 1930-х гг. и др.

Вторую группу письменных источников составили документы делопроизводства, которые в большинстве своем отложились в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Государственном архиве Томской области (ГАТО), Новокузнецком филиале Госархива Кемеровской области (НФ

¹ Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Шмидт С.О. Путь историка: избранные руды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.83-88.

² Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 31 с.; Конституция Союза ССР и Конституция Советских Социалистических Республик. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. 283 с.; Постановление СНК СССР «О дне физкультурника» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик. М., 1939. №39. С.580; Постановление ВЦИК 1 января 1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т.3: 1930-1934 гг. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1949. С.431-433; Одиннадцатый съезд РКП (б): резолюция «По вопросу о работе среди работников и крестьянок» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1983. Т. 2. С. 528-529; Двенадцатый съезд РКП (б): резолюция «О работе РКП среди работников и крестьянок»; резолюция «О работе РКСМ» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 125–129.

ГАКО), Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Привлекались по преимуществу директивные и отчетные материалы государственных и партийных структур, протоколы, межведомственная переписка, информационные, аналитические и докладные записки, включающие распоряжения об организации государственных праздников в городах Западной Сибири и отчетные материалы об их проведении.

Используемые в диссертации документы делопроизводства с достаточной полнотой отражают позицию партийно-государственного руководства по отношению к праздникам как важнейшим мероприятиям в системе политико-просветительной и агитационно-пропагандистской работы. Что касается достоверности содержащейся в них информации, то она во многом зависела от компетентности и личной заинтересованности авторов рассматриваемых документов. Наиболее достоверны сведения, собранные для их фиксации, например, протоколы заседаний или ведомственная переписка. Сложнее обстоят дела с точностью данных в отчетах и аналитических записках о проведении тех или иных праздничных мероприятий, организация которых входила в обязанность составителей отчетной документации. Необходимо учитывать идеологическую тенденциозность, ведомственные интересы составителей, которые могли исказить достоверность сообщаемых фактов, изложить их предвзято, необъективно (например, о политических настроениях, о социальной активности участников празднеств), что имело распространение в условиях частой смены политического курса, разгула репрессий в стране в 1920–1930-е гг.

К группе источников делопроизводственного характера близко примыкают политические и публицистические выступления руководителей партийных и государственных органов в центре и на местах, различные агитационные материалы, которые содержали установки властных структур,

определяли цели и задачи проведения праздников и досуговых мероприятий¹. В силу напряженной внутрипартийной борьбы в СССР в изучаемое время политические лозунги и руководящие распоряжения могли в одночасье измениться в ходе борьбы с оппозицией, с «врагами народа». Принятые на вооружение в определенное время они могли оказаться неприемлемыми и опасными для употребления в ближайшие сроки.

В работе над диссертацией привлекались документальные публикации, содержащие сведения об организации и проведении различных праздничных мероприятий в сибирских городах, в основном среди женщин и студенческой молодежи, а также хорошо подобранные публикации документов по истории Томского краеведческого музея, о репрессиях против сибирского населения и др.²

Весьма содержательную группу письменных источников составляет периодическая печать, которая отражала, а одновременно и формировала общественное мнение. В диссертации использованы издания широкого диапазона. Прежде всего привлекались официальные органы комитетов РКП(б) / ВКП(б) краевого – губернского – окружного уровня: «Советская Сибирь» (Новониколаевск / Новосибирск), «Большевик Кузбасса» (Кузнецк), «Красное знамя» (Томск), «Омская правда» (Омск), «Звезда Алтая» (Бийск) и др. Незаменимую информацию содержали социально-профессиональные, женские, молодежные и детские издания – «В помощь вожатому», «Сибирский педагогический журнал», «Спутник политрука», «Юный

¹ Комсомольское рождество. М., 1923; Комсомольская пасха. М., 1924; Луначарский А.В. О народных празднествах // Вестник театра. М., 1920. № 62; Опыт организации массового празднества / под ред. А.С. Гущина. М., 1931; Кузнецова А.Д., Магидсон А.С., Щушш Ю.П. Оформление города в дни революционных празднеств. М.; Л., 1932; 15 лет Октября и рабочая молодежь. В помощь ячейковому и групповому агитатору. М., 1932; Опыт работы комсомола доменного цеха Кузнецкстроя. Омск, 1932; Калинин М.И. О некоторых вопросах агитации и пропаганды: [переиздание]. М., 1958.

² Переключки поколений. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. 303 с.; История Томского политехнического института в документах. Т.2: 1918-1945: сб. документов и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 200 с.; История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т.11. С.3-177; Томские женщины. XX век: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2003. 365 с.; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933-1937 годы): сб. документов / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пашенко. Новосибирск: Сова, 2004. 352 с.; Институты управления культурой в период становления. 1917 – 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы / гл. ред. К. Аймермахер. М., 2004. 312 с.

пропагандист», «Педагогическая правда», «Красная сибирячка» и др. Все привлеченные к исследованию газеты и журналы осуществляли функцию «рупора общественного голоса», отражали динамику политического курса партийно-государственного руководства, регламентировали праздничную и досуговую деятельность горожан.

Особо следует сказать о детских и юношеских периодических изданиях, которые были нацелены на коммунистическое воспитание подрастающего поколения, ставили своей главной задачей оказание «помощи пионерской организации в школе». Одновременно они прививали детям и подросткам идеалы дружбы, товарищества, взаимопомощи, любви к Родине, добра и справедливости. Автором подсчитано, что в 1925 г. в Западной Сибири распространялось около 40 детских и подростковых газет и журналов, к 1930 г. таковых имелось уже 85. В 1930-х гг. поколенческие издания стали выпускаться в цвете, включали множество рисунков и фотографий, то есть практически становились символом праздников. Но при этом в них встречалось все больше политизированных текстов, частушек и даже юмористических рассказов, в которых раскрывались «антисоветские заговоры», разоблачались сектанты и церковники, эсеро-меньшевики, «оппортунисты всех мастей»¹.

Рассчитанные на большой социальный и возрастной охват читательской аудитории, западносибирские газеты и журналы были насыщены разнообразной информацией о социально-экономической и культурной сферах, о повседневной жизни горожан. Содержание газет и журналов, характер подачи материалов, особенно в 1930-е гг., позволяют оценить напряженную социокультурную ситуацию в городах (да и во всей стране), глубже осознать роль праздников в психологической релаксации населения, в поддержании веры в социальную справедливость. Это

¹ Октябрятская звездочка: издание Зап.-Сиб. крайкома ВЛКСМ для октябрят и школьников младших групп (Новосибирск); Комсомольский штурм: орган Омского горкома ВЛКСМ (Омск); Юный безбожник: журнал школьного безбожного актива при ЦК ВЛКСМ (Москва); Большевицкая смена: орган Западно-Сибирского крайкома ВЛКСМ (Новосибирск).

превращает периодические и повременные издания в незаменимый для раскрытия темы диссертации комплекс сведений.

В диссертационной работе использованы источники личного происхождения – воспоминания и свидетельства очевидцев праздничных событий – А.Л. Коптелова, А.В. Кузнецова, В.Е. Аверичевой, А.Н. Пирожковой и др. Они содержат эмоционально насыщенные впечатления жизни в сибирских городах в 1920–1930-х гг. и через индивидуальное личностное восприятие праздничных событий заметно расширяют и одновременно углубляют понимание рассматриваемой проблемы, дают то видение культуры «изнутри», о котором писал А.Я. Гуревич.

Привлекались музеографические и справочные издания: путеводители по городам и музейным фондам, каталоги выставок и экспозиций¹. Они обеспечили знание музейной работы с материалами и предметами праздничной культуры, позволили взглянуть на праздничные события 1920–1930-х гг. как на памятники культурного наследия.

Все более важное значение в изучении темы приобретает информация электронных источников. В Интернете силами департаментов Министерства культуры РФ создан и интенсивно пополняется Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации, который содержит перечень коллекций и музейных предметов каждого отдельно российского музея².

Третью типологическую группу источников диссертационного исследования составили изобразительные источники, которые кодируют информацию посредством зрительного образа через фотодокументы, картины, произведения декоративно-прикладного искусства³. В

¹ Новосибирск: путеводитель-справочник / ред.-сост. Г. Прашкевич. Новосибирск, 1976. 191 с.; Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. Свердловск, 1980. 160 с.: ил.; Тюмень: путеводитель-справочник / науч. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1974. 144 с.; Выставка «Дочери Сарры»: каталог / сост. Т.Ю. Назаренко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 102 с., ил.; Путеводитель по фондам Новосибирского государственного краеведческого музея / отв. ред. А.В. Шаповалов. Новосибирск, 2011. 402 с.; Путеводитель по фондам музеев Новосибирской области / отв. ред. А.В. Шаповалов. Новосибирск, 2012. Т.1. 404 с.

² Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/>. Дата обращения: 17.11.2017.

³ См.: Плагин В.А. Изобразительные источники // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. Т.1: А – М. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. С.212.

диссертационном исследовании привлекались фотографии, сохранившиеся в музеях и архивах и у частных коллекционеров, а также типографские публикации открыток и фотоальбомы¹. Изображенные на них праздничные демонстрации, участники праздничных действ различного характера, а также памятники и достопримечательные места, связанные с праздниками и торжествами, обеспечивают визуализацию праздников, детализируют и оживляют представления о них.

Важное значение в изучении темы приобретают вещественные источники, прежде всего музейные предметы, сохранившиеся в Томском областном краеведческом музее, в Музее истории ТГУ, в Новокузнецком краеведческом музее. Это красное знамя Томской артиллерийской школы, подаренное томичам Кузнецким уездным комитетом ВКП(б) в 1931 г., а также мягкие игрушки, патефон, нагрудные значки, свидетельствовавшие о сдаче норм ГТО и др. Эти и подобные им вещественные источники сопровождали проведение праздников в городах, использовались в оформлении праздничных колонн, создавали праздничное настроение горожан.

Все названные источники, при обязательном условии критического отношения к ним, а также сведения предшественников в изучении темы позволяют воссоздать многостороннюю, хотя и достаточно противоречивую картину подготовки и проведения праздничных акций в городах Западной Сибири межвоенного периода, обеспечивают основу для достижения поставленной цели и решения конкретных задач.

На защиту выносятся следующие положения:

- недостаточный уровень методологического осмысления городских праздников потребовал самостоятельной разработки методологического аппарата темы, с помощью которого процесс исследования структурирован,

¹Памятник-обелиск борцам за Советскую власть в Томске / фото В. Кондратьева: открытка, изд. в 1960-х гг.; Новосибирск: [фотоальбом] / сост. Н. Мейсак; ред. А. Андреев. М., 1965. 96 с.; Томск: фотоальбом / сост. Б.Я. Баянов, А.Ф. Пасечник. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 108 с.; Колпашево: город на Оби: [комплект открыток] / Колпашевский краеведческий музей. Колпашево, 2009.

выделены и обоснованы научные понятия и определения, которые позволили рассматривать праздник как комплекс памятников культурного наследия;

- в праздничной культуре западносибирских горожан 1920–1930-х гг. в значительной степени сохранялись обычаи и традиции, а также внешний антураж дореволюционной эпохи, одновременно в нее включались новые компоненты, порожденные условиями советской жизни;

- праздники и праздничное поведение городского населения Западной Сибири двух первых пореволюционных десятилетий находились под строгим контролем органов партийно-государственной власти и управления, которые использовали различные виды и формы досуга и праздников в целях воспитания нового поколения советских людей, формирования у них коммунистического мировоззрения;

- разнообразные памятники, сложившиеся и использовавшиеся в праздничных мероприятиях 1920–1930-х гг. в городах Западной Сибири, собирались и сохранялись, а частью и экспонировались в музеях как предметы, отражающие городскую повседневность. Методологического переосмысление и обновление работы с комплексом праздников обеспечивает иные более эффективные способы актуализации культурного наследия Западной Сибири.

Глава 1. Праздник и его роль в формировании культурного наследия Западной Сибири в первые послереволюционные десятилетия

Сфера культурного наследия интегрирует духовные и материальные ценности, охраняемые и почитаемые обществом, в их числе праздники и праздничные атрибуты. В этом ключе представляется важным исследование структуры праздника, процессов его формирования и трансформации, определение места и значения праздника в системе культурного наследия.

1.1. Феномен праздника

Праздник можно рассматривать как инструмент моделирования пространства и времени, как фактор социализации человека, как сложное многозначное социокультурное явление. Характерной чертой праздника, в его классическом понимании, является его «незанятость». Так этот термин толкуется в словарях русского языка: «свободный от работы», «пустой», «порожнее», «не-деля». При этом, «пустота» и «незанятость» осмысливаются как разрыв во времени, период праздничного пространства «безвременья»¹. Данную идею подчеркивает М.М. Бахтин, который определяет праздник как специфическую форму человеческого бытия, антитезу будням, ассоциируемую со вступлением «в мир равенства, свободы и изобилия»². Одновременно М.М. Бахтин говорит о празднике как «временном выходе в мир утопии», определяющем систему ценностей социума, представляющем мир идеальной утопии в сочетании со стабилизацией порядка, временное освобождение от господствующих ценностей³. Зародившись в архаические времена, праздник становился «своеобразной формой народного

¹ Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1989. С. 324; Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Репринтное изд. М., 2000. Т. 1. С. 213.

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 355.

³ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 122-123.

выступления». По обоснованному мнению З.А. Чеканцевой, участники празднеств исполняли ритуалы и обряды, которые в повседневной жизни запрещались церковными и светскими властями, как следствие, праздник служил своеобразным катарсисом и через праздничные атрибуты – карнавальные маски, шутовские куплеты и танцы, трещотки и барабаны – выполнял определенную психотерапевтическую роль¹.

Многозначность понятия праздника представлена в работах, авторы которых отмечают синтез, соединение, противоположностей. Будучи частью свободного времени, праздник носит отчетливо сублимирующий характер, он не только способствует достижению определенного душевного состояния участников, но и снижает уровень агрессии в ситуациях, которые квалифицируются как отрицательные². Историк искусства Г. Поспелов считает, что, разграничивая и разъединяя социум, праздник в то же время нацелен на объединение и формирование утопического ощущения причастности к общим ценностям и группе³. В имеющихся исследованиях отмечается двойственность праздника, присутствие в нем двух составляющих – ритуально-партиципативной (социальной) и ритуально-смеховой (игровой). Преобладание одной или другой компоненты определяет «лицо» праздника. Например, религиозные праздники (Рождество, Пасха) являются по преимуществу партиципативными; их отличает «прочувствованная серьезность», чувство приобщения к высшим духовным ценностям и циклам Вселенной⁴. Партиципативные праздники зачастую институционализированы, что обеспечивает организованное пространство праздника. Организация и даже навязывание праздников обществу со стороны королевской власти отмечались в Европе еще на этапе перехода от Средневековья к Новому времени. В наиболее концентрированном виде

¹ Чеканцева З.А. Праздник и бунт во Франции между фрондой и революцией // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2005. С.53-63.

² Лазарева Л.Н. История и теория развития праздников. Челябинск, 2003. С. 47-49.

³ Поспелов Г. Искусство городских низов // Декоративное искусство. М., 1990. №11. С. 31.

⁴ Шемякина О.Д. Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // Общественные науки и современность. М., 2011. № 1. С 106-116.

формировались советское праздничное пространство и время в 1920-е гг., которые постепенно стали частью народного праздничного календаря. И как отмечают современные исследователи, такое проникновение организаторов государственных праздников в народную культуру происходило несмотря на то, что «сами праздники и необходимость массового участия в них не вызывали у народа столь большого воодушевления, какого хотелось видеть активистам»¹.

Амбивалентность праздника проявляется в его функциях сохранения традиций и одновременно – во введении новшеств, обновления и подтверждения жизненных ценностей. В этом отношении важны выводы А.Ф. Некрыловой о том, что праздник – это социокультурное явление, в котором соединены два направления – возврат, неподвижность и обновление, динамика². С одной стороны, праздник детерминирован временным пространством, с другой стороны, – вне времени – проигрывается и предыдущий опыт, и настоящее, и будущее, демонстрируется связь с поколениями (прошлыми и будущими).

Современное понимание праздника в исследовательской литературе ассоциируется чаще всего с досугом, игрой, торжеством, а также и весельем. Будучи самостоятельными компонентами социокультурных процессов, данные явления в то же время объединяются в пространстве праздника и характеризуют его. Одним из основополагающих элементов праздника является досуг. Именно досуг реализует функции праздника, в частности обеспечивает возможность снятия социальной напряженности. Если досуг представляет собой необязательный элемент повседневности, то праздник является его основой³.

¹ Воскобойников О.С., Бондаренко Г.В. Заключение: [к замыслу круглого стола «Время и пространство праздника»] // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2005. С.120.

² Некрылова А. Традиции русской культуры в массовых народных праздниках // Традиционная народная культура. М., 1995. С. 36.

³ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Репринтное издание / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 1. С. 142-148; Грушин Б. Свободное время. Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. М., 1966. С. 56-58.

Понятие «досуг» является ключевой характеристикой «свободного времени». Древнеславянское слово «досуг» происходит от глагола «досягать», что означает возможность свершения чего-либо, «время в которое можно чего-либо достигнуть»¹. Этимология термина «досуг» не отождествляет данное понятие с бездельем. Как известно, еще древнегреческие философы определяли досуг как неотъемлемую и необходимую часть жизни человека связанная с потреблением благ и ощущением счастья и удовлетворенности. При этом досуг не является временем безделья, он наполнен различными занятиями – музыкой, искусством, играми, упражнениями, вызывающими ощущение удовлетворения. Досуг представляет собой часть свободного времени, определяется семейно-бытовыми условиями, уровнем образования, индивидуальными особенностями, содержанием труда. Досуг выполняет функцию восстановления физических и психических сил по собственному выбору человека. В отличие от праздника, организующего его участников в единый ритм настроений и действий, досуг разъединяет, индивидуализирует личное пространство. Поэтому если даже целью праздника провозглашается досуг в значении праздность, то он подразумевает введение праздничного пространства в личную сферу, стирает социокультурные различия.

Центральным элементом праздника является игра, представляющая собой действие по моделированию общественного опыта, социализацию, своеобразную примерку социальной роли с целью ощущения причастности к общим событиям². Игровой элемент праздника неизбежно связан с развлечением, весельем, забавами, представляющими собой действия ради удовольствия (избегание неприятностей). Знаменитый французский физик и философ Блез Паскаль определял развлечение, как любую попытку переноса внимания с проблем, поставленных условием человеческого существования («отвлекаться от жизни», «маскировать тоску»), характеризовал, как

¹ См.: Максютин Н. Ф. Культурологические аспекты праздника. Казань, 1996. С. 32-33.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1949. С. 115; Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. М., 1999. С.112-115.

аутентичное чувство жизни (беспреданно чередовать игры таким образом, чтобы не оставалось пустого места)¹. По мнению современных исследователей, человек во все времена был одновременно человеком играющим и празднующим. Игра как исторически обусловленная форма общественной практики обеспечивала усвоение социальных норм и через развлечения и рекреации способствовала эмоциональному и нравственному развитию общества². Именно игры, или игрища – бесовские, скоморошья, святочные ряжения, народные театральные представления, рождественские хождения с вертепом, бывшие непременной частью карнавальской культуры в Европе и церковных праздников в России, оцениваются в литературе как свидетельство обновления российской жизни, наметившееся в XVII в.³

Важной составляющей праздника является торжество, которое трактуется, как празднество, апогей пышности и ликования в честь какого-либо общественно значимого события, как официальное мероприятие, организованное с определенной целью государственными или общественными структурами. Немецкий философ О.Ф. Больнов отмечал, что торжество как «тип праздника» всегда организуется государством для определенной цели и может быть отменен только со сменой режима⁴. Как правило, торжество посвящалось тому или иному историческому событию, прославлявшему основы государственности. Не случайно в официальное торжество в 1920-х гг. обязательно включался военный парад, проведение которого подчеркивало государственную значимость события, а одновременно указывало на преемственность с торжествами имперского периода⁵. Так, омский музеевед А.Ф. Палашенков указывал, что в ноябре 1920 г. в Омске на площади Интернационала был проведен парад войск,

¹ Паскаль Б. Мысли: [Переиздание]. М., 1998. С. 431-437.

² Некрылова А. Традиции русской культуры в массовых народных праздниках... С. 32-67; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 64-69.

³ Петрухин В.Я. «Праздник» в средневековой Руси // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2005. С.85-86.

⁴ Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма: философия существования / сост. Ю.А. Сандулов; науч. ред. А.С. Колесников, В.П. Сальников. СПб.: Лань, 1999. С. 78-86.

⁵ См.: Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. С.266.

завершивший торжественное заседание Сибирского революционного комитета по случаю пребывания в Сибири председателя ВЦИК М.И. Калинина¹.

Атмосфера торжества, официального праздника, характеризуется особой напряженностью, сдержанностью в каждом действии и слове, отсутствием раскованности. Нарочитая серьезность, искусственность и организованность, отсутствие «легкости», смеха – все это явно противоречит настроениям праздничности. И тем не менее, торжество является неотъемлемой частью праздника, что подчеркивает многообразность праздничного феномена.

В царской России массовый праздник как инструмент социализации и социально-воспитательного программирования являлся по преимуществу прерогативой института церкви как государственной структуры. В постреволюционный период организация праздников полностью сосредоточилась в органах партийно-государственной власти и управления, превративших праздничную традицию в системный атрибут государственного контроля и манипуляции социальной напряженностью и ценностными ориентирами населения. Задачи формирования советского менталитета требовали создания новых социальных институций, консолидирующих и вовлекающих «нужные» субкультуры в массовые торжества под эгидой государства. Феномен советского праздника выступал организующим началом, разграничивающим пространства отдыха и работы. Его предназначение состояло в создании атмосферы социокультурного обновления, в закреплении в сознании трудящихся идеального образа пролетарского государства. Как следствие праздник стал управляемым, в отсутствии спонтанных действий участников он определял новые ценностные ориентиры, объединял и уравнивал россиян в подчинении установленным государством нормам поведения.

¹ Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области // Антология омского краеведения. Т.1: Избранные труды А.В. Палашенкова. Омск: Омскбланкиздат, 2013. С. 171.

В советской России праздник являлся не просто днем отдыха, ему надлежало быть долгожданным торжественным и радостным событием для каждого гражданина, актом, удостоверявшим и подчеркивавшим достижения государства, временем открытия памятников, детских яслей, столовых для рабочих и др. В реализации новых праздничных установок формировались новые советские праздничные обычаи и традиции. По мнению М. Рольфа, с которым можно согласиться, семантика советского праздника в значительной степени утратила значение отдыха, ничегонеделания, досуга. В официальном лексиконе понятия «праздник» и «работа» стали «двумя совместимыми концептуальными фигурами»¹. Регламентируя и объединяя бытовое и досуговое пространства, праздник, становился культурным событием почитания идей государственного патернализма.

Исходя из сказанного, праздник можно определить, как институционализированное действо, формирующее жизненно важные культурные ценности, обеспечивающее причастность его участников к традициям и способствующее социально-психологической сублимации, рекреативности. Регламентируя и организуя досуговое пространство, праздник приобретает универсальное значение, становится неотъемлемой частью социокультурной действительности, важнейшим средством социализации человека.

¹Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 17–18.

1.2. Социокультурное пространство и атрибуты праздника

Праздники издавна формировали особые сектора пространства и времени. В городах Западной Сибири праздничное пространство традиционно сосредоточивалось в рекреативных зонах, каковыми становились городские сады, бульвары, а также улицы и площади. На этих территориях проводились народные и церковным празднества, устраивались ярмарочные гуляния и развлечения в «народном» стиле с качелями, каруселями, затейниками, кукольным театром и др.

Сложившаяся с давних пор базарно-ярмарочная инфраструктура была приспособлена Советской властью для своих целей. Базарные и ярмарочные съезды в 1920-х гг. были настолько важны, что их площади увеличивались за счет территорий местных ипподромов и др. свободных территорий¹. Организационно-информационными центрами, обеспечивавшими базарно-ярмарочную деятельность, становились Дома крестьянина, в которых располагались справочное бюро, библиотека, проводились лекции, доклады, киносеансы, спектакли и др. Вокруг базаров и ярмарок, как и в старые времена, организовывались зрелища и развлечения. При этом в начале 1920-х гг. они еще наполнены «буржуазным содержанием» – слепые певцы и гармонисты, шарманщики с попугаями, вытягивающими конвертики с предсказаниями дальнейшей судьбы, игры мошенников типа «веревочки»². К концу первого пореволюционного десятилетия площади зрелищ стали оформляться лозунгами, плакатами, листовками политического содержания, наполнялась разновозрастными коллективами творческой самодеятельности, а базарный день напоминал традиционное народное гуляние, с адаптированными к определенным политическим задачам, песнями, плясками, частушками.

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 15 апр.; Забой. Прокопьевск, 1931. 24 мая; Большевицкая сталь. Сталинск, 1932. 12 февр.; Сибирский гудок. Томск, 1932. 14 июня.

² Красильникова Е.И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – начало 1941 гг.). Новосибирск, 2008. С. 61-62.

С установлением Советской власти в городах Западной Сибири формировалась досугообразующая среда, которая, с одной стороны, соответствовала общегосударственным требованиям, с другой стороны, включала элементы народной культуры. Государственные требования проявлялись в создании государственных учреждений культуры и рабочих клубов, в организации особых территорий как визуального воплощения коммунистической идеологии с ее территориальной центральностью, огромными масштабами, ориентированными на массы и разнообразные виды досуговой деятельности. Создание «социалистического города» планировалось прежде всего в Новосибирске и городах Кузбасса, где, по мнению современных исследователей, не было давних традиций градостроительства и планировки¹.

Экспериментальной площадкой советского градостроительства стал Новосибирск (до 1925 г. Новониколаевск), главный административный центр Сибири двух межвоенных десятилетий. По свидетельству архитекторов С.Н. и В.С. Баландиных, в Новосибирске реализовалась задача «придать городской среде новое эстетическое значение, точнее – придать городу новый образ, подчеркнуть необыденное его восприятие, отличие от повседневности»². В 1920-1930-х гг. в Новосибирске была проведена реконструкция центральной части, проложен Красный проспект, возведены жилые, общественные и административные здания в помпезном стиле советского неоклассицизма, оформлены первые площади, скверы и сады, которые предназначались для официальных торжеств и народных гуляний. Использовались традиционные места народных празднеств – сады Свобода и Сосновка, а в 1925 г. на месте упраздненного кладбища был открыт

¹ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Издательский дом «Наука», 2004. С.130.

² Цит. по: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Издательский дом «Наука», 2004. С.60.

кладбищенский сад. Вскоре он был переименован в Центральный, а в 1930-гг. – в сад имени Сталина¹.

В городе Сталинске (совр. Новокузнецк) парковая территория расположилась между кинотеатром «Коммунар» и зданием общегородского клуба. Главный вход его был отмечен скульптурной группой, изображавшую рабочих-сталеваров, которые были установлены по обеим сторонам лестницы, расположенной со стороны проспекта Metallургов. В том же году на центральной площадке парка был установлен круглый по форме фонтан, на постаменте которого была вооружена группа двух рабочих, занятых бурением скважины, а ниже располагались фигурки лягушек. Праздничная зона сложилась также в парке культуры, устроенном на водной станции (Приложение А).

Менее благоприятные условия жизни и досуга населения складывались в кузбасском городе Щегловске, который был образован из разрозненных шахтерских и заводских поселков в 1918 г., а в 1932 г. переименован в Кемерово. В поселке строившегося коксохимического завода был небольшой сад (возможно, остатки лесного массива на берегу Томи), в середине 1920-х гг. там построили жилые дома для специалистов, и иностранных рабочих, членов автономной индустриальной колонии «Кузбасс», а также окружную больницу и Дворец труда, ставший средоточием досуга и праздников в Кемерове².

Архитектурно-планировочный облик Барнаула, Омска, Томска вполне сложился в дореволюционное время. В 1920-х гг. знаковым местом Омска, по выражению современных авторов, была площадь перед дворцом генерал-губернаторов Западной Сибири и Степного края, переименованный в 1917 г. в Дом Республики. (Важно отметить, что в 1920-х гг. в этом здании разместился Омский краеведческий музей.) Местом проведения праздничных

¹ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Издательский дом «Наука», 2004. С.130-132.

² Зюзькин Ю. Западноевропейские мотивы в архитектуре Кемерова // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово, 1992. Вып.2. С.89-90.

мероприятий в Омске была также площадка у памятника борцам революции, расположенная между зданиями театра и партдома (Приложение Б). Позже, после Великой Отечественной войны, на площадке был оформлен сквер (Памяти борцов революции) и парк имени Сталина¹.

Главным местом праздничных и досуговых действий в старом Барнауле служила Демидовская площадь, украшением которой был обелиск в честь 100-летия горного дела на Алтае, а также Полковая и Соборная площади². В результате реконструкции, проведенной в 1930-х гг., центр города пересек Ленинский проспект, соединивший в единый ансамбль площади Советов и Октября. На главном проспекте были выстроены здания Алтайского крайкома ВКП(б), новый кинотеатр «Родина», установлен памятник Ленину, построен стадион «Динамо». Они и сформировали новое праздничное пространство в Барнауле.

Празднично-досуговый центр в Томске, складывавшийся с конца XIX в. вокруг Ново-Соборной площади, включая территорию Городского сада и Университетской рощи, получил дальнейшее развитие в рассматриваемые десятилетия. После сноса Троицкого кафедрального собора на площади, переименованной в площадь Революции, в 1935 г. был установлен первый в Томске памятник Ленину и построены трибуны, перед которыми проходили праздничные демонстрации горожан. Весной 1940 г. Комиссия горисполкома подписала акт о приемке памятника павшим борцам революции, сооруженном на южной оконечности площади Революции. Вокруг него собирались митинги, проходили торжественные мероприятия, встречи ветеранов с молодежью. В северной части площади Революции действовал стадион «Динамо», а напротив него в 1929 г. открылся новый, хорошо

¹ Вибе П.П. Генерал-губернаторский дворец в Омске как памятник истории // Вибе П.П. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. Омск: Омскбланкиздат, 2015. С.36-38; он же. Мемориальный сквер «Памяти борцов революции» // Там же. С.52-54.

² Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С.14-16.

оборудованный стадион Томского окружного совета профсоюзов (ныне – «Труд»)¹.

В Тюмени, самом старом сибирском городе, на стрелке Тюменского мыса над рекой Турой, где была заложена первая в Сибири русская крепость, в XIX в. были построены церкви, гостиный двор, здание городской управы. Образовавшаяся торговая площадь и отходившая от нее Царская, с 1917 г. – улица Республики, стали местом проведения первых революционных праздничных торжеств. В июле 1918 г. в сквере на улице Республики были похоронены тюменские красногвардейцы, погибшие в боях против белочехов. В начале 1920-х гг. на братской могиле был установлен памятник в виде колонны, увенчанной буденовкой с красной звездой².

В небольших сибирских городках праздничные мероприятия, чаще всего митинги и демонстрации, проводились по центральным улицам, вблизи зданий, имевших административное и общественно-политическое назначение. Например, в Обдорске (с 1933 г. – Салехард) в начале 1930-х гг. на угловом участке в центре города был построен деревянный двухэтажный дом для размещения в нем окружкома ВКП (б). Угловая часть дома, сохранившегося по сию пору, была оформлена балконом-трибуной и завершалась аттиком с государственным гербом в центре³. Балкон, перед которым открывалось достаточно большое незастроенное пространство, явно использовался как праздничная трибуна, недаром за ним закрепилось это название. По опубликованным фотографиям видно, как проходили праздничные демонстрации по ул. Стаханова в Колпашеве⁴. В Гурьевске первые Первомайские митинги устраивались на площади у бывшего

¹ ГАТО. Ф.Р-430. Оп.1. Д.633. Л.38; Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII-XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С.213-214, 221; Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году: экскурсионный маршрут. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С.126-131.

² Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М.: Искусство, 1981. С.110-115; Тюмень: путеводитель-справочник / науч. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1974. С.44-49.

³ Слямзина Р.Б. Государственная охрана традиционного деревянного зодчества в Ямало-Ненецком автономном округе // Культуры и народы Северной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып.2. С.368-369.

⁴ Рассмахин Ю.К. Очерки истории Колпашевского района // Земля Колпашевская: сб. научно-популярных очерков / под ред. Я.А. Яковлева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С.386.

торгового здания на правом берегу речки Бачат напротив заводских корпусов¹.

Формирование праздничного пространства в городах Западной Сибири сопровождалось набором праздничных атрибутов, среди которых одними из самых значимых были календари. Структура настольных календарей XIX–XX вв. была практически универсальной, она включала несколько информационных блоков, в их числе – сведения общественно-политического характера и календарные сетки. В первом информационном блоке, как правило, содержались сведения о государственном руководстве. Сначала это были рисунки, фотографии императорской семьи и министров царского правительства, а после 1917 г. – руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. В календарях 1920-х гг. данный блок представляет целую плеяду политических деятелей: В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.И. Калинин, А.И. Рыков и др.² В изданиях 1930-х гг. остались только Ленин и Сталин. Вслед за первым информационным блоком следовал собственно календарный блок, представленный в виде табеля на каждый месяц года. Нужно заметить, что русские календари имперского периода опирались на юлианскую систему летоисчисления, включали указания на знаменательные даты, по большей части связанные с историей царского дома Романовых, и на православные события и праздники. После революции, когда в феврале 1918 г. в России произошел переход от юлианского к григорианскому календарю, началась переработка внутренней структуры календарей. Разрабатывались проекты о новом летоисчислении, например, от начала Октябрьской революции³. Предлагалось переименовать все месяцы, чтобы в новых названиях присутствовали имена и события революции: январь – месяц Ленина, февраль – месяц Маркса; март – месяц Революции; апрель – месяц Свердлова; май – месяц Мая; июнь – месяц Советской

¹ Гурьевск: страницы истории / отв. ред. В.А. Просеков. Кемерово, 2008. С.67.

² Календарь антирелигиозника на 1939 год. М., 1938. С. 25; Настольный крестьянский календарь на 1927 год. М., 1926.. С. 31; Сибирский настольный календарь на 1925 год. Новониколаевск, 1924.С. 81.

³ Дубнер П.М. Советский календарь // Огонек. М., 1929. № 40. С.14-21.

конституции; июль – месяц жатвы; август – месяц мира; сентябрь – месяц Коминтерна; октябрь – месяц Энгельса; ноябрь – месяц Великой революции; декабрь – месяц Сталина¹. Нельзя не отметить проект о переходе на непрерывную пятидневную неделю. Авторы проекта предлагали с помощью цветных квадратов обозначать дни недели: первый – День Коммуны, второй – День Маркса, третий – День Энгельса, четвертый – День Ленина, пятый – День Сталина². Разрабатывались проекты шестидневной недели с отказом от традиционных названий дней недели, с приданием им порядковых номеров (первый, второй, третий и т. д.). Частично такой порядковый календарь использовался в период с 1 декабря 1931 г. по 26 июня 1940 г.³ Все же подобные проекты не прижились, и в 1940 г. в советской России произошел возврат к семидневной рабочей неделе с традиционными названиями дней недели – понедельник, вторник и т. д.⁴

Изменения в календарной сетке отражали перемены в жизненном укладе населения, в том числе и в отношении к праздникам, регламентировали сочетание и чередование рабочих и праздничных / нерабочих дней. При этом количество выходных и праздничных дней динамично изменялось, находясь в зависимости от политической ситуации в стране. До середины 1920-х гг. органами советской власти допускались традиционные православные праздники, и, хотя эти праздничные дни не вводились в официальные календари, они все же были не рабочими. Но в дальнейшем началось обесценивание православных праздников и Нового года и исчезновение их из числа нерабочих дней. Одновременно в рассматриваемых календарях происходило утверждение приоритета событий революционного движения и свершений советской эпохи.

¹ Сельскохозяйственный настольный календарь на 1926 год. М., 1925. С. 45-47.

² . Виктор Ю. Нужен почин // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов. М., 1929. №98. С.5.

³ Историко-революционный календарь 1940 г. М., 1939. С. 3.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940. № 20. С.1.

Явные перемены в праздничном календаре наблюдаются в 1930-х гг. Прежде всего произошло сокращение общего количества официальных праздничных дней. Насчитывалось всего шесть нерабочих дней: 22 января – Память Ленина, 1 и 2 мая – День солидарности трудящихся, 7 и 8 ноября – Великая Октябрьская социалистическая революция, 5 декабря – День советской Конституции. Многие календарные даты, такие как антивоенный день 1 августа, День Парижской Коммуны 18 марта, сохраняли за собой статус государственного праздника, но отмечались в рабочие дни. Календари содержали даты из истории революционного движения в России, обязательными были даты памяти: дни рождения и смерти деятелей Советского государства и зарубежного коммунистического движения. Если для императорской России были характерны, в основном, дни памяти и годовщины, то для советской России довоенного периода, помимо перечисленных, можно выделить еще и полугодовщины¹.

В дни памяти, как правило, вспоминались и отмечались деятели революционного движения, события борьбы за социализм. Годовщина представляла особый вид памяти о государственно значимом событии, была призвана консолидировать социум перед общими врагами и мотивировать установку на защиту Родины. При этом положенные в основу события человеческие жертвы, поражение в сражении или восстании, должны были демонстрировать не напрасность жертв, торжество новой жизни («кровавое воскресенье», гибель «бакинских комиссаров» и др.). Датой годовщины считался день их учреждения, но периодичность проведения годовщин могла быть различной, в зависимости от масштабности события или личности. День памяти В.И. Ленина, совпадавший с днем жертв «кровавого воскресенья» – 22 января, отмечался ежегодно, другие годовщины отмечались раз в пятилетие. Некоторым событиям придавалось настолько важное значение, что помимо годовщин отмечались и полугодовщины. Но

¹ Календарь антирелигиозника на 1941 год. М., 1940. С. 31-54; Календарь. Воинствующий безбожник. 1932 г. М., 1931. С. 41- 66; Сибирский настольный сельскохозяйственный и промышленный календарь на 1925 г. Новониколаевск, 1925. С. 52-74.

все-таки полугодовые торжества не носили ежегодный характер празднования, отмечались несколько раз за десятилетие, а затем исчезали из календаря торжеств, соответствуя политическим маневрам советского государства.

Третий блок настольных календарей включал небольшие очерки о важнейших событиях советской истории и персоналии советских и революционных деятелей. Как правило, они располагались после календарной сетки на месяц и освещали исторические события текущего месяца, например, крестьянское восстание под руководством Емельяна Пугачева, Кровавое воскресенье, восстание декабристов. Особое внимание уделялось партийно-политическим событиям – создание и деятельность Коммунистической партии в России, подготовка и ход Октябрьской революции, основание Коммунистического интернационала и др.

Наряду с общегосударственными издавались специальные профилированные календари, в частности, антирелигиозные, сельскохозяйственные, детские. Они были ориентированы на отдельные социальные слои или группы людей, отражали значимость для партийно-государственной пропаганды конкретных субкультур, в работе с которыми использовались соответствующие календарные и праздничные даты.

Настольные календари первых десятилетий советской власти служили одним из важнейших инструментов праздничных технологий в стране в целом и в Западной Сибири, в частности. В ряде случаев они издавались и использовались как ориентир в организации и проведении праздников, поэтому могут рассматриваться как обязательный атрибут досуговой и праздничной культуры. Разнообразная научно значимая информация о праздниках и других общественных явлениях обеспечивает возможность и необходимость музеефикации календарей, сохранения и использования их в экспозиционной и культурно-образовательной работе.

Наряду с календарями важными атрибутами советского праздника выступали лозунги, портреты, плакаты, некоторые письменные памятники, в

которых отражались памятные даты и годовщины / полугодовщины как основа торжеств и празднований. Для проведения крупных и значимых годовщин и полугодовщин важных событий на государственном уровне организовывались Комитеты по проведению запланированных торжеств. В частности, таковыми были Комитет по организации торжеств в связи со столетней годовщиной восстания декабристов (1925–1927 гг.), Всесоюзный пушкинский комитет (1935–1937 гг.) и др.¹ На территории Западной Сибири формировались Комиссии по проведению антивоенного дня 1 августа, Парижской коммуны, по организации торжеств празднования Революции 1905 года². Эти временные организации несли ответственность за подготовку и проведение праздничных и торжественных мероприятий, за освещение их в печати. Нужно сказать, что в подготовительной работе всегда учитывался резко-континентальный климат Западной Сибири, при неблагоприятных погодных условиях масштабные мероприятия переносились в помещения клубов, театров или даже отменялись вовсе³.

Проведение официальных годовщин и полугодовщин сопровождалось изданием специальных сборников, организацией театральных и клубных постановок, демонстрацией тематических фильмов, проведением на фабриках и заводах митингов, воскресников и субботников, подразумевающих ударничество в труде⁴. Так, с середины 1920-х гг. в дни памяти В.И. Ленина в Новосибирске были организованы отчисления однодневного заработка и другие сборы средств на постройку Дома имени Ленина. В других городах проводились демонстрации, вечера памяти, митинги, которые сопровождались клятвами и лозунгами, призывающими воплощать идеи Ленина: «Ленин-Ульянов умер, но не умерла и не умрет его идея среди трудящихся всего класса», «Лучшая память – это клятва стоять на страже заветов Ильича», «Что говорит масса о смерти вождя? Знамена склоняем над

¹ ГАРФ. Ф. 6126. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–75; Ф. А-305. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–100.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1623. Л. 1–2, 6; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 6. Л. 257, 266, 299–300; Д. 50. Л. 40–45.

³ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 6. Л. 301; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1623. Л. 4–5, 10–13.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1623. Л. 4–14; Советская Сибирь. Новосибирск, 1925. 5 авг.; 1930. 20 июля; 1933. 31 июля.

могилой, но из рук не выпускаем. Дело Ильича крепко. Дело Ильича живет в веках»¹.

С празднованием годовщин и первых революционных юбилеев связан массовый выпуск лозунгов, вошедшими в число важнейших атрибутов советских праздников. Анализ массива газетных лозунговых материалов, приуроченных к Международному антивоенному дню – 1 августа за период 1920–1940 гг. показал, что главное их назначение заключалось в объединении против военной угрозы, во внутренней консолидации и социально-трудовой мобилизации населения с целью объединения на коммунистической основе трудящихся всего мира. Этим задачам соответствовали такие лозунги, как «В международный Красный день под знаменами Коминтерна – на борьбу против поджигателей новых войн!»; «Сомкнем свои ряды вокруг Коминтерна – на борьбу против поджигателей новой империалистической войны»; «В росте нашей хозяйственной мощи – залог победы пролетарской революции во всем мире». Подобные агитационно-пропагандистские элементы содержались и во всех других лозунгах, приуроченных к празднованию революционных праздников и различных памятных дней. Они публиковались в газетах, изображались на плакатах, знаменах, транспарантах, формировали информационные и вещественные пласты праздничной культуры.

Немаловажное место в подготовке и организации праздничных торжеств занимало оформление улиц, зданий и помещений, которое проводилось с привлечением горожан, что, по мнению организаторов празднеств, способствовало приобщению к общей идее и консолидировало население. Для оформления праздников предоставлялись красная материя, марля, проволока, клей, краски, листы бумаги для лозунгов ². Однако

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1924. 25 янв., 28 авг., 3 сент.; 1926. 27 апр.; 1928. 21 апр.; 1929. 19 апр.; Красное знамя. Томск, 1927. 20 апр.; Комсомолец. Томск, 1925. 11 апр.; Сибирский стрелок. Новониколаевск, 1924. № 9.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 94. Л. 33; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 9. Д. 60. Л. 1–25; ЦДНИ ТО. Ф. 4. Оп. 2. Д.1. Л.19–23; Пропагандист. Новосибирск, 1927. 15 окт.; Сибирский гудок. Томск, 1934. № 4; Большевицкая сталь. Сталинск, 1933. 1 апр.; Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1936. 20 янв.

довольно скоро в материалах агитпропа была отмечена неэффективность бумажных и тканевых плакатов с лозунгами, поэтому решено было добавить фанерную основу на всю фразу или «по одному слову или одной букве на небольших квадратах». В 1930-х гг. лозунги стали писать на транспарантах, которые во время праздничных шествий несли несколько человек или даже размещали на фасадах зданий на центральных улицах. Тем более, что с 1926 г. в методических материалах агитпропа содержались рекомендации «считаться с архитектурой и окраской помещения, не перегружая его красным цветом». Чтобы «возбудить активность масс», предлагалось ориентироваться на «создание общего зрительного пятна – путем размещения в нем лозунгов всех цветов, эмблем, игрушек, текста песен»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 34. Л. 10–17; Д. 94. Л. 9–10; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 9. Д. 59. Л. 1; Ф. Р-896. Оп. 1. Д. 12. Л. 34–37; ЦДНИ ТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 467. Л. 58–59.

1.3. Знаковая природа праздника

В изучении праздника, его роли и значения в общественном развитии невозможно обойтись без трудов Ю.М. Лотмана, который рассматривал праздник как знаковую систему, определенным образом организованную с целью сохранения информации и организации коммуникации между людьми¹. С опорой на имеющиеся данные можно говорить, что формирование и функционирование знаковой системы праздников в западносибирских городах 1920–30-х гг. включало визуальные, слуховые, цветовые и обонятельно-вкусовые знаковые средства.

Ведущее место в семантической структуре праздников советской эпохи занимала цветовая символика, поскольку цвет и цветосочетания являются древнейшими символами, наполняющими мир значений и смыслов. В советской культуре доминировал красный цвет, положенный в основу всех праздничных торжеств и их элементов (красные флаги и лозунги, красные косынки на головах женщин-работниц), вошедший в названия институтов и субкультурных объединений (Институт красной профессуры, Красная армия, журнал «Красный архив»), в идеологическом контексте обозначавший принадлежность к государственной организации. Черный и белый цвета выступали антиподами доминантного цвета, при этом одновременно продолжали и дополняли идеи красного.

Красный цвет издавна символизирует кровь, и, следовательно, смысловая нагрузка этого знака представлена разрушительной энергией уничтожения, боя, смерти, а также и революции. Упоминание красного / алого цвета в лозунгах газетных статьях подчеркивало высокую социальную напряженность, революционный накал переломной эпохи, крах императорской России. Именно об этом писали в сибирских газетах в преддверии революционных праздников: «В снегу алели пятна, словно

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. СПб., 2000. С. 14-19.

розы!», «Алый Пятый год!», «Наша кровь с январского мороза зажгла сполохами рабочий класс!»¹.

С другой стороны, красный – это цвет зари, рассвета, огня, факела, а, следовательно, воплощение созидательной энергии, возрождения жизни, новой эпохи. Формирование новой знаковой системы после Революции 1917 г. воплотилось в создании новых периодических изданий («Красная сибирячка», «Красный боец», «Красная работница», «Красная молодежь»), в учреждении правительственных наград, таких как, ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды. Красная звезда становится не только визуальным знаком пореволюционной эпохи, это словосочетание воплощает всеобщее счастье. В сибирских изданиях нередко такие выражения: «Взошла ...красная звезда. Символ новой жизни и всеобщего счастья. Светит, манит и побуждает к деятельности. Дает работу всем и каждому!»².

Противоположным по значению красному выступает черный цвет. С одной стороны, он воплощение смерти, зла, опасности. В праздничных лозунгах и информационных листках, выпускаемых в сибирских городах, слово черный означает прямую угрозу советским людям. Встречаются такие выражения: «черный, злой час», «черный ворон клюет очи Советской власти», «черные списки беспартийных», «черные флажки на рабочих машинах плохих рабочих», «черный список истории самых мерзких изменников советской Родины». В таком же контексте упоминались «черные гробики» как карнавальный элемент «похорон» неграмотности, прогулов и др.³ Одновременно черный цвет использовался для обозначения природных

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. 27 янв.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1933. 1 марта; 1937. 6 нояб.

² Большевик Кузбасса. Кузнецк, 1931. 20 февр.; Молодой большевик. Омск, 1932. 26 дек.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. 8 мая, 10 июля; Советская Сибирь. Новосибирск, 1933. 25 апр.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1931. 19 апр.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1935. 18 мая.

богатств Сибири, при характеристике рабочего класса: черная спецодежда шахтеров, добывающих уголь – «черное золото»¹.

Особое место в спектре советских праздников занимал белый цвет. С одной стороны, он употреблялся в обозначении принадлежности к императорской России, как цвет аристократии, буржуазии, армейской элиты (Белая армия, белые офицеры) и, следовательно, ассоциировался со всем злом Гражданской войны. С другой стороны, белый цвет был закреплен в значении «лучший» и проявлялся в знаке качества товара (белый хлеб, яблоки «Белый налив»), в торжественной одежде (белых рубашек, брюк, юбок), предметах принадлежности центральной власти (автомобили, самолеты, пишущие средства и предметы отчетности), элементах праздника (фоны лозунгов и плакатов, подарочные упаковки, ленты, флажки) и др.²

Три наиболее часто используемые цвета – красный, черный, белый – стали в первые послереволюционные десятилетия символами разрушительного и созидательного начал, переплетая в своих значениях жизнь и смерть, новые ценностные ориентиры добра и зла.

Наряду с цветовыми в сибирских праздниках активно использовались визуальные и слуховые знаковые средства, с помощью которых оформлялась праздничная палитра городов, складывались технологии массовых удовольствий. Участникам праздников предоставлялась возможность потанцевать, посмотреть кинофильмы и театральные спектакли. В программы праздников, в особенности спортивных и общественных, включались элементы спортивных состязаний, прыжки с парашютом, авиационные зрелища, в том числе катание на самолетах передовиков производства³.

¹ Красное знамя. Томск, 1927. 21 янв.; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921. 15 февр.; 1924. 27 нояб., 14 дек.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1935. 5 нояб.; 1937. 20 февр.; 1939. 23 февр.; Сибирский гудок. Томск, 1932. 18 мая.

² Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 28 февр., 20 марта; 1931. 5 сент.; 1935. 18 авг.; 1936. 4 окт.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 10. Л. 12-20; Большевик. Новониколаевск, 1924. №2; Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 24 апр.; 1935. 4 янв.; 1936. 24 марта, 18 окт.; Томская работница. Томск, 1920. 9 окт.; Томск. История города в иллюстрациях. 1604-2004 / О.В. Патрина, Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С.301, 323.

Эти виды праздничной деятельности создавали единое досуговое пространство, свободное от социальной иерархии, способствовали релаксации, формировали чувство причастности к жизни городского сообщества и всей страны.

Особая роль в праздничных технологиях принадлежала музыкальным знаковым средствам. Как правило, официальные торжества и праздники сопровождались исполнением партийно-государственных гимнов и музыкой духовых оркестров, а праздничные события рядовых горожан никогда не обходились без песен и игры на музыкальных инструментах – на гитаре, балалайке, гармошке. На первое место в праздничных технологиях выдвигалась музыкальная самодеятельность как неотъемлемая часть социалистической культуры, призванная воспитывать подлинно советского человека, борца за дело партии¹. К праздничным дням приурочивались конкурсы творческой самодеятельности. В 1920-х гг. «олимпиады самодеятельности» были немногочисленны, ограничивались исполнением номеров о Гражданской войне и фольклором – наполненными новыми темами частушками, былинами, сказками. В 1930-х гг. на конкурсах творческой самодеятельности был представлен весь спектр сибирской культуры: от традиционно национальных, включая русские, татарские, украинские мотивы, до джаза. При этом участники самодеятельности старших поколений тяготели к «исполнению классической музыки на балалайке» и к «колхозным танцам», а поколение пионеров и комсомольцев, представляло новые джазовые мелодии в коллективном исполнении².

Джаз пользовался среди молодежи особой популярностью, хотя отношение к нему со стороны властей складывалось неоднозначно. С одной стороны, была распространена жесткая критика этого музыкального направления в контексте противодействия западной культуре, но с другой

¹ Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1936. 18 сент.; 1937. 16 окт.

² Большевицкая сталь. Сталинск, 1934. 10 февр.; Забой. Прокопьевск, 1935. 25 янв.; Молодой большевик. Омск, 1932. №4; Красное знамя. Томск, 1933. 15 апр.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1935. 23 марта, 14 июля.

стороны, отечественных джаз-исполнителей не запрещали, позволяли их выступления и гастроли по стране. Сплав песни и джаза олицетворял дух новой эпохи и становился таким же символом новизны, как кино. Расцвет джазовых мотивов в Сибири пришелся на середину 1930-х гг. Так, в 1934 г. при клубе «Кемеровокомбинатстрой» был создан теа-джаз (театрализованный джаз) под управлением М.В. Барсукова. А в г. Сталинске в первом звуковом кинотеатре «Коммунар», в 1936 г. выступал большой эстрадный оркестр под руководством А.А. Кобрин и сменившего его В. Исаева. В те же годы в клубе железнодорожников в г. Сталинске существовал небольшой самодеятельный джаз-оркестр, эстрадный оркестр был создан в г. Кемерово¹.

Эстрадно-джазовая музыка звучала в парковых зонах в дни праздников, при открытии кафе-кондитерских, в ресторанах. Участие джазовых коллективов в фойе крупных городских кинотеатров перед премьерными показами кинофильмов превращало их, по сообщению прессы, в праздничное событие. Так, джаз-оркестры выступали перед киносеансами «Праздник Святого Иоргена» и «Пастух и царь» в Новосибирске, перед премьерой знаменитого кинофильма «Веселые ребята», приуроченной к годовщине смерти В.И. Ленина, в Сталинске².

Распространенным проявлением массового удовольствия в городских праздниках становились единые гастрономические пристрастия, передававшиеся через обонятельно-вкусовые знаки. В условиях дефицита продуктов питания, в 1920-х гг., олицетворением праздника был сдобный хлеб, который пекли из полученных к праздничным датам белой муки с добавлением сахара³. Этот хлеб напоминал традиционный русский каравай,

¹ Большевик Кузбасса. Кузнецк, 1931. 30 июля; Баташов Н.В. Советский джаз. М., 1972. С.10; Мохонько А.П. И настроение и вкус // Советская эстрада и цирк. М., 1987. №2. С.7.

² Советская Сибирь. Новосибирск, 1935. 5 июля, 25 июля, 18 сент., 28 окт.; 1936. 22 янв.

³ Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1936. №2; 1937. 15 апр.; Сибирский детский журнал. Новосибирск, 1929. №3.

пасхальные куличи, сладкие пироги, имел обрядовое значение праздничной трапезы, истоки которой восходили к Средневековью¹.

По воспоминаниям А.Н. Пирожковой, в семье ее подруги по студенчеству в Томском технологическом институте по воскресным и праздничным дням пекли пироги «величиной с четверть большого стола каждый», один с мясом, другой с брусникой или смородиновым вареньем. В родительской семье мемуаристки, испытывавшей большие материальные затруднения, к праздникам пеклись только мелкие пирожки с начинкой из капусты, грибов, мятой картошки или молотой черемухи, но и они «создавали праздничное настроение»². Кроме домашней выпечки, горожанам предлагались хлебные изделия, пряники и печенье с партийно-государственной символикой.

В середине 1930-х гг., когда была отменена карточная система снабжения, введенная в 1929 г., и началась свободная продажа хлеба, муки, сахара и других продуктов питания, олицетворением праздников в больших городах, стало мороженое. На территории Западной Сибири было запущено 4 холодильно-молочных комбината, на каждом из которых изготавливались лакомства порядка 130 тонн в год³. Мороженое изготавливалось на новейшем для того периода американском оборудовании, рецептура каждого сорта утверждалась партийными органами. Сибирское мороженое имело сроки хранения равные одной неделе и привозилось в места продажи 2–3 раза в неделю, поэтому его относили к разряду дефицитных и само его появление уже вносило элемент праздничности.

Ассортимент праздничного продукта включал 30 видов: крем-брюле, фруктовое, шоколадное, пломбир, кофейное, ореховое, эскимо, с шампанским, с газированной водой, фруктовой подливой. Показательно, что в агитационной литературе мороженое представлялось «узко-буржуазным

¹ См.: Швейковская Е.Н. Прокопьевская трапеза: праздник и повседневность на Русском Севере в XVII веке // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 1999. С.16-19.

² Пирожкова А.Н. Я пытаюсь восстановить черты: о Бабеле и не только о нем: воспоминания. М.: АСТ, 2013. С.104.

³ Сибирский детский журнал. Новосибирск, 1929. № 1.

продуктом, употребляемым на больших праздниках, свадьбах или именинах»¹. Но одновременно мороженое рассматривалось, как доступный продукт, вносящий праздник в будни. Характерны в этом отношении высказывания государственных и партийных деятелей лозунгового содержания. Так, председатель ВЦИК М.И. Калинин заявлял: «Мороженое любят все!». А нарком пищевой промышленности СССР и заместитель председателя Совнаркома СССР А.И. Микоян утверждал: «Любят мороженое все, но из лицемерия некоторые скрывают это, считая, что мороженое детское лакомство»². Конечно, такие заявления советских вождей придавали этому лакомству особое значение. Мороженое стало символом праздника и вошло в знаковую систему городской культуры Западной Сибири двух предвоенных десятилетий.

¹ Большевистская сталь. Сталинск, 1937. 29 авг.

² Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 28 янв., 35 марта; Сибирский детский журнал. Новосибирск, 1928. 29 апр., 1 мая.

1.4. Праздничный комплекс в городах Западной Сибири, формы и институции

По материалам имеющихся исследований и исторических источников можно проследить, как праздники претерпевали трансформации и превращения – от зарождения и расцвета до затухания и исчезновения или перехода в иное качество. Все эти этапы и изменения элементов праздника, способов празднования, продвижение или упадок отражали трансформации не только внутри системы, но и перемены более фундаментального характера. В некоторых случаях, упадок веры в ценности праздника может быть свидетельством угасание потребности в празднике. Этот упадок сопровождается принятием новых идей, ценностей, верований. Иногда этот процесс происходит стремительно, соединяясь с распространением новой религии, с появлением, например, после революций, новых поводов и мотивов празднования.

Разработанная предшественниками изучения темы классификация российских праздников включает общегосударственные, трудовые, военно-патриотические, семейно-бытовые, народно-церковные, или календарные праздники¹. Предложенная классификация требует определенной корректировки и уточнения в связи с тем, что в рассматриваемый в диссертации пореволюционный период изменились ценностные и содержательные характеристики праздников. Опираясь на выработанные в исторической науке, в том числе в музееведении, принципы и методы типологии памятников культурного наследия, то есть подразделения памятников по способу кодирования в них социокультурной информации, можно подразделить все российские праздники изучаемого периода на две большие типологические группы – народно-церковные и государственные официальные. В литературе и исторических источниках государственные

¹ Кудайбергенов Б.Г. Культура современных праздников и обрядов. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1982. С. 12-19; Некрылова А. Традиции русской культуры в массовых народных праздниках // Традиционная народная культура. М., 1995. С. 32-67.

праздники получили наименование массовых, поскольку рассматривались как важнейшая часть агитационно-пропагандистской деятельности партийно-государственных органов среди пролетарских масс.

В зависимости от задач, содержания и происхождения праздника, состава его участников все массовые праздники можно разделить на общегосударственные, социально-профессиональные, гендерные и поколенческие (молодежные), а также праздники национальных меньшинств, или нацмен.

Первая из выделенных типологических групп – общегосударственные праздники – имела приоритетную цель идеологического воздействия партийно-государственных органов на массы, применение различных форм идеологического манипулирования, одной из которых был управляемый праздник.

Социально-профессиональные праздники объединяли представителей социальных слоев и профессиональных групп городского населения. Установленные в обязательном порядке профессиональные праздники способствовали укреплению субкультурной принадлежности, где основным критерием выступал труд. Социально-профессиональная градация праздников, будучи базовой в выстраивании городских стратификационных связей и отношений, в той же мере служила основанием для поддержки и укрепления государственных позиций. Соответственно, праздничные мероприятия становились инструментом государственного воздействия на городской социум, определяли роль и значение в нем тех или иных социально-профессиональных групп и установления для каждой из них системы идентификаций.

Особую разновидность советского праздника, зарождавшуюся еще в имперской России, представляли гендерные и поколенческие праздничные торжества. Праздничную субкультуру образовывали социальные группы, имевшие свою систему ценностей и норм, по признаку пола и возраста.

Имеются в виду женские, детские, юношеские и спортивно-физкультурные праздники.

Полиэтничность Западносибирского региона, присутствие в составе городского населения представителей более чем двух десятков национальностей, способствовало поддержанию органами Советской власти национальных традиций, исключая, конечно же, религиозные верования. Сложилась национально-региональная разновидность праздников, нацеленных на идею единого национального пространства на большевистской идеологической основе.

Формирование и укрепление ведущих типов и видов праздников тесно связано с их институционализацией, созданием и функционированием учреждений и форм организации и регулирования праздничной деятельности. Будучи государственными, все западносибирские праздники управлялись и проводились силами государственных и партийных органов. Это Сибирский, а затем Западно-Сибирский крайкомы, губкомы / окружкомы Коммунистической партии и Ленинского комсомола. Руководство профессиональными и гендерными праздниками осуществляли также Всеобуч, Политпросвет, Главсоцвос, Сибирский / Западно-Сибирский краевой совет народного образования. Регионально-национальные движения были подведомственны отделам нацменьшинств в губернских и окружных комитетах РКП / ВКП(б).

Разработкой праздничных технологий и их реализацией в городах Западной Сибири с начала 1920-х гг. занимались одновременно несколько инстанций. Мероприятия регламентировались советско-партийными структурами, контроль за исполнением мероприятий на местах осуществляли губернские и городские комиссии, специально создаваемые к каждому празднику. Праздничные технологии осуществляли специально подготовленные и обученные специалисты, призванные воспитывать «будущее поколение людей, свободных от наследия прежнего буржуазного

строю»¹. Опорой при реализации праздничных планов выступали работники клубов, учителя, библиотекари, активисты и ударники промышленных предприятий. В городах организовывались курсы методистов-организаторов, под руководством Политпросвета, Главсоцвоса, Сибнаробраза. Они работали на базе партийных школ, комсомольских организаций². Методисты досуговой сферы использовали новые праздничные технологии, которые включали два основных мотива – ненависть к «врагам советского режима» и преданность Советскому государству.

Подготовленные и организованные, по сути, по единому сценарию, городские праздники 1920–1930-х гг. чаще всего проводились в формах, зародившихся в более ранний период, – в виде шествий, демонстраций и митингов, в основе которых находились и крестные ходы, и военные марши царской России, а более всего – политические митинги и революционные демонстрации предреволюционной поры и особенно – времени Первой русской революции и Революции 1917 г. Интересно, что в советской прессе первых пореволюционных лет велась дискуссия о проведении праздничных торжеств. В 1927 г. московский журналист С.М. Третьяков опубликовал в журнале «Новый ЛЕФ» статью «Как десятильщик». И, наряду с вечерами воспоминаний, демонстрациями, оркестрами и речами, считал обязательным организовывать народные гуляния. Он писал: «Мы считаем правильным в Октябрьские дни широко развернуть принцип народных гуляний (примеры – верба, масленичные гуляния, Девичье поле с его балаганами). В гулянье нет пассивного сидящего зрителя. Зритель – он же и действователь. Он играет вещами – стреляет в тире, тянет лотерею, катается на карусели. Эти гуляния должны быть снабжены разнообразнейшими аттракционами – карусели, качели, русские горы вращающиеся полы; свистульки и верещалки должны дать гулянию звуковую насыщенность; в столовых, кафе и чайных усталый

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 48. Л. 81–82; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–10; Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 449. Л. 1–30; ГАКО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–23; Ф. П-51. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–17.

² ГАНО. Ф. Р-61. Оп. Д. 449. Л. 1–99; Ежедневник Народного комиссариата просвещения. М., 1923. 18, 26, 30 сент.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1933. 18 мая.

гуляльщик должен иметь возможность перекусить, а во всякого рода лотереях и шуточных призовых состязаниях найти законный выход чувству хозяйского задора, социального полнокровия и праздничной приподнятости»¹.

Следует подчеркнуть, что поначалу организаторы городских праздничных торжеств предостерегали от карнавальных выступлений, тем не менее, их элементы успешно использовались. Так, с середины 1920-х гг. в материалах отделов агитации и пропаганды (агитпроп) предлагалось добавлять подвижные карикатуры (с движущимися руками, глазами, языком), чаще всего имеющие политический оттенок. В 1930-х гг. обвинялись и публично осмеивались «предатели» и «дезертиры производства»².

Материалы для праздничных политических карикатур поставляли газеты «Правда» и «Известия», а также журнал «Крокодил». В этих изданиях карикатура использовалась, как коммуникация властей с народными массами, как «острое и сильное агитационное оружие»³. Разоблачительные, карикатурные, сатирические оформления праздников оказывали сильное воздействие на участников праздничных митингов и демонстраций и вполне отвечали целям и задачам политико-просветительной работы среди населения. На городских праздниках популярны были такие карикатуры – российский капитализм в гробу, гидра с головами Чемберлена и Пуанкаре, империалист в цилиндре и с мешком денег.

После немалых поисков и обсуждений организаторы советских празднеств остановились на проведение общегородских шествий, или праздничных демонстраций, символизировавшие мобилизацию масс, смотр революционных сил и сохранивших свое центральное значение на долгие

¹ Третьяков С. Как десятилетие: [публикация статьи 1927 г.] // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2015. №3 (101). С.9.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 11; Д. 94. Л. 9–10; ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–6; ЦДНИ ТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 467. Л. 58–59.

³ Голубев А.В. Образ Европы в советской карикатуре 20-30-х годов // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2005. Вып.5. С.275.

десятилетия. Чаще всего, особенно в начале 1920-х гг., шествиям и демонстрациям, предшествовали торжественные заседания коммунистических ячеек, митинги, а позже, колонны демонстрантов, украшенные флагами, портретами вождей, плакатами, макетами производственной деятельности, проходили по центральным улицам, в Москве – по Красной площади, мимо праздничных трибун, откуда их приветствовали руководители партийных и государственных структур¹.

Популярными были вечера, проводившиеся среди молодежи, например, в Международный юношеский день, а также и среди старшего поколения, в их числе – среди женщин. К праздникам приурочивались собрания и беседы на политические темы, «живые доклады» с иллюстративными материалами. При этом в докладах и беседах рекомендовалось использовать сравнительный материал, который раскрывал контрасты жизни в досоветской России и в СССР, в западных державах и советской стране². В праздничные или предпраздничные дни рекомендовались постановки «живой газеты», агитсудов, которые следовало строить на местном материале в виде массовых инсценировок. В рамках антирелигиозной пропаганды материалы для агитсудов разрабатывал Союз воинствующих безбожников, который ориентировался на «конкретные факты из окружающей современности, с которыми встречается крестьянин и рабочий». Предлагалось «учитывать живые потребности людей, связывать с вопросами естествознания»³.

Помимо создания атмосферы классовой сплоченности, в которой были задействованы все возрастные и социально-профессиональные группы горожан, в организацию торжеств вводился элемент соревновательности, с помощью которого подводились итоги проделанной работы, выстраивалась

¹ См.: Кустова М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2015. №3 (101). С.60-77.

² ГАРФ. Ф. Р-4346. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–17; ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 449. Л. 5–8; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 216–220; Советская Сибирь. Новосибирск, 1935. 24 июня.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 791. Л. 98, 56, 15; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 203, 211, 219; Д. 338. Л. 55–59, 77, 100–112, 214–216.

внутренняя иерархия масс¹. Поддерживая эту идею, журналист-лефовец С.М. Третьяков предлагал следующее: «Живое соревнование производственных коллективов, начиная от отдельных предприятий и кончая целыми отраслями нашей промышленности и управления, должно быть положено в основу праздника». И разрабатывал сценарий праздника, согласно которому победители предоктябрьских соревнований – спортсмены, наборщики, металлисты, машинистки или пищевики – формируют группы октябрьских «именинников». И вместе с активными участниками революции, они «окружаются подчеркнутой внимательностью и заботливостью»².

В завершении главы нужно подчеркнуть, что праздник как феномен социокультурной действительности, организующий жизненные циклы, сопровождает, а во многом и определяет процессы цивилизационного развития, формирует новые общественные ориентиры. Под влиянием господствующих в то или иное время мнений и представлений складываются содержание и формы проведения праздников, формируется новый праздничный дискурс. По мере движения человечества во времени праздник все более утрачивает стихийный характер, принимает организованный вид и, выполняя функции рекреации и объединения, а одновременно – социальной мобилизации, обеспечивает широкие возможности контроля со стороны государственной власти. В наибольшей степени огосударствление праздников в России происходило в пореволюционную эпоху, когда произошла полная институционализация праздников, выкристаллизовалась его структура, сложились формы, типы и виды праздничных действий, закрепились составные элементы материального и духовного свойства. Все это позволяет рассматривать праздничный комплекс Западной Сибири как

¹ Большевистская статья. Сталинск, 1936. 6, 22 янв.; Ленинские внучата. Омск, 1934. 27 авг.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 4 янв.; Спутник коммунара. Новониколаевск, 1923. 1 авг.

² Третьяков С.М. Как десятилетие: [публикация статьи 1927 г.] // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2015. №3 (101). С.7.

совокупность культурных ценностей, определяющую формирование сферы культурного наследия.

Глава 2. Организация и проведение праздников в городах Западной Сибири в 1920-1930-х гг.

2.1. Общегосударственные праздники

Государственные праздники, организуемые органами государственной власти в интересах решения государственных вопросов, занимали ведущее место в системе социокультурных мероприятий в советской России. В праздничном календаре советской России 1920-х гг. как общегосударственные отмечались День Красной армии 23 февраля, День низвержения самодержавия 12 марта, День Парижской коммуны 18 марта, День Интернационала 1 мая, День Союза ССР 1 июля, антивоенный день 1 августа, День Октябрьской революции 7–8 ноября. Подобно праздникам дореволюционного периода, вытесненным или приспособленным к новым требованиям, общегосударственные праздники проводились в нерабочее время, соблюдалось одно из главных условий празднества – досуг, свободное время.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. происходит сокращение общего количества официальных нерабочих праздничных дней, это 1 Мая (включая и 2 мая), 7 Ноября (включая 8 ноября), а с 1936 г. к ним добавляется День Сталинской Конституции 5 декабря. И хотя в списке общегосударственных праздников остаются День Красной армии, День Парижской коммуны, но они отмечаются в рабочее время. При этом количественное сокращение официальных государственных праздников, компенсировалось тем, что мероприятия проходили с большей торжественностью и, можно сказать, помпезностью, пропорционально росту социальной напряженности в обществе. Главные государственные праздники – Международный праздник труда 1 мая и День Октябрьской революции 7 ноября – фиксировали каждый свое событие и при этом были своеобразным продолжением друг друга, заявляли приверженность общим целям. Так, 1 Мая эволюционировал в

праздник неизбежного торжества «освобожденного труда» через революцию, а в День Октябрьской революции провозглашался грядущий «мировой Октябрь». В своем целевом назначении они были призваны формировать в сознании советских людей картину нового миропорядка. В продолжение рассматриваемого периода изменялось название праздника. В первые 10-15 лет после Революции 1917 г. его именовали днем Октябрьской революции, Октябрем (с заглавной буквы), в преддверии принятия новой Конституции СССР события 1917 г. стали именовать, как Великая пролетарская революция в СССР, Великая Октябрьская революция, Великая Социалистическая революция. И наконец 7 ноября 1936 г. впервые была озвучена словесная формула – Великая Октябрьская социалистическая революция. Это словосочетание, в котором первые два слова прописывались заглавными буквами, упрочилось на многие десятилетия, а февральскую революцию с прибавлением определения – буржуазно-демократическая – понижали до строчной буквы и исключили из праздничного календаря¹.

Обращаясь к структуре государственных праздников, можно отметить, что в их проведении доминировали торжества, а по форме их осуществления преобладали торжественные заседания и собрания, митинги и демонстрации, которые проводились по главным улицам городов².

Подготовке и проведению праздников уделялось большое внимание советских и партийных органов власти и управления. Первый опыт такой подготовки был осуществлен еще в то время, когда Сибирь временно была занята белыми. В 1918 г. нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский разработал инсценировку празднования первой годовщины Октябрьской революции, предложил разделить праздник на три части: борьба, победа и упоение победой. Первый, подготовительный, период праздника направлен на повышение социального напряжения в связи с ожиданием события, во

¹ Дмитриенко Н. Революция: сто лет борьбы и труда // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. №30. С.1.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л.9, 10, 11.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 4 мая; 1938. 8 нояб.

второй период напряженное ожидание достигает пикового накала, третий период завершается всеобщим весельем. Основными задачами революционного праздника, по предложению А.В. Луначарского, становилось создание «радостного настроения» и «всеобщего удовольствия» за счет «непрекращающегося шума», для чего предлагалось снабдить детей и подростков «особыми свистульками, трещотками, металлическими трубками». Нарком писал, что воспроизведение основных этапов революционной борьбы и обращение к победам прошлого не должны были превращать праздник в «поминки», напротив, требовалось олицетворять устремление в будущее революционных побед¹.

Используя схему подготовки к революционному празднику, выработанную А.В. Луначарским, в дальнейшем предпринимались попытки организовывать праздничные мероприятия в течение года, как «ступеньки» к центральному революционному событию – очередной годовщине Октябрьской революции. Первый опыт централизованной подготовки к празднику был предпринят в 1925 г., когда был издан циркуляр ЦК РКП(б) «В порядке подготовки к годовщине 1905 г.», перепечатанный затем в местных сибирских газетах. Так, барнаульская газета «Красный Алтай» опубликовала партийный документ 6 декабря 1925 г., и, согласно ему, при Барнаульском горсовете была создана комиссия по организации праздничных мероприятий. Празднование 20-летия Первой русской революции проходило в клубе «Красный Октябрь», в котором была организована выставка подлинных выпусков газет «Искра», «Вперед», «Революционная Россия», революционных прокламаций и фотоснимков участников событий 1905 г. в Барнауле. Проводились также вечера воспоминаний, и по предложению «пятигодника» П.Н. Тузовского Барнаульский Народный дом переименовали в Дом революции 1905 г.²

¹ Северная коммуна. Пг., 1918. 21 сент.

² Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С.114-115.

Главной целью общегосударственных празднований становилось усвоение горожанами основных этапов борьбы и достижений на пути к социализму. В наибольшей мере эта умозрительная конструкция была реализована дважды, во время подготовки к 10-летней и 20-летней годовщинам Октября. В 1927 г. была организована Комиссия президиума ВЦИК по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции. Комиссия не была оперативным органом, принимающим непосредственное практическое участие в мероприятиях по празднованию 10-летия революции. Ее основными задачами стали разработка директивных указаний центральным и местным органам, которые на основании этих директив проводили организацию мероприятий¹.

Местные органы власти организовали общественный контроль за ходом подготовки к празднованию 10-летия Октябрьской революции. В Западной Сибири контрольные функции выполняли Сибирская краевая комиссия по проведению празднования 10-летия Октябрьской революции, Сибирская краевая рабоче-крестьянская инспекция и окрисполкомы. Все планируемые в западносибирских городах мероприятия должны были согласовываться с Сибирской краевой комиссией до определенной даты (как правило, конец июня - начало июля), что позволяло избегать параллелизма и согласовывать деятельность на сибирском и центральном уровнях. Общественные организации Западной Сибири становились реализаторами на практике всех мероприятий, объединяя и вовлекая в праздничное действо все общественно-политические организации и объединения (отделы работниц и крестьянок, Красная армия, ВЛКСМ и др.). За каждой организацией закреплялся свой блок задач. Так, например, в 1927 г. в Западной Сибири насчитывалось 18 профессиональных союзов, и ЦК каждого из этих союзов принимал обязательство подготовить мероприятие, освещающее вклад данной организации в революционную борьбу. Этот вклад следовало показывать через тематические выставки в вестибюлях профсоюзных клубов,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 109. Л. 25, 28.

через театральную постановку, организацию хора, через выпуск печатного издания (историческая брошюра, сборник стихов или прозы)¹.

Что касается выполнения грандиозного плана по празднованию 10-летия Октября в 1927 г., то, по сообщениям с мест, при организации праздника не были учтены природно-климатические особенности Сибири, поэтому «имела место малая зрелищность». А в период 20-летия Октябрьской революции все ранее отмеченные элементы неэффективности были устранены, и 1937 г. стал, согласно сохранившейся отчетности, временем самых зрелищных и массовых событий².

Подготовка к главному государственному празднику, к очередной годовщине Октября, начиналась с отчета о промежутке между «прошедшей» датой и наступающей, и докладом о том, что представляет собой празднество и какие задачи оно ставит перед собой. Как правило, список задач был представлен тактическими и стратегическими направлениями. Тактическое направление обозначало задачи, требующие решения в ближайший период, тогда как стратегические задачи, определяли перспективные установки отдаленного будущего.

Тактические задания 1920–1930-х гг. включали агитационно-разъяснительную работу, ежедневные подробные отчеты о ходе приготовлений к празднику и освещение наиболее ярких событий, прославлявших октябрьскую годовщину³. Для повышения эффективности подготовки в ЦК ВКП(б) разрабатывались «инструкции по содержанию речей», с которыми докладчики должны были выступать на праздничных митингах и других мероприятиях, чтобы не дать им превратиться «в форумы для свободных дискуссий». Согласно методическим указаниям, разработанным в Новосибирске, каждый районный Совет депутатов был обязан выслать агитаторов на местные театральные и музыкальные представления, которые должны были выступить перед началом с короткими

¹ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1120. Л. 8.

² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 412. Л. 14; Большевицкая сталь. Сталинск, 1937. 7 нояб.

³ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1120. Л. 30.

приветствиями в строгом соответствии с инструкциями. Все выступающие на митингах должны быть аккредитованы, текст их выступлений согласовывался с районным руководством. Выступления ораторов должны были происходить в строго отведенных местах, оборудованных стационарными или подвижными трибунами. Митинг рекомендовалось проводить с «эмоциональной, понятной для масс живой речью», по длительности – не более одного часа.

Главной темой праздничных докладов было подведение итогов экономического строительства за весь послереволюционный период. Особенно актуальной становилась эта тема в 1932 и 1937 гг., в дни 15-летия и 20-летия Октября. При этом, сценарии торжественных заседаний 1920-х и 1930-х гг. существенно различаются. Как правило, праздничные торжественные заседания в 1920-х гг. сопровождалась клятвами верности В.И. Ленину и павшим в боях Гражданской войны, собравшиеся пели партийный гимн «Интернационал». В начале 1930-х гг. перечень имен «борцов, погибших за идеалы большевизма» был расширен, к нему подключались партийные вожди во главе с И.В. Сталиным. После оглашения списка, звучал траурный марш в память о «борцах», сопровождавшийся минутой молчания и обязательным «почтительным» вставанием. Подобная «дань павшим» во имя существующего благополучия, имела идеологический подтекст, имеющий посыл и в настоящее, и в будущее, укрепляя коммунистические идеалы.

Темы докладов на торжественных заседаниях публиковались для каждой возрастной и социально-профессиональной категории отдельно, обновлялись регулярно, демонстрируя политические приоритеты определенного периода.

В качестве примера можно привести тематический блок «Положение рабочего класса до Октябрьской революции и историческое значение Октября». Он был приурочен к 3-му кварталу каждого года и охватывал

примерно 40% рекомендованных тем в 1920-х гг. и 20% – в 1930-х гг.¹ Ежегодно на праздниках каждого 1-, 2- и 4-го кварталов рекомендовались антирелигиозные темы, научное разоблачение церковных обрядов и праздников («Какой вред бывает от целования икон», «Кому выгодны церковные обряды», «Причащение разносит заразу», «Культ воскресшего бога в восточных религиях»). В 1930-х гг. на торжественных заседаниях доминировали доклады о конфронтации Запад - СССР», а также социальные темы «Лодыри – Ударники»².

Тактические задачи, требующие первоочередного решения, также отражались в программах праздников. Например, на торжественном заседании Новониколаевского городского Совета 6 ноября 1923 г., на котором присутствовали представители профсоюзов, партийных ячеек, красноармейских частей, с докладом «События в Германии и 6-летие Октябрьской революции» выступил председатель горсовета И.Д. Мартынов³. В 1927 г. главной темой праздничных торжеств была индустриализация, в 1937 г. - прославление Сталинской конституции и подготовка к выборам в Верховный Совет СССР⁴. Так с помощью праздничных технологий руководители Советского государства пытались добиться консолидации общества перед единым врагом, мобилизовали внутренние силы на увеличение производственных темпов. Идеологическая составляющая праздничных докладов усиливалась организацией подписки на агитационно-пропагандистскую литературу, демонстрацией кинофильмов, раздачей участникам торжественных заседаний текстов революционных песен и обязательным пением «Интернационала»⁵.

¹ ГАКО. Ф. Р-22. Оп.1. Д.2. Л. 5-13; Ф. Р-2. Оп.1. Д. 1. Л.14; ГАНО. Ф. П-2. Оп.1. Д. 3. Л.4-5; НФ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л.14-17; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д.338. Л. 55-59, 77, 100-112, 214-216; Оп. 2. Д. 4. Л. 2-3.

² ГАНО. Ф. П-3. Оп.5. Д. 3. Л. 6-7; Ф. П-4. Оп. 13. Д. 2. Л. 14; ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 791. Л.3-6; Оп.2. Д. 2. Л.13; ГАКО. Ф. Р-13. Оп.1. Д. 4. Л. 23; Ф. П-53. Оп.1. Д. 9. Л. 44; НФ ГАКО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 1. Л. 35.

³ Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С.131.

⁴ ГАНО. Ф. П-198. Оп. 1. Д. 27. Л. 43; Большевицкая сталь. Сталинск, 1937. 6 нояб.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 20. Л. 7-8; Д. 57. Л. 55-56; Советская Сибирь. Новосибирск, 1920. 3 июля, 31 авг.; 1921. 26 июня; 1924. 13 апр.; 1925. 6 сент.; 1929. 25 авг.; 1930. 14 янв.

Широкие планы подготовки к первомайским и октябрьским торжествам требовали немалых расходов. В Государственном архиве Новосибирской области сохранились документы, содержащие подробные сведения о финансировании праздничных мероприятий. Учитывая высокий уровень расходов в условиях проведения мероприятий, финансовая политика обеспечения праздников возлагалась как на центральные, так и сибирские органы управления¹. Затраты на мероприятия находились в прямой зависимости от актуальности праздничного события и его целевой аудитории. Так, праздники союзного масштаба курировался органами по уставу отвечавшими за финансовую отчетность партии - Госпланом и Центральной ревизионной комиссией ВКП (б) (ЦРК ВКП(б)). Централизованное финансирование праздников в Сибири происходило по линии центральных органов власти и различных административных единиц на местах: ВЦИК - Сибревком – Сиббюро ВЦСПС – Сибкрайком РКЛСМ - крайисполком – горсовет. Кураторами финансовых потоков по обеспечению праздничных мероприятий выступали Сибирская краевая комиссия по празднованию 20-летия революции 1905 года, Краевая комиссия по ознаменованию 20-летней годовщины Октябрьской революции, Краевая комиссия по ознаменованию 1 Мая и др.² В задачи названных комиссий входили выработка директив и контроль за их исполнением, во взаимодействии с местными западносибирскими организациями они опирались на принцип «строжайшей государственной экономии»³. При ежегодно возрастающей масштабности и торжественности государственных праздников, стремительно увеличивалась их затратность. На протяжении исследуемого периода планировавшиеся расходы на праздничные мероприятия включали следующие статьи: зарплата организаторов; административно-хозяйственные расходы; капитальные затраты; приобретение инвентаря (канцелярские товары, ткань и др.); операционные

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 20. Л. 10; ГАНО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.858. Л. 12-15; Д.1623. Л. 11.

² ГАНО. Ф.Р-1. Оп.1.Д.1262. Л.12-14.

³ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1120. Л. 30; Ф. П-198. Оп. 1. Д.27. Л. 17-23.

расходы¹. В сферу финансирования всех праздничных комиссий входили печать праздничной литературы (методического, исторического характера, на национальных языках) и оплата подготовки курсов популяризаторов, выступающих по радио и на митингах в праздничные дни². Так, в 1927 г. для Комиссии президиума ВЦИК по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции в Западной Сибири выделялось 100 тыс. руб., а в 1937 г. – 500 тыс. руб.³

В целях экономии средств в 1924 г. было принято постановление ВЦИК, в котором говорилось: «Ни одна организация, ни одно ведомство не должны рассчитывать на получение каких-либо субсидий из центра, все расходы по подготовительным работам и проведению празднования должны производиться за счет собственных бюджетов»⁴. Поэтому все расходы по подготовительным работам и проведению празднования производились организациями и ведомствами за счет своих бюджетов, что, конечно же, создавало серьезные проблемы. Сумма финансирования праздничных мероприятий во многом зависела от степени близости к административному центру. Например, в преддверии праздничных дней 1937 г. плановая комиссия Запсибкрайисполкома подразделила все кинотеатры на 3 группы. К первой, лучше других финансируемой группе, были отнесены кинотеатры в центральных районах и промышленных центрах. Ко 2-й и 3-й группам относились кинотеатры и кино-стационары в районных центрах. Характеризуя сложившуюся ситуацию, Дж. Гельдерн писал, что в праздничных мероприятиях в СССР центральные организации «лишь снабжали отдаленные районы инструкциями, километрами красной материи, горами листовок, бюстами и портретами советских лидеров всевозможных размеров». Всю нагрузку финансовых трат возлагали на районные Советы⁵.

¹ ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34-39; Д. 12. Л. 20-25, 34-39.

² ГАО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 33. Л. 11-13.

³ ГАО. Ф. П-198. Оп. 1. Д. 94. Л. 14-15.

⁴ ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1120. Л. 8.

⁵ Geldern J. Bolshevik Festivals 1917-1920. Berkeley, 1993. P. 20.

В документах по подготовке общегосударственных праздников все настойчивее проходила мысль о необходимости «добиться, того чтобы масса стала для самой же себя праздничным зрелищем»¹. С целью ее реализации было усилено внимание к оформлению праздничных торжеств силами самих участников, включению «трудового элемента». Так, празднование 1 мая 1920 г. в Новониколаевске началось субботником, в котором участвовали до полутора тысяч городских рабочих и красноармейцев. Вслед за этим состоялось торжественное заседание Новониколаевского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов, открыл заседание председатель Томского губревкома (временно размещавшегося в Новониколаевске) Б.З. Шумяцкий. Заседание закончилось пением «Интернационала», а на следующий день, 2 мая, в городе прошли праздничные концерты и большая манифестация². В Сургуте 1 мая 1920 г. под руководством дошкольной секции Сургутского уездного отдела народного образования горожане снесли старую ограду и развалины дома на территории городского сада, расчистили место для детской площадки, заготовили столбы и выкопали ямы для устройства новой ограды. Вечером праздничного дня для подопечных дошкольной секции был устроен спектакль и организовано угощение детей³.

Чуть позже, в 1927 г. к 10-й годовщине Октября была разработана особая рекомендация, согласно которой требовалось украшать городские территории и строившиеся заводы, чтобы превращать их в пространство досуга, проводя субботники и воскресники. Согласно сметам начала 1920-х г. для оформления праздников предоставлялись красная материя, марля, проволока, клей, краски. К 1930-м гг. к ним были добавлены листы белой бумаги для лозунговых композиций, а одновременно увеличен перечень рекомендуемых элементов, например, предлагалось использование плакатов,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л.9.; Д. 23. Л. 7-12.

² Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С.122.

³ Доклад заведующей дошкольной секцией при Сургутском учездном отделе наробраз М.В. Тарасовой // Подорожник: краеведческий сб. / ред. В.К. Белобородов. Тюмень: Вектор бук, 2002. Вып. 1. С.18-19.

афиш, листовок. В материалах агитпропа была отмечена неэффективность бумажных и тканевых плакатов с лозунгами, поэтому решено было добавить фанерную основу на всю фразу или «по одному слову или одной букве на небольших квадратах». В 1930-х гг. лозунги приняли форму транспарантов, которые несли несколько человек или даже размещали на фасадах здания, мимо которого проходило шествие.

В методических материалах агитпропа высказывались рекомендации при подготовке праздничных мероприятий «считаться с архитектурой и окраской помещения, не перегружая его красным цветом», и ориентироваться на «создание общего зрительного пятна – путем размещения в ней лозунгов всех цветов, эмблем, игрушек, текста песен»¹.

В архивных и музейных фондах Западной Сибири сохранились свидетельства о праздничном оформлении городских улиц и отдельных зданий (Приложение В). Как правило, центральные улицы украшались плакатами с названием и лозунгами праздничного события, портретами вождей революции – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Данная конструкция была универсальной для города и для деревни и вписывалась в традиционное восприятие праздника. (По сведениям, собранным в лаборатории «Народная культура» в Кузбасской государственной педагогической академии в Новокузнецке, многие жители начинали «читать молитвы и осенять себя крестами» при виде праздничных плакатов вождей, а в домах заменяли иконы портретами вождей.) Порой случалось и непредвиденное. В Сургуте на пересечении улиц Республики и Народной были устроены Советские ворота в виде арки, перекинутой через уличное полотно. К праздникам их украшали красными полотнищами, флагами, портретами вождей, ворота служили обрамлением праздничных торжеств. По воспоминаниям очевидца событий 1920-х гг., накануне праздника Октябрьской революции 7 ноября председатель Сургутского райисполкома

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 34. Л.10-17; Д. 94. Л.9-10; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 9. Д. 59. Л.1; Ф. Р-896. Оп. 1. Д.12. Л. 34-37; ЦДНИ ТО. Ф.4. Оп.1. Д. 467. Л. 58-59.

распорядился «ворота убрать». Весь предпраздничный вечер группа «мужиков с пилами и топорами» разбирала довольно основательное сооружение. И в праздничное утро изумленные сургутяне увидели вместо украшенных ворот только вмерзшие в землю столбики¹.

И если в начале 1920-х гг. в сибирских городах явно подражали празднованиям в Петрограде / Ленинграде и Москве, то позже, часто под влиянием критики из центра, усиливается местный акцент. Так, в Новосибирске в 10-ю годовщину Октябрьской революции планировалось, что участников праздника на улицах «будут осыпать дождем революционной литературы из проезжающих автомобилей», подготавливались митинги, театральные спектакли, концерты, фейерверки, парады автомобилей, передвижные уличные варьете, музыкальные ансамбли, играющие на празднично украшенных грузовиках и балконах по всему городу. Передвижные киноустановки демонстрировали фильмы и кинохронику революции «под открытым небом». Первомайская демонстрация в Барнауле включала шествия по центральным улицам к площади Свободы. Демонстранты несли передвижные установки, такие, как, например, фигура Ленина, рядом с которой – модель земного шара с лозунгом «Да здравствует мировая революция!» (Приложение Г).

К концу 1920-х гг. происходило нагнетание антикулацкой пропаганды, усиливалась политизация праздников. На октябрьской демонстрации 1928 г. в Новосибирске несли фанерные карикатуры на кулака. Но по мнению одного из авторов журнала «Настоящее», таких карикатур явно недостаточно, «надо было бы всеми выразительными средствами представить массам кулака так, чтобы каждый ощутил врага всеми своими чувствами»².

Во второй половине 1930-х гг. в праздничном оформлении городов стала особенно заметна интенсивность агитационно-пропагандистской

¹ Кузнецов А.В. Мой Сургут. Ханты-Мансийск, 1996. С.14-15.

² Курс А. Куда прет?... // Настоящее. Новосибирск, 1928. №10. С.9.

работы. В 1937 г. на здании бывшего торгового корпуса в центре Новосибирска размещался световой движущийся текст сталинской конституции, а во время демонстрации были задействованы автоустановки, с помощью специальных кранов изображался авиа-полет участников демонстрации. Кроме того, привлекались парашютисты, совершавшие приземления на центральных площадях и парковых зонах города, устраивались живые картины, достигавшие размеров городского стадиона¹. Участники праздничной первомайской демонстрации в Колпашево в 1938 г. несли красные флаги, портреты вождей, во главе шествия двигался духовой оркестр². По сохранившейся в Музее истории ТГУ фотографии хорошо видно, как обильно был украшен плакатами, лозунгами, огромными в рост портретами Ленина и Сталина главный корпус Томского государственного университета 1 мая 1940 г. (Приложение Д).

Созданию атмосферы сплоченного действия на общегосударственных праздниках способствовали хоровое пение, танцы, произнесение массовых реплик, приветствий и лозунгов среди участников митингов и демонстраций. Согласно разработанным праздничным рекомендациям, «масса охотно экспромтом будет петь любую песню или частушку, если у нее перед глазами будет иметься текст и если она поется на знакомый мотив и в подходящей тональности». Авторы праздничных методичек подчеркивали: «Масса, утомленная стоянием и желающая погреться, обычно сама изобретает разнообразные порой очень умные способы подвижных развлечений («качание», танцы и т. п.)»³.

К общегосударственным праздникам следует отнести и Антивоенный день, который отмечался в первых числах августа (Приложение Е). Первое празднование было устроено в 1924 г., в 10-ю годовщину начала 1-й

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1927. 8 нояб.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1937. 8 нояб.; Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1937. 9 нояб.

² Рассмахин Ю.К. Очерки истории Колпашевского района // Земля Колпашевская: сб. научно-популярных очерков / под ред. Я.А.Яковлева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С.385-386.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 9–11; Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 4 мая; 1938. 8 нояб.; Еженедельник Народного комиссариата просвещения. М., 1923. 1 сент.

Мировой войны. В Томске 3 августа 1924 г. были организованы демонстрация и митинг городских трудящихся на площади Революции, на котором выступил Том Манн, вождь английских коммунистов, совершавший поездку по Сибири¹. Антивоенный праздник сопровождался не только митингами, но и спортивными мероприятиями и народными гуляниями. Например, в Новосибирске 1 августа 1931 г. состоялось торжественное открытие 1-й Сибирской краевой спартакиады, участники открытия прошли с антивоенными лозунгами и плакатами по улицам города к зданию цирка. В Антивоенный день 1932 г. в Новосибирске состоялась общегородская демонстрация, затем прошел митинг в городском саду, а вечером были устроены массовые гуляния.² В Омске в Антивоенный день совершались постановки пьес-шуток, политических буффонад. В периодической печати и в листовках, раздаваемых бесплатно, печатались частушки революционного и антивоенного направления:

Все, о чем мечтали деды
В царстве долгой тьмы,
Дни несбыточной победы,
Все увидим мы!

В частушках 1930-х гг. высмеивались «империалисты» и «оппозиционеры»:

Экономический провал
Для заграницы стал натурой...
Уселся в лужу капитал
С разбитой барабанной шкурой.
Но всюду на слово нечист,
Играть привыкший с фактом в прятки,
Ему поет оппортунист:

¹ Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С.195.

² Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С.159, 163.

«Спокойно! Все в порядке!»¹.

Общегосударственные праздники в западносибирских городах сопровождались установлением мемориальных досок и революционных памятников, переименованием улиц и площадей в честь революционных событий и их участников. Так, в День Парижской коммуны 18 марта 1921 г. в Омске состоялась закладка памятника парижским коммунарам. По предложению автора, скульптора Н.Н. Виноградова, памятник коммунарам был установлен в 1923 г. на братской могиле 120 омских политзаключенных как символ преемственности двух революций. (Ныне памятник располагается в сквере «Памяти борцов революции».)² В пятую годовщину Октябрьской революции 7 ноября 1922 г. на братской могиле участников антиколчаковского подполья в Новониколаевске был установлен памятник – могучая рука, сжимающая горящий факел. Автором проекта был скульптор В.Н. Сибиряков³. В 1925 г. во время празднования 20-летия Первой русской революции памятная доска была установлена на здании управления Томской железной дороги как знак памяти о жертвах черносотенного погрома в Томске в октябре 1905 г. В 1927 г., в 10-летнюю годовщину Октябрьской революции, памятными досками были отмечены здания рабочего клуба и штаба Красной гвардии в Тюмени. А в 1937 г. на братской могиле борцов за советскую власть в Сургуте был установлен мраморный обелиск, созданный по проекту И. Пермитина и В. Кольцова⁴.

Переименования и наименования улиц в честь революционеров и революционных событий в западносибирских городах в 1920–1930-х гг. получили массовый характер, при этом практически в каждом городе появлялись праздничные топонимы. Например, В Тюмени в 1920 г.

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 21, 30 июля, 1 авг.

² Вибе П.П. Мемориальный сквер «Памяти борцов революции» // Вибе П.П. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. Омск: Омскбланкиздат, 2015. С.51-52.

³ Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С.127; Новосибирск: [фотоальбом] /сост. Н. Мейсак. М.: Прогресс, 1965. 96 с. С.10-11.

⁴ Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. Свердловск: Сред.-Урал. Кн. изд-во, 1980. С.80, 118, 127.

центральная улица Голицинская была переименована в Первомайскую. А в ноябре 1922 г. на картах сибирских городов появились улицы, названные в честь 5-й годовщины Октябрьской революции¹. В 1927 г. в Барнауле в честь Дня Интернационала 1 мая ул. Сузунская была переименована в ул. Интернациональную, ул. Бердская – в ул. Пролетарскую. Мотиваций послужил главный лозунг государственных торжеств «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»². В 1930 г., в 25-летний юбилей Первой русской революции, ул. Переселенческая в Новосибирске становится улицей 1905 года. в 1932 г. одна из площадей в Новосибирске была названа Первомайской, позже на ней был устроен Первомайский сквер³.

К государственным праздникам приурочивали завершение крупных строек, открытие новых предприятий и учреждений культуры. Так, к октябрьским торжествам в октябре 1931 г. открыл свои двери первый вуз Кузбасса – Сибирский институт черных металлов, созданный на базе Томского технологического института. 6 ноября 1933 г. спектаклем Л. Славина «Интервенция» начал свою работу Сталинский драмтеатр им. Роберта Эйхе (после расстрела Эйхе в 1938 г. театру присвоили имя Серго Орджоникидзе). 7 ноября 1933 г. была принята в эксплуатацию новая железнодорожная линия Новосибирск–Ленинск, связавшая Кузбасс с Сибирской железнодорожной магистралью. 1 мая 1934 г. в Новосибирске состоялось открытие театра кукол, которым руководил главный режиссер ТЮЗа М.С. Кисица⁴. В том же 1934 г. в праздничные первомайские дни в Кемерово, на шахте «Центральная», состоялось открытие самодеятельного театра-студии, был показан первый спектакль, в котором играли рабочие-шахтеры⁵. к Антивоенному дню было приурочено открытие в Сталинске в

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1920. 10 нояб.; 1922. 5 нояб.

² Барнаул: энциклопедия / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2000. С. 110-121.

³ Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С.163.

⁴ Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С.167, 169.

⁵ Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988. С.161.

1936 г. в присутствии 8 тысяч горожан нового стадиона «Металлург» с трибуной на 5 тысяч зрителей и парка культуры на водной станции¹.

Участие горожан, особенно рабочих, в праздничных мероприятиях, в особенности в демонстрациях и митингах, было обязательным, однако далеко не все эти обязанности выполняли. Так, 7 ноября 1925 г. на общегородскую демонстрацию в Омске явилась лишь половина запланированных участников. Многие воспринимали праздничные мероприятия как «обязаловку», сбегали с митингов, тем более что речи агитаторов было плохо слышно. Характерно, что в демонстрациях отказывались участвовать преподаватели вузов и рабочие частных предприятий. Они заявляли: «Нам нет дела до ваших демонстраций». Отмечалась и несерьезность отношения к содержательной стороне праздника, многие демонстранты, идя в колоннах, обсуждали грядущее застолье, прикидывали, «хватит ли водки и закуски». Негативное отношение к революционным праздникам усилилось в 1930-х гг. на фоне проблем с недостатком хлеба, с очередями за продуктами питания. Согласно политсводке о настроениях в Томске в 1932 г., горожане были недовольны организацией работ, нераспорядительностью администрации, сокращением пайка. Глядя на советский герб, вывешенный к празднику 1 Мая на фасаде завода «Металлист», рабочие говорили: «С одной стороны серп и молот, с другой – смерть и голод»².

Имеющиеся в распоряжении диссертанта источники и материалы позволяют увидеть иную сторону рецепции октябрьских торжеств в период репрессий. Многим людям, особенно тем, чьи родные или знакомые были репрессированы, приходилось изображать восторженное восприятие годовщин Октября, чтобы не показывать своего разочарования или страха. К примеру, жительница Новосибирска А.Т. Ильина вспоминала, что 5 ноября 1937 г. был арестован ее супруг, 6 ноября ее исключили из партии, а 7 ноября

¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 6. Л. 257, 266, 299-300.

² ЦДНИ ТО. Ф.80. Оп.1. Д.268. Л.58.

несчастливая беременная женщина, оставив дома без присмотра малолетнюю дочь, пришла на демонстрацию, «стояла и пела песни». Ей приходилось имитировать праздничное настроение, поскольку рабочие фабрики, где она работала, осуждали ее как жену врага народа¹.

Рассматривая организацию и проведение государственных праздников в городах Западной Сибири, можно отметить широкое использование праздничных традиций, сложившихся до Революции 1917 г., это и демонстрации, и шествия, и праздничные развлечения, и многие праздничные атрибуты. Вместе с тем, в проведении общегосударственных праздников наметились новации, привнесенные новым временем. Прежде всего, это организационная составляющая праздников, интенсивность пропаганды, торжественность и всеобщность революционных праздников. Одним из базовых элементов государственных праздников выступало использование моральных оценок, акцентирование правомерного и неправомерного. При негативной оценке употреблялись термины «капитал», «рабы капитала», «рабство»: «Шлем в день Первого мая привет всем рабам капитала, всем угнетенным народам», «Бюрократизм тормозит строительство в стране Советов»². Эти термины не просто расставляли акценты, они провозглашали новые моральные принципы, по которым должны были жить советские люди.

В 1920-е гг. акцент делается на отчуждение, на отрицание мира других: «Буржуазия изобрела винтовки и пулеметы. Пока существует капитализм – не выпускайте их из рук своих!», «Очистим ряды большевистской партии от всех ненадежных и неустойчивых, примазавшихся элементов!». В 1930-х гг. данный прием усиливается и модифицируется, но при этом прежде всего направляется на изживание внутренних «пороков»³. Так, активно

¹ См.: Красильникова Е. Революция, память, беспамятство // Сибирские огни. Новосибирск, 2016. №2. С. 10-17.

² ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 200–204; ГАКО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–17; Большевик Кузбасса. Кузнецк, 1931. 20 апр.; Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1924. 19 апр.; 1930. 24 апр.; 1934. 20 апр.; 1936. 16 окт.

³ Забой. Прокопьевск, 1933. 5 нояб.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 19, 28 апр.; 1935. 27 апр., 1 нояб.; Алтайская правда. Барнаул, 1937. № 4; Красное знамя. Томск, 1927. 20 апр.

используется понятие большевистская самокритика как действенное оружие: «Шире развернем большевистскую самокритику и еще выше поднимем активность, творческий потенциал и производственную инициативу рабочих и колхозных масс», «Сильнее огонь самокритики против бюрократических язв и недостатков аппарата». Вместе с тем все чаще упоминания о «ликующем истинном счастье», о праздничном настроении масс, которое выражалось не только в совместном времяпрепровождении, но и в описаниях участия в любой его форме: «Сегодня, в день Парижской коммуны, граждане, счастьем переполнено мое сердце, когда я произношу речь!»¹. Радостное настроения охватывали все его полутона от патриотического («Радость жить в свободном Советском Союзе») до высмеивающего (едкая насмешка, сатира, частушки, едко высмеивающие противников Советской власти)².

Новыми непрекаемыми аксиомами выступают понятия «труд», «дисциплина», в их сочетании и взаимосвязи, и как условие обретения «истинного счастья» и «светлого будущего»: «Всеобщая трудовая повинность – спасение от вечного рабства, голода, нищеты и разрухи. Да здравствует железная рабоче-крестьянская трудовая дисциплина!»³. Вложенная сюда смысловая нагрузка напоминает православные установки о труде, преданности вере (идее), покаянии в проступках, наказании за ошибки («большевистская самокритика»). Жесткий нравственный закон подчеркнуто выступает против «праздности в будни»: «Против праздности и шумихи в соревновании! Против лжеударничества, за развернутое социалистическое соревнование!».

Лозунговые материалы государственных праздников выступают как формирующее начало, моделирующее характер восприятия, систему оценок. При этом в праздничных лозунгах присутствует, хотя и в неявной форме, опора на православные ценности и на традиционно-русское дихотомическое

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. 18 марта.; 1933. 10 нояб.; Большевистская сталь. Сталинск, 1936. 3 янв.

² Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. 8 июля.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1920. 22 апр.; Красное знамя. Томск, 1925. 24 окт.

мировоззрение: отражение мира в черно-белых тонах используется при характеристике соотношений – «прошлое – будущее», «свои – чужие». При таком подходе прошлое представлено в эмоционально-гнетущих тонах и связано с отсутствием свободы, царством капитала, кровавым царем. Будущее же связано с жертвенным тяжелым трудом каждого, что в дальнейшем приведет к всеобщему процветанию. Тем самым выстраивалась шкала ценностей, новая картина мира. Резкое изменение обстановки в стране, переход к эпохе «Великого перелома» и поиски «внутренних врагов» привели к активизации лозунговой информации, призванной к внутренней консолидации общества под лозунгом «Кто не с нами, тот против нас». Так через праздничные технологии был запущен механизм мобилизации масс на борьбу за социалистические ценности, воздействия на массовое сознание, поддержания атмосферы «осажденной крепости».

Стремление подчинить праздники решению политических задач лишало их самого главного – веселья, отдыха, развлечения. Случалось, праздничные мероприятия подменялись дискуссиями о том, что дозволено и что нельзя делать на праздниках. Так, на одном из первомайских вечеров в Новосибирске долго спорили о том, можно ли танцевать в день рабочей солидарности. А когда организаторы все же решили разрешить танцы, участники вечера уже покинули праздничное мероприятие. К чести организаторов праздников нужно отметить, что в Барнауле, например, силами городского совета профсоюзов в 1936 г. сформировали хореографический центр-базу, чтобы учить танцевать рабочую молодежь. В Омске и Барнауле устраивались конкурсы плясунов-частушечников¹.

В подготовке к 10-летию Октябрьской революции впервые была сформулирована задача – «перенести праздник Октябрьской революции в быт». В томской газете «Красное знамя» были опубликованы такие размышления: «В быту, в семейной обстановке, революционные праздники пока еще не привились. Они проходят как-то мимо семьи, не затрагивая ее,

¹ Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988. С.171-172.

не вовлекая ее в общий круг клубной, общественной, парадной части празднования»¹. И постепенно общегосударственные праздники проникали в каждый дом, становились семейными. К Первомайским и Октябрьским праздникам красными флажками и елочными веточками украшались дворы. В 1930-х гг. ставшие популярными патефоны (сменившие граммофоны) выставлялись на подоконниках, и собравшиеся во дворе жители танцевали под музыку, отмечая 1 Мая (Приложение Ж).

¹ Красное знамя. Томск, 1927. 7 окт.

2.2. Социально-профессиональные праздники

Социально-профессиональная градация городского населения Западной Сибири, выражавшаяся в формировании социальных слоев и профессиональных групп горожан (рабочие, специалисты (интеллигенция), военнослужащие), обусловила зарождение особого вида праздников, которые так и назывались – профессиональные. Эти праздники становились одним из усилителей субкультурной принадлежности, в которой основным критерием выступала трудовая деятельность.

Институциональную основу социально-профессиональных торжеств определяли те же управленческие структуры, которые руководили проведением общегосударственных праздников. Организационными центрами были профсоюзные и рабочие клубы, а также красные уголки и актовые залы. Клубы охватывали все досуговое пространство городов, размещались в местах культуры и отдыха, при промышленных предприятиях и учебных заведениях. Расписания работы многих городских клубов регламентировали производственное и досуговое время и были включены в производственные табель-календари.¹

Первые рабочие клубы в Томске появились в 1920 г. Год спустя при Томском практическом политехническом институте (бывшем Сибирском политехническом училище) был открыт клуб имени Тимирязева. По отзывам заведующего отделом профессионального образования Томского губисполкома, в короткое время в клубе была организована большая просветительная работа, вызывавшая «действительно искренние симпатии рабочего населения примыкающего к клубу района»². В том же 1921 г. в Томске открылся общегородской клуб – Рабочий дворец совета профсоюзов,

¹ НФ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 15-19.

² ГАТО. Ф.Р-28. Лп.1. Д.67. Л.278.

в котором была организована библиотека, музей, театр, музыкальная и художественная студии¹.

В 1920-м в Тюмени был открыт клуб железнодорожников, вслед за ним – клубы водников, рабочий дом «Заречный», клуб профсоюза кожевников и фабрики «Пламя», а также клуб милиции, гарнизонный клуб имени Володарского. В тюменских клубах устраивались концерты и спектакли, проводились праздничные вечера. Наряду с клубами праздничные мероприятия проводились в двух городских театрах, которые к несчастью сгорели в 1921-1922 г. Два года спустя, в 1924 г., здание театра было построено заново, и его открытие стало настоящим праздником для горожан Тюмени².

В Барнауле клубная деятельность активизировалась в 1924 г., были построены клуб БВЗ (Барнаульский вагоноремонтный завод) и клуб железнодорожников на Привокзальной площади. В 1937 г. открылся клуб БМК (Барнаульского меланжевого комбината).

Организаторы клубов устраивали конкурсы художественной самодеятельности, театральные постановки, отвечали за благоустройство своих территорий и подготавливали ее к праздникам. Так, во второй половине 1930-х гг. был посажен парк, оборудовано футбольное поле. В клубе БВЗ заводчане дружно сдавали нормативы на значок ГТО, немалая заслуга в этом принадлежала инструктору по спорту А.В. Петрову (будущего Героя Советского Союза, именем которого впоследствии была названа одна из улиц Барнаула). Клуб БМК содержал свою собственную лодочную станцию, приобрел прогулочный катер. В 1935 году был открыт стрелковый клуб и авиа-спортклуб для обучения юношей и девушек парашютному, планерному и самолетному видам спорта (Приложение И).

В алтайском городе Рубцовске был построен клуб-кинотеатр железнодорожников, ставший центром культурной и праздничной жизни

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп.1. Д.36-б. Л. 113-114.

² Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. С.170-171.

всего города¹. К 10-летию Октябрьской революции был построен Дворец труда в Щегловске (с 1932 г. – Кемерово), а в начале 1930-х гг. открыт первый в городе стадион «Шахтер». Монументальные ворота стадиона украшали красные звезды, флаги и портрет Сталина².

По данным на 1927 г. в Новосибирске насчитывалось 5 рабочих клубов, в 1936 г. их было уже 13, в 1940 г. – 20³. В Омске в 1939 г. действовало 31 клубное учреждение, в них были устроены 20 киноустановок, 19 радиоустановок, 22 библиотеки⁴. В других западносибирских городах клубы, а в особенности красные уголки также обязательно открывались, хотя, возможно, с меньшей активностью. Так, в рабочем поселке при Гурьевском металлургическом заводе в 1920-х гг. работал профклуб с библиотекой и киноустановкой. В 1935 г. когда поселок стал административным центром Гурьевского района, в нем была введена в строй первая очередь клуба Гурьевского завода, и в том же году в сосновом лесу устроен парк отдыха, ставший средоточием праздничных мероприятий в Гурьевске, в 1938 г. преобразованном в город районного подчинения⁵. Ранее этого, в 1932 г., парк культуры и отдыха был открыт в Сталинске, он стал главным центром праздничного отдыха горожан. Характерно, что перед организаторами и руководителями клубных и других учреждений культуры ставилась задача «привить традицию народного гулянья, придав ей советский характер». И действительно, в 1930-х гг. городские площади, сады и парки с их летними сценами, на которых выступали участники художественной самодеятельности, открытыми танцевальными и физкультурными площадками стали излюбленными местами праздничных гуляний⁶.

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1935. 5 нояб.

² Кузбасс: страницы истории / Н.П. Шуранов, И.Ю. Усков. 2-е изд. Кемерово: СКИФ; ОАО «ИПП «Кузбасс», 2006. С.90-91.

³ Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 10 янв.; 1936. 12 янв.; 1940. 27 марта.

⁴ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Издательский дом «Наука», 2004. С.118.

⁵ Гурьевск: страницы истории / отв. ред. В.А. Просеков. Кемерово, 2008. С.66-72.

⁶ Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926/1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988. С.181-182.

Главной задачей городских клубов была организация культурно-массовой работы на базе определенной профессиональной субкультуры. При этом клубы Западной Сибири, как и всей страны, исследуемого периода входили в сферу влияния агитационно-пропагандистской деятельности органов государственно-партийного руководства, реализующих на местном уровне политико-просветительные функции. Трансформируясь в инструмент регламентации досугового времени, клубные организации становились центрами праздничных действ. Каждый клуб имел свою территорию влияния, объединяя трудящиеся массы по принципу проживания в данном районе или по принадлежности к определенной профессии. Например, клубы металлургов и нацмен в г. Сталинске, клубы завода «Труд», кожзавода №6, обувной фабрики им. Кирова, клубы транспортников, работников народного хозяйства в Новосибирске¹.

По методическим регламентациям праздничных и досуговых мероприятий 1920-х гг. клубная деятельность включала экскурсионную работу, сопровождаемую живой беседой, кружковую работу и ячейки физкультуры. В городских клубах формировались и функционировали драматические кружки, кукольные театры, музыкальные коллективы - народной и советской песни, танцев, исполнения на музыкальных инструментах (гармонь, балалайка, духовые инструменты). Одновременно создавались технические кружки (радио, фото, авиамоделизм), спортивные секции (футбол, хоккей с мячом, легкая атлетика).

Посещение клубов было добровольным, однако при подготовке праздничных мероприятий работники городских предприятий и учреждений так или иначе прикреплялись к культурно-досуговым учреждениям². В клубах проводились праздничные «вечера смычки» разных категорий населения, а «сменными» звеньями становились герои Гражданской войны,

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 25 февр.; 1931. 28 февр.; 1935. 7 янв.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1935. 7 янв.; 1936. 10 янв.

² ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 4. Л. 15-43; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 160-162; Ф. 80. Оп. 1. Д. 791. Л. 3-6.

ударники производства¹. Согласно методическим указаниям, в клубах организовывались сцена, или площадка с занавесом, который возможно было использовать в качества киноэкрана. Близ сцены оформлялся уголок Ленина с его портретами, революционными лозунгами, стенными газетами. Тут же располагалось «место пассивного получения информации», то есть стеллажи с книгами, витрины и фотоальбомы комсомольцев, пионеров, МОПРа, громкоговоритель, радио, киноустановка.

Городские клубы служили центрами организации праздничных действ. Все массовые городские шествия, демонстрации и митинги начинались возле клубов, задавая очередность, определяя приоритеты, количество и характер праздничных торжеств. От рабочих и вузовских клубов направлялись колонны представителей того или иного предприятия или учреждение, они были оформлены своими знаковыми средствами: надписями, макетами профсоюзных значков, эмблемами своего производства. В каждой колонне назначался ответственный – вожатый, контролирующий ее действия в процессе шествия, регулировавший игру сопровождавших колонны оркестров². Был разработан порядок прохождения социально-профессиональных колонн во время праздничной демонстрации. Как правило, шествие по заранее намеченному городскому маршруту возглавляли представители «полезных» для государства социальных слоев и групп – рабочие, военнослужащие, учителя. В ходе праздников в клубах проводились также собрания, лекции, обсуждения, а кроме того, ставились спектакли, миниатюры, концерты самодеятельности³.

Приоритет партийности и поддерживавший ее активизм участников формировали определенные стратификационные границы. Наиболее ярко

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1923. 3 нояб.; 1929. 24 апр.; 1936. 1 янв.; 1939. 1 мая.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 9–11; Д. 94. Л. 9–10; Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 6 сент.; 1931. 10 февр.; 1931. 28 февр.; Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1936. 28 апр.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1936. 30 апр.; 1937. 4 нояб.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1920. 29 апр., 8 авг.; 1921. 26 июня; 1924. 24 июня; 1930. 19 мая; 1933. 26 янв.; 1935. 7 янв.; 1936. 1 янв.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1938. 13 марта; 1939. 5 нояб.; 1940. 30 авг.; Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1935. 20 янв.; 1937. 1 мая.

они проявлялись в 1930-х гг., когда посещение тех или иных клубных мероприятий осуществлялось по пригласительным билетам. Среди посещающих мероприятие выстраивалась своя иерархия, визуально состоящая из центрального события – сцены и выступающих на ней, и зрителей в зале. При этом места наиболее близкие к сцене заполнялись почетными гостями. В мероприятиях представителей различных профессиональных групп первые ряды отводились руководителям предприятий и передовикам производства, в возрастных мероприятиях – младшим поколениям (октябрята, пионеры).

В целом клубная деятельность становилась неотъемлемой частью жизни горожан, формирующей эталоны проведения досуга и праздника, закрепляющей идеологические установки и ценностные ориентиры эпохи, организовывающей консолидационные процессы и, одновременно, поддерживающей диалог между уполномоченными властью и рядовыми горожанами. Работа каждого рабочего или городского клуба становилась частью пропагандистской деятельности с соответствующей подотчетностью руководящим органам. Как следствие, от клубных кадров требуется обеспечение «социалистической пропаганды по-большевистски»¹. Работа любой клубной организации могла быть оценена по критериям указаний центра, а также подвергнута публичной оценке в виде информации в центральной или краевой печати.

Как и общегосударственные праздники праздничные мероприятия отдельных социальных и профессиональных групп горожан использовались как механизм управления и контроля со стороны государства. Свидетельство тому праздничные лозунги, обращенные к представителям отдельных категорий населения, например, к служащим административных структур: «Организуем большевистский контроль работы органов управления!»,

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 1 апр., 23 мая, 16 окт.; Большевистская сталь. Сталинск, 1932. 18 апр.; 1937. 30 дек.

«Единоначалие и крепкую трудовую дисциплину сочетаем с широким действенным участием рабочих масс в управлении производством!»¹.

Особым вниманием органов государственного управления пользовались рабочие, которые провозглашались социальной опорой власти. На протяжении всего изучаемого периода отмечались как праздничные неделя профессионального движения рабочих, проводимая ежегодно с 15 по 22 февраля. Ежегодно 15 августа отмечался День Профинтерна. Лозунговая составляющая двух праздников закрепляла основные задачи профсоюзов: «Профсоюзы, ближе к массам, к цехам и бригадам! Больше заботы с повышением производительности труда и реальной зарплаты! Лицом к производству!»².

Тематика, продолжительность и масштабность профсоюзных празднеств зависела от политического контекста и приоритетности рабочих специальностей. Так, в начальный период индустриализации организовывались «недели», посвященные строителям («Да здравствует строитель социализма – советский пролетариат!»), инженерно-техническим работникам («Ни одного ИТР не должно быть вне соцсоревнований!», «Инженерно-технические работники, в авангард социалистического строительства!»), передовикам-производственникам («Слава передовикам!»). Наряду с «неделями» проводились разовые праздники, например, годовщина союза рабкохоза (работников коммунального хозяйства)³.

Собственно рабочие праздники также были подчинены решению политических задач. Первоначально чествование рабочих, достигших наивысших показателей в труде, приурочивали к общегосударственным праздникам. Например, почетное звание Герой труда за выдающиеся трудовые заслуги в области производства, научной, государственной и общественной деятельности (то есть не только рабочим) по решению

¹ Омская правда. Омск, 1935. 1 янв.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 24 апр.; 1934. 2 нояб.

² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 4. Д. 3. Л. 27–35; Советская Сибирь. Новониколаевск/ Новосибирск, 1922. 10 авг.; 1923. 14 авг.; 1924. 11 авг.; 1925. 9 авг.; 1926. 1 авг.; 1927. 6 авг.; 1928. 15 авг.; 1929. 10 авг.; 1930. 15 авг.; 1931. 13 авг.; 1932. 7 авг.; 1933. 9 авг.; 1934. 8 авг.; 1935. 14 авг.; 1936. 13 авг.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921. 12 июля.

местных Советов рабочих и красноармейских депутатов, а с 1927 г. – по постановлениям ЦИК и СНК СССР присваивалось и по праздникам, и по будням. Известно, что звание Героя труда был удостоен машинист сцены Томского городского театра И.Ф. Кузнецов, и чествование его проводилось в праздник 1 Мая 1927 г.¹

В 1930-х гг. праздник как универсальный инструмент мотивации охватил в своей календарной сетке дни, посвященные ударничеству, которое в официальной печати характеризовали, как воплощение «лучших качеств советского гражданина», «организатора с высокой долей самокритики», «передовика в производстве с социалистическим сознанием». Для ударников не было установлено единой праздничной даты, это празднование было мобильным, его приурочивали к другим массовым праздникам, включая 8 Марта, Первомай, дни Октябрьской революции². Организация социалистического производства для поддержания трудового напряжения включала празднично-поощрительный компонент, «праздники трудового энтузиазма» – сутки, дни, пятидневки, декадни. В печати о них сообщалось: «Осинниковский рудник проводит стахановскую пятидневку»; «День ударника – праздник трудового энтузиазма»; «Темпы, достигнутые в день Всесоюзного ударника, развить в полную победу на хлебозаготовительном фронте»³. Годовщины социалистических соревнований, отмечались трудовой деятельностью и выполнением нормативов производства, и, как правило, были приурочены к Первомайским или Октябрьским торжествам⁴. Подведение итогов соревнования по неделям и декадникам сопровождалось материальным поощрением, фотографии

¹ Томский зритель. Томск, 1927. №16. С.6.

² Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 5 марта; 1936. 1 янв.; Трибуна ударника. Новосибирск, 1931. 1 нояб.; 1932. 20 апр.; Ударник. Новосибирск, 1930. № 1, 6; Ленинский шахтер. Ленинск-Кузнецкий, 1930. № 5; 1932. № 7; 1933. № 10; Борьба за уголь. Анжеро-Судженск, 1930. № 4; 1931. № 2; Омский железнодорожник. Омск, 1936. 5 янв.; 1937. 24 апр.; 1938. 1 нояб.; 1939. 1 марта; 1940. 25 апр.

³ Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 2 нояб.; 1936. 5, 18 янв.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1936. 6 янв.; Ленинский шахтер. Ленинск-Кузнецкий, 1930. №5; Борьба за уголь. Анжеро-Судженск, 1930. № 4.

⁴ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 6. Л. 257, 266; Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 12 марта, 6 мая; 1931. 20 апр.; 1936. 30 марта, 23 мая; Красное знамя. Томск, 1935. 10 мая.

победителей публиковались в периодической печати. Так, в западносибирских газетах писали о бригаде В. Прицкера из коксового цеха г. Кемерово, о комбайнерах Е. Юдинской, О. Павлове, В. Борисове, К. Мачехине, о работнице Новосибирского мыловаренного завода Н. Пановой¹.

С особой тщательностью составлялись списки участников стахановского движения за рациональную организацию производства и достижение высоких показателей производительности труда. Имена стахановцев включались в ежегодную отчетность промышленных предприятий, публиковались в периодической печати к знаменательным датам. В 1935 г., когда зародилось стахановское движение, первыми стахановцами в Сибири стали забойщик шахты им. Эйхе Прокопьевского рудника И. Борисов, забойщики шахты «Центральная» Кемеровского рудника Н. Толстиков, Н. Парфененок, Р. Мачехин, А. Зайнутдинов. В число первых стахановцев на Кузнецком металлургическом комбинате вошли мастер И.Г. Могилевцев, сталевары В.А. Матюшкин, И.Е. Федоров. На Новосибирском молочном комбинате были отмечены первые стахановцы-женщины: сборщики молока М. Балаганская, Л. Галактионова, мастер Н. Михайленко, Л. Корабельникова. Все передовики-стахановцы участвовали в работе 1-го Всесоюзного совещания стахановцев, в Кремле, приуроченного ко дню Октябрьской революции в ноябре 1935 г.

Особыми праздничными событиями выступали слеты ударников производства, организуемые в Новосибирске, в городах Кузбасса. Лозунги, посвященные движению передовиков-ударников, подчеркивали ведущую и определяющую роль партии в организации движения, противопоставляли ударников «дезертирам труда», связывали ударный труд с внешнеполитическими задачами Советского государства: «Догоним и перегоним в кратчайшие сроки передовые по технике капиталистические страны. Да здравствуют большевистские темпы!», «На злобную клевету и

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 11 дек.; 1930. 5 марта, 3 окт.; 1931. 1 мая; 1935. 3 янв., 6 июня, 28 окт.; 1936. 3, 5 янв., 10, 16, 20 окт.; Большевистская сталь. Сталинск, 1935. 6 янв.; 1936 17, 20 янв.; 1939. 28 июля.

бешеную травлю Советского Союза империалистами и белогвардейцами – усилим темпы социалистического строительства!»¹.

Поощрительная политика по отношению к ударничеству в 1920-х гг. выражалась в публичном признании «героев» и «революционеров труда». Для ударников устраивались праздничные угощения, организовывались экскурсии, им дарили белье, мануфактуру, обувь². В 1930-е гг. поощрения ударников становятся еще более массовыми и зрелищными. Так, была оформлена галерея орденосцев Западной Сибири, включавшая 150 фотографий передовиков промышленности и сельского хозяйства. Стали возводиться памятники шахтерам, металлургам³. В качестве чествования ударных бригад им присваивались имена Ленина, Куйбышева, ОГПУ. Принадлежность к ударникам поощрялась переселением в новые квартиры, спецодеждой, дефицитными товарами, выдвижением на хозяйственную, советскую, профсоюзную работу, командировками в вузы⁴. Передовиков производства принимали в партию, выдвигали в управленческую группу. Эта практика была закреплена в праздничных лозунгах: «Лучших ударников передадим в партию!»; «Лучших ударников – передовых пролетариев, испытанных колхозников – в ряды ленинской партии!»; «Лучших ударников на лучшие курорты!»⁵.

Особое внимание организаторов рабочих и профсоюзных празднеств уделялось шествиям, которые позволяли наглядно представить рост рабочих масс, примкнувших к партийным структурам⁶. Но все же самой распространенной формой становятся торжественные собрания, оглашавшие «изменение условий жизни рабочих в лучшую сторону». Постановки

¹ Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 11 дек.; 1930. 5 марта, 3 окт.; 1931. 1 мая.; 1935. 3 янв., 6 июня, 28 окт.; 1936. 3, 5 янв., 10, 16, 20 окт.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1935. 6 янв.; 1936 17, 20 янв.; 1939. 28 июля.

² Ежедельник Народного комиссариата просвещения. М., 1923. 13 окт.; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921. 12 июля; 1923. 1 марта; 1924. 25 окт.; 1929. 29 марта.

³ Ударник. Новосибирск, 1931. № 4; Трибуна ударника. Новосибирск, 1931. 18 марта; 1932. 29 апр.; Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 20 дек.; 1935. 4 окт.; 1936. 10, 12, 17 янв., 9 марта, 20 окт.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1937. 22 янв.; 1939. 21 янв.; 1940. 25 дек.

⁴ Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 11, 14 сент.

⁵ Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 29 апр., 3 окт.; 1931. 19 янв.; 1932. 29 окт.

⁶ Большевик. Новосибирск, 1923. №2.

(профессиональные и любительские концерты) составляли обязательную праздничную программу, демонстрируя включенность специалистов в праздничные действия, и их ценность для производства.

Другим сегментом социальной опоры партийно-коммунистического руководства служили правоохранные структуры с их кадровым наполнением и, соответственно, с особыми корпоративными интересами: военнослужащие, милиционеры, чекисты, работники суда и прокуратуры. Этим корпоративным стратам были посвящены дни прямого и косвенного значения, долгосрочного и временного празднования. Праздники прямого назначения представлены Днем курсанта (5 августа), Днем милиции (10 ноября), Днем Добролета (Общество добровольного воздушного флота, (20 июля), Днем ОСОАВИАХИМ (23 января), Днем Воздушного Флота СССР (18 августа), Днем ВЧК-ОГПУ-НКВД (20 декабря).

Ежегодные празднования, косвенно поддерживавшие силовые и охранительные структуры, были представлены Днем туриста (24 июля), Днем призванного (4 сентября), Сибирским праздником физкультуры (23–30 августа). Кроме того, были праздники временного характера, например, **День дирижабля**, который отмечался в период с 25 декабря.

Праздничные лозунги, обращенные к представителям военных и силовых организаций, напрямую отражали заинтересованность в них государства как своей главной опоры: «Комсомольцы и молодежь! Крепите оборону страны в рядах Красной армии и ОСОВИАХИМ!». Часть лозунгов посвящена популяризации поведенческих норм и поведенческой эталонности групп охраны: «Милиционер должен быть юрисконсульт общественных работников и строгим проводником советской законности», «Биться на фронте хозяйственного строительства так же, как бились на Дальнем Востоке», «Название гражданина носит только тот, кто записался уж в Сиблет».

Формы празднования «силови́ков» определялись уровнем социальной напряженности и характером конкретного события. Так, на протяжении всего

изучаемого периода, праздники постоянного характера проводились в виде шествий (парады, демонстрации) и состязательно-демонстративных мероприятий (спортивные и трудовые соревнования, показательные выступления спортсменов). К праздничным дням военных и правоохранительных структур подготавливались стенные газеты. Одним из поощрительных элементов устраивались торжественные собрания, на которых особо отличившимся вручались почетные удостоверения и поощрительные грамоты.

Особую разновидность социально-профессиональных праздников составляли юбилеи вузов и др. образовательных учреждений. Организация и проведение юбилейных торжеств способствовали формированию и укреплению новой генерации вузовских специалистов и интеллигенции как социальной опоры партийно-государственных структур в Западной Сибири. Об усилении внимания власти к сибирским вузам говорят факты их именования. Так, постановлением Сибревкома от 22 октября 1925 г., Томский технологический институт, «в ознаменование 25-летнего юбилея», был переименован в Сибирский технологический институт, а вскоре ему было присвоено имя наркома внутренних дел Ф.Э. Дзержинского.

Празднование 25-летия технологического института получило поддержку со стороны Сибирского крайкома РКП(б), озабоченного отъездом из Томска «наиболее ценной и стажевой профессуры». Административные меры удержания опытных преподавателей в Томске решено было сочетать с мерами материального и морального поощрения¹. Институтский праздник включал торжественный акт, «юбилейный осмотр учебно-вспомогательных учреждений института», концертное отделение. Торжественный акт открылся в главном корпусе вуза исполнением «Интернационала». В президиум были приглашены члены правления института, представители Сибревкома, томских партийно-государственных структур, а также ветераны труда – профессора Н.И. Карташов, К.К. Лыгин, Т.И. Тихонов и монтер

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп.1. Д.145. Л.110-111.

отопления Ф.О. Харченко. После докладов ректора Н.В. Гутовского и проректора Усова М.А. были озвучены многочисленные приветственные телеграммы, первая из которых была подписана председателем Совнаркома СССР А.И. Рыковым. Чтение телеграммы Рыкова было встречено «несмолкаемыми бурными рукоплесканиями» и оркестровым исполнением «Интернационала»¹. (Многие из полученных телеграмм от центральных органов государственной власти и управления были затем опубликованы в местной газете «Красное знамя».)

Ко дню юбилейных торжеств главный корпус технологического института был украшен елочными гирляндами, такие же гирлянды, а также флажки и символы института в виде скрещенных молоточков оформляли юбилейную арку на пр. Тимирязева на подходах к главному корпусу. Две фотографии с праздничным убранством института, сохранившиеся в отделе редких книг Научно-технической библиотеки Томского политехнического университета, опубликованы в 2016 г.²

Большими торжествами было отмечено 50-летие Томского государственного университета, устроенное вузовским руководством и поддержанное президиумом Западно-Сибирского крайисполкома. Дата этого торжества, 1934 г., была выбрана произвольно ректоратом ТГУ, указавшем 1884 г. как время завершения строительных работ и готовности университета к открытию. В апреле и мае 1934 г. президиум Западно-Сибирского крайисполкома принял два постановления, в которых были отмечены успехи ТГУ в области подготовки высококвалифицированных кадров и проведении научно-исследовательских работ в Сибири. По постановлению Президиума ВЦИК от 24 мая 1934 г. университету было присвоено имя В.В. Куйбышева, тогда члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого заместителя председателя Совнаркома СССР (в 1909/10 учебном году он учился в Императорском

¹ Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900 – 25 октября – 1925. (Юбилейный сборник). Томск, 1928. С.1-19.

² Томский политехнический университет: история в иллюстрациях6 фотоальбом / сост. С.И. Никифоров. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2016. С.92.

Томском университете). Четыре дня спустя, 28 мая 1934 г., В.В. Куйбышев прислал в университет телеграмму, в которой писал: «Польщен честью названия университета моим именем. Желаю, чтобы все студенчество было проникнуто такой же революционной энергией, как были проникнуты в свое время томские большевики и вся партия в борьбе за свержение самодержавия и за победу большевизма»¹. Подлинная телеграмма сохранилась в Музее истории ТГУ.

На юбилейные торжества в Томск, которые проводились 25 мая 1934 г. в городском театре, прибыли председатель Запсибкрайисполкома Ф.П. Грядинский, руководитель Сибистпарта и заведующий Сибархивом В.Д. Вегман, заведующий сектором вузов Наркомата просвещения РСФСР Орлов, который зачитал приветственное обращение наркома просвещения А.С. Бубнова к профессорам и студентам. Наиболее заслуженные профессора ТГУ – М.Д. Рузский, Ф.Э. Молин, В.Д. Кузнецов, впервые в истории Западной Сибири, были удостоены звания заслуженных деятелей науки. Некоторым преподавателям были вручены почетные грамоты и премии Запсибкрайисполкома, объявлена благодарность ректора «за хорошую работу» и выданы денежные премии². А кроме того, университету были подарены два грузовика и легковой автомобиль.

Модель юбилейных торжеств, выработанная в Томске в 1920–1930-х гг., была вновь реализована в 1940 г., когда созданный на базе Сибирского технологического института Томский индустриальный институт отмечал 40-летие со дня основания. Первым в Сибири Томский индустриальный институт был награжден орденом Трудового Красного знамени, высоких правительственных наград были удостоены профессора И.Н. Бутаков, М.И. Коровин, А.В. Лаврский, К.Н. Шмаргунов (ордена Трудового Красного

¹ Цит. по: Славься, университет! Иллюстрированные страницы истории ТГУ / сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С.72.

² Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. С.309; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы): сб. документов / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пашенко. Новосибирск: Сова, 2004. С.31–32.

Знамени), А.В. Верховский, А.Т. Логвинов, Б.В. Тронов (ордена «Знак Почета»). (Грамоты Президиума Верховного Совета СССР о награждении и приветственные телеграммы сохранились в Музее истории ТПУ и Государственном архиве Томской области.) Программа празднования включала торжественное заседание, прошедшее 8 ноября 1940 г. в городском театре, а также научно-техническую конференцию, работавшую 8-10 ноября¹.

Наряду с вузовскими коллективами социальной опорой Советской власти было учительство и работники культуры, которые должны были выступать «главным проводником коммунистических идей в рабочие и крестьянские массы»². С целью усиления влияния на работников просвещения и культуры в советской России были установлены ежегодные праздничные дни и недели: День печати (5 мая), День всеобщего обучения трудящихся (Всеобуч) (23 мая), День школы (1 октября), День книги (8 июня, позже – 2 и 29 августа). Кроме того, в 1920-х гг. дополнительно проводились временные праздники: День книжного базара (26 мая), Ночь книги (28 мая), Международный день Всеобуча (8 августа).

В лозунговых материалах, обращенных к участникам праздничных мероприятий, отражены знаковые фигуры эпохи: «Да здравствует книга, орудие борьбы с темнотой и невежеством!», «Да здравствует печатное слово – факел к царству коммунизма!»³.

Подготовка и проведение праздничных мероприятий среди учителей и работников культуры осуществлялись в форме собраний, субботников, экскурсий, а также в виде конкурсов на лучшего учителя, на лучшего рабкора. В 1930-х гг. такие конкурсы приобретают региональный и всесоюзный масштабы: конкурс учителей-отличников, рабкоров-

¹ Томский политехнический университет: история в иллюстрациях6 фотоальбом / сост. С.И. Никифоров. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2016. С.163-165.

² Ежедневник Народного комиссариата просвещения. М., 1923. 23 июня.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1923. 5 мая; 1924. 8 мая; 1925. 5 сент.; 1935. 1 сент.; В помощь вожатому. М., 1928. 13 мая.

передовиков, Урало-Кузбасские соревнования печати¹. Практиковались краевые слеты отличников просвещения Западной Сибири, в центральной и региональной периодике публиковались фамилии передовиков просвещения, им посвящались статьи и персональные интервью.

В изучаемый в диссертации период организовывались и проводились праздники, рассчитанные на привлечение широкого круга работников культуры и просвещения, имеются в виду 100-летний юбилей восстания декабристов и два юбилея А.С. Пушкина: 90-летие и 100-летие со дня его смерти были превращены в общесоюзные праздники. В подготовке этих празднеств особо акцентировался революционный компонент, и «благородный творческий путь гениального соотечественника» связывался с судьбами с революционерами-декабристами, особо подчеркивалось пребывание А.С. Пушкина в ссылках за «вольномудство против царских приспешников»².

Хочется особенно подчеркнуть, что пушкинские праздники в советской России проводились на стыке традиций и новаций, так как основа этих праздников была заложена в императорской России. Так, в Томске 50-летие со дня гибели Пушкина было отмечено в 1887 г. В дни столетия поэта, в мае 1899 г., в Томске состоялось открытие Пушкинского сквера около здания Бесплатной народной библиотеки, прошли многочисленные литературно-музыкальные вечера, в начальных и средних школах были организованы пушкинские чтения, школьники участвовали в празднике древонасаждения в Пушкинском сквере, а затем направились в Лагерный сад, где для них были устроены угощения, игры и музыка³. В мае 1899 г. состоялись публичные торжества в Барнауле по случаю 100-летия со дня рождения Пушкина. По

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1923. 7 апр.; 1924. 17 апр.; 1929. 25 апр.; 1936. 28 марта; Газетчик: пособие для журналистов. Новосибирск, 1927. №4; 1928. №5.

² ГАРФ. Ф. А-305. Оп. 1. Д. 1. Л.13–15; Ф. 6126. Ф. 1. Д.1. Оп.2. Л.4; Пушкинский календарь. К столетию со дня гибели А.С. Пушкина. 1837–1937. М., 1937. С. 3–5.

³ Никиенко И.В., Денисов В.Н., Яковенко А.В. Пушкинские юбилеи и памятные даты в Томске: хроника событий 1887-1949 // Пушкинский Томск: краеведческо-библиографический сб. / отв. ред. О.Г.Никиенко. Томск, 1999. С.87-95.

решению городской думы улица Иркутская была переименована в Пушкинскую¹.

Продолжая традиции чествования поэта, в 1927 г. в западно-сибирских городах отмечали 90-летие со дня смерти А.С. Пушкина: в Томске, Омске, Барнауле, Тюмени демонстрировались кинокартины, снятые по произведениям Пушкина, проводились народные гуляния².

С необычайным размахом отмечалось в СССР 100-летие со дня смерти Пушкина. Еще за два года до этого события был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет, задачами которого ставилась подготовка к столетию со дня смерти А. С. Пушкина. Силами Пушкинского комитета была разработана программа чествования памяти поэта, которую утвердил Совнарком СССР. Намечались многочисленные выставки, концерты, переиздания его произведений, установка памятников, переименования и наименования улиц, городов, библиотек, театров и др. К реализации программы деятельно приступили в городах Западной Сибири. В Томске в 1937 г. именем Пушкина была названа женская средняя школа № 1 и Центральная городская библиотека³. В городе Рубцовске в ноябре 1937 года был создан оркестр имени А.С. Пушкина. В Омске в день памяти поэта после торжественного заседания в Омском драматическом театре состоялась закладка памятника «светочу русской поэзии». Местом для него была выбрана площадка бывшей Ильинской церкви у сквера вдоль реки Оми, названного Пушкинским. На митинге по случаю закладки памятника выступили учитель Луговников, работница завода имени Куйбышева Ноздрякова, художник Суслов, председатель городского пушкинского комитета Балувев. К каменной глыбе на месте будущего памятника была прикреплена табличка: «10 февраля 1937 г. здесь заложен памятник великому

¹ Гришин В.Ф., Ивонин А.Р., В.П. Кладова и др. Барнаул. Летопись города. Барнаул, 1994. Ч.1. С.101.

² О рабочих гуляниях в Пушкинском саду // Томский зритель. Томск, 1927. 22 апр. С. 6.

³ ГАТО. Ф. Р-430. Оп.1. Д.688. Л.84; Памяти великого поэта // Красное знамя. Томск, 1937. 9 февр.

русскому поэту А.С. Пушкину. 1799-1837»¹. (Однако, эскиз памятника не был утвержден, а в апреле 1957 г. на этом месте был открыт памятник В.И. Ленину.)

Торжества столетия со дня гибели Пушкина превратились в большой литературный праздник. В школах Томска в январе-феврале 1937 г. прошли конкурсы на лучший концерт, лучшую стенгазету, лучший рисунок, посвященный поэту. По свидетельству Г.В. Лыбиной, в томских школах готовились к конкурсам. Она вспоминала: «Мне кажется, нет таких стихов у Пушкина, которых бы я не знала. Был конкурс. Я читала поэму «Братья-разбойники»... Кроме того, я написала стихотворение, посвященное Пушкину, за что была награждена 100 рублями и книгой Горького «Мать». Книга была большая, в красивом переплете...».² Победителю пушкинских конкурсов в Томске, средней школе №1, решением Томского горсовета, было присвоено имя А.С. Пушкина³. В Томском индустриальном институте в январе 1937 г. были проведены пушкинские вечера в студенческих общежитиях. Под руководством артиста Томского городского театра Якуши была поставлены сцены из оперы «Борис Годунов», организован бал-маскарад по пушкинским произведениям, подобрана выставка книг А.С. Пушкина. Книжная выставка, оформленная участниками самодеятельного изобразительного кружка, была устроена в Томском педагогическом институте. Самодеятельные художники, студенты ТЭМИИТ (института инженеров транспорта), обратились к пушкинской тематике: студенты Бахтияров и Шаманин написали портреты поэта, Конвальская изобразила «Медный всадник», Качан подготовил иллюстрации к произведению «Борис Годунов». В клубе Томской швейной фабрики прошел пушкинский вечер: силами фабричного драмкружка был поставлен спектакль «Цыган», участники хорового кружка исполнили отрывки из опер «Евгений Онегин» и

¹ Омская правда. Омск, 1937. 11, 12 февраля; 12 июня.

² Диктор радио: из воспоминаний Галины Васильевны Лыбиной // Томские женщины. XX век: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2003. С.183.

³ Никиенко О.Г. Имя поэта в городской топонимике и названиях учреждений // Пушкинский Томск: краеведческо-библиографический сб. Томск, 1999. С.45.

«Русалка». В день памяти поэта, 10 февраля 1937 г., в Томском драмтеатре состоялось заседание городского Пушкинского комитета. Перед участниками торжеств выступили В.Д. Ахrameева и В.Н. Наумова-Широких с докладами о Пушкине, состоялся спектакль по произведениям Пушкина «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери» в постановке режиссера В. Королевича¹.

Парадоксально, но в тяжелейшие 1930-е гг., когда вся страна была охвачена репрессиями, когда в городах Сибири размещались тысячи сосланных и репрессированных, праздничное настроение не покидало горожан. Г.И. Телегина, сотрудница проектного института «Сибстройпуть» в Новосибирске, вспоминала позже о событиях тридцатых, как о времени страшном, но одновременно «бурном и веселом». Окружавшие ее горожане и она сама рассуждали так: «Всех-то не заберут!», – ходили на концерты Леонида Утесова, увлекались Эдди Рознером. Муж Галины Телегиной, Борис Алексеев, также работавший в проектном институте, покупал в Торгсине пластинки с джазовой музыкой, в исполнении европейских и американских оркестров. А мать мемуаристки, жившая в то время в Томске, со слезами на глазах слушала граммофонные записи Утесова, особенно «одесские песенки» – «Гоп со смыком», «У самовара я и моя Маша», «Маркиза»².

Таким образом, праздник служил инструментом социализации, активно использовался в «перекройке» социального пространства города, в формировании и укреплении «нужных» советскому государству социально-профессиональных субкультур. При этом происходило управляемое взаимопроникновение праздничного и трудового пространства, поощрительная политика в отношении передовиков вела к расслоению в среде рабочих и специалистов, а демонстративно публичные и праздничные формы, в которых она воплощалась, увеличивали социально-культурную напряженность в обществе.

¹ Никиенко И.В., Денисов В.Н., Яковенко А.В. Пушкинские юбилеи и памятные дни в Томске: хроника событий 1887-1949 // // Пушкинский Томск: краеведческо-библиографический сб. / отв. ред. О.Г.Никиенко. Томск, 1999. С.97-100.

² Телегина Г.И. Прожитое и пережитое. Книга воспоминаний. Томск: Этноформула, 2014. С.163-164.

2.3. Поколенческие и гендерные праздники

На смену праздникам дореволюционного периода, базовую основу которых формировали народно-церковные, общественные и государственные события, в 1920-х гг. пришли массовые торжества представителей социальных слоев и групп городского населения, объединенных по признакам возраста и пола. С опорой на имеющиеся источники и материалам в диссертации выделены праздничные мероприятия, среди участников которых преобладали дети, подростки, молодежь и женщины. Прежде всего это массовые праздничные шествия, различные собрания, спортивные и массовые игры. Нужно сказать, что по форме и способам проведения эти мероприятия являются продолжением торжественных шествий, физкультурных праздников, студенческих и женских демонстраций, зародившихся в крупных городах в 1900-х гг. и получивших наиболее яркое проявление в период Революции и Гражданской войны 1917–1919 гг.

В пореволюционный период изменилась институциональная основа организации и проведения поколенческих и гендерных мероприятий. На смену Лиги равноправия женщин, Союза социалистической молодежи, скаутской организации в западносибирские города пришел Ленинский комсомол (РЛКСМ, затем ВЛКСМ). Его организационная структура дублировала отношения Коммунистической партии с другими органами и организациями страны, превращая молодежную организацию в адаптированную модель партийно-советского аппарата. Под контролем ВЛКСМ находились три звена: октябрята (дети от 7 до 9 лет), пионеры (с 9 до 14 лет) и сами комсомольцы (15–23 года)¹. При этом переход из одного звена в другое происходил в торжественной обстановке и в особо почитаемые даты – 7 ноября и 22 апреля, в день рождения В.И. Ленина.

Значимость детско-молодежных и женских когорт для Советского государства подчеркивалась тем, что они были неперенными участниками

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 58. Л. 60.

больших торжеств. На протяжении всего изучаемого периода к важнейшим государственным праздникам (в частности, 1 Мая и Октябрьские торжества) рекомендовалось приурочивать открытие детских яслей, женских и детских консультаций, устройство в магазинах «полки матери и ребенка»¹. Обязательным являлось участие возрастных категорий и в таких мероприятиях, как День Красной армии, День Парижской коммуны, Антивоенный день (намечались экскурсии для детей и подростков на аэродромы, просмотры кинофильмов, посещения антивоенных акций)². Так, в отчете 1-го горрайкома комсомола Томска за 1924 г. сообщалось, что к 10-летию начала Первой мировой войны было подготовлено 16 докладов, устроено 2 спектакля «с охватом массы на 700 человек»³.

В празднование 20-летия Октябрьской революции, 8 ноября 1937 г., в Новосибирске состоялся областной слет подростков-стахановцев, участники слета обратились к работающим подросткам активнее участвовать в движении ударников и стахановцев⁴. В 1938 г. Томская радиостудия организовала концерт оркестра школьников младших классов города Томска, посвященный годовщине Октябрьской революции. Эта передача транслировалась через областную радиовещательную станцию, и ее могли слышать в городах Новосибирской области и Алтайского края⁵.

Участие в праздниках детей до 14 лет заключалось в пребывании рядом с основной массой и «мягком» их приобщении к общему действию. Они еще не принимали участие в демонстрациях совместно с коллективами предприятий. Им отводилось место зрителей по пути шествия колонн, затем, после демонстрации, дети катались на трамваях и празднично украшенных автомобилях грузового типа. В свою очередь, представители юношества,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 110. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 777. Л. 136; ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 211. Л. 6–12, 32; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1920. 30 мая; 1930. 6 марта.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 56. Л. 47, 64–67, 77; ЦДНИ ТО. Ф.3. Оп.1. Д. 338. Л. 55–59, 77, 100–112, 214–216.

³ Переключка поколений / сост. А.П. Акаченко, М.И. Чугунов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. С.37.

⁴ Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С.183.

⁵ Красное знамя. Томск, 1938. 12 нояб.

входящие в состав пионерских отрядов, были участниками шествия, и становились примером для подражания сверстников¹. Вовлечение детей и подростков в подготовку праздничных торжеств становилось все более обязательным. К ним приурочивались выставки детского рисунка, выступления участников детской художественной самодеятельности, которые организаторы рассматривали, как идейную преемственность поколений (Приложение К). Подростков вовлекали в праздники, пронизанные антирелигиозной пропагандой. Так, в Первомайской демонстрации в Томске в 1929 г. участвовали колонны школьников, которые несли плакаты с призывами «Долой пасху. Долой воскресение»².

Наряду с участием в общегосударственных праздничных мероприятиях дети с большим интересом и пользой участвовали в детских праздниках. В летнее время проводился День ребенка. Это праздничное событие не имело конкретной даты, но в один из летних дней раздавался призыв к детям готовиться к своему празднику – разучивать рекомендованные методическими пособиями стихи, песни, сказки, игры³. Местом проведения праздника становились парковые рощи, детские площадки. В Омском историческом архиве сохранились фотоматериалы о проведении 27 июня 1920 г. Дня ребенка в Омске под лозунгом «Да здравствует общественное воспитание!». Были устроены гуляния в городских садах, большие митинги, выступления на которых подчинялись единой теме «Положение детей в буржуазном обществе и положение в коммунистическом». Для взрослых устанавливалась плата за вход на такой митинг: белье, платье, посуда, игрушки в подарок детям. Играл оркестр, отдыхающие катались на лодках, смотрели футбольные матчи.

Как видно по имеющимся материалам, детские праздничные мероприятия, включали проведение массовых демонстраций с лозунгами и плакатами, приобщавших участников к общегосударственным торжествам. И

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 7.

² Красное знамя. Томск, 1929. 4 мая.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1920. 17 июня; 1921. 3 июля.

все же допускались элементами игры и детских забав. Как своеобразную игру, можно рассматривать происходившее в Новониколаевске в июне 1923 г.: по Красному проспекту прошли колонны около 1500 детей, впереди шел верблюд, запряженный в тележку с транспарантами и лозунгами¹. По замыслу организаторов шествия верблюд олицетворял силу и выносливость в достижении цели, а детей это выносливое животное несомненно веселил и развлекал.

Популярностью среди детей пользовался День птиц, проводившийся для учащихся школ 1-й ступени, то есть для младших классов. Основной целью мероприятия являлась самостоятельная подготовка скворечников, размещение их во всех городских садах и пригородных рощах, охрана свитых птицами гнезд. Масштабы участников этого праздника росли. Так, в Новосибирске в 1929 г. демонстрация в День птиц привлекла 5 тыс. детей, в 1930 г. – 7 тыс.² Сочетая элементы традиций и новаций, детские праздники обязательно включали русские народные игры – пятнашки, кошки-мышки, «а мы просо сеяли», чехарду, хороводы³.

Праздничными событиями для омских детей стало открытие Дома пионеров 15 марта 1936 г. На открытие пригласили более 200 отличников учебы, которые пришли в восторг, увидев, что в вестибюле на мягкой ковровой дорожке «юных хозяев» ждали подарки завода «Сибсельмаш» – 15 pedalных автомобилей, патефоны, радио, мебель, оборудование кабинетов⁴. Таким же праздником для детей г. Сталинска стало открытие Детского дома культуры, в котором были организованы театральный, балетный, кукольный кружки, радиокружок, несколько музыкальных кружков - джаз-оркестр, шумовой, духовой, баянистов, скрипичный, фортепианный, хоровой. Работали спортивно-физкультурные кружки – физкультурный, шахматный,

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1923. 12 июня.

² Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 2, 3 апр.; 1930. 2 апр.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1922. 3 авг.; 1935. 30 авг.; Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1937. 15 авг.

⁴ ИАОО. Ф. П-528. Оп. 3. Д. 2. Л.4–7.

авиамодельный, а также кружок занимательной химии, фотокружок, юннатов. Всего в кружках занималось почти 1300 детей.

В середине 1930-х гг., после длительных запретов, было официально разрешено празднование Нового года. Материалистическое отрицание Деда Мороза пережило неожиданное перерождение, был создан новый образ «по принципу социальной справедливости», согласно которому Дед Мороз придет в дом к каждому ребенку, чего не было в «темный царский период». Советский Дед Мороз был одет в революционно красный костюм и подпоясан традиционным русским кушаком, обут в красные сапоги или традиционные валенки. Детские новогодние праздники включали призывы к Деду Морозу пройти с детьми в ритуальном хороводе вокруг елки, а затем раздать подарки из мешка – «всем поровну, один подарок в одни руки»¹. В Томске новогодние елки для детей устраивались в цирке, в городских клубах, на катках. На новогодних утренниках дети одевались в маскарадные костюмы, читали стихи, водили хороводы, то есть возрождалась традиция народных праздников. В городском цирке устраивались новогодние представления для детей с участием Деда Мороза². В Гурьевске 1 января 1936 г. дети впервые увидели новогоднюю елку, разукрашенную игрушками. В большую комнату, где была поставлена елка, принесли патефон, и дети пели и плясали под музыку. В конце вечера, как сообщалось в сталинской газете, дети «веселые и счастливые шли домой с кулками конфет»³.

Характерно, что наряду с такими интересными и значимыми формами вовлечения детей в праздничные мероприятия силами пионерских и комсомольских организаторов, детская аудитория становится экспериментальным полем интенсивной коммунистической пропаганды. На протяжении двух исследуемых десятилетий приоритетными становятся те мероприятия, в которых дети выступают «глашатаями» новой идеологии

¹ Ленинские внучата. Омск, 1937. 3 янв.

² Красное знамя. Томск, 1936. 3 янв.

³ Большевицкая сталь. Сталинск, 1936. 10 янв.

через постановки сказок, спортивно-гимнастические номера с использованием социалистической символики.

Ударной когортой новых социалистических праздников выступала молодежь, консолидированная в комсомольские организации. Согласно данным статистики, к концу 1920-х гг. среди 105 тыс. сибирских комсомольцев насчитывалось юношей – 71,8 %, девушек – 28,2 %, в 1930 г. удельный вес девушек подрос до 29,7 %¹. Такое гендерное соотношение отражало характер социального развития сибирского общества и оказывало влияние на праздничные технологии, которые получили в современной литературе определение «управляемый» праздник. Институциональной праздничной основой социально-культурной инфраструктуры Западной Сибири, становится комсомол (с момента основания в 1922 году - Российский ленинский коммунистический союз молодежи (РЛКСМ); с 1926 г. – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ). ЦК ВЛКСМ и местные сибирские комитеты комсомола осуществляли идеологическое воспитание молодежи, оказывали содействие в организации всех профессиональных и половозрастных праздничных мероприятий.

В праздничный календарь двух пореволюционных десятилетий был включен День комсомола, установленный в честь 1-го Всероссийского съезда Союза рабочей и крестьянской молодежи 29 октября 1918 г. В календаре советской молодежи значился Международный юношеский день, который был установлен Бернской международной социалистической конференцией молодежи в 1915 г. и отмечался как праздник прогрессивной молодежи. В России это событие впервые отмечалось в 1922 г., и вплоть до 1931 г. празднования проходили в первое воскресенье сентября, далее, вплоть до 1945 г., – 1 сентября². Так, в 1922 г. Международный юношеский день

¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Л. 5–9; Ф. Р-3. Оп. 2. Л. 10–14; Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 21 нояб.; 1930. 20 июня, 7 сент.

² Юный алтаец. Барнаул, 1920. № 1; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. 17 авг.; 15-й МЮД. Омск, 1929. 1 сент.; Пионерская правда. М., 1925. № 7; Большевик Кузбасса. Кузнецк, 1931. 29 авг.

праздновался в Тюмени 3 сентября, главным лозунгом было вовлечение молодежи в восстановление городского хозяйства и культуры¹.

Праздновались также День красной молодежи (7 декабря), Неделя красной молодежи (26 декабря – 1 января), День Коммунистического интернационала молодежи (КИМ, 9 ноября).

Составной частью юношеской консолидации выступали лозунговые технологии, становилась приоритетной установка на вовлечение молодежи в государственные праздничные инициации, «в общеполитическое торжество на основе лозунгов партии»². Лозунги как средство социальной мобилизации были призваны формировать в сознании молодежи картину нового миропорядка, приобщать к революционным традициям, воспитывать «борцов за дело Ленина». Сложился корпус лозунгов, сочетавших внутренние цели и ориентиры с борьбой за интересы и нужды молодежи в мировом масштабе, в контексте «смотрa боевых сил мирового комсомола»³. В 1930-х гг. апелляция к комсомольцам была связана прежде всего с призывом к участию в решении эпохальных общегосударственных задач – индустриализации, коллективизации и культурных преобразованиях.

В начале 1920-х гг. среди праздничных мероприятий молодежи доминировали обсуждения, диспуты, беседы. Политпрос рекомендовал в качестве приоритетных антицерковные темы в связи с тем, что в советской России разворачивалась кампания замещения православной Пасхи близким по времени праздником 1 Мая. Учитывая политическую значимость темы, на обсуждение выносились вопросы, подразумевающие многовариантность ответов: «Нужна ли нам Пасха?», «Кто празднует Пасху?», «Что такое Первомай?». В середине 1920-х гг. темы обсуждений приобретают оттенок «направленного характера» и дополняются утверждениями – «Какой вред бывает от целования икон?», «Причащение приносит заразу», «Нужно ли

¹ Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск: Сред.-Урал. Кн. изд-во, 1986. С.163.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп.10. Д. 78. Л.2.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1925. 18 авг.; 1930. 7 сент.

церковь на Пасху». К концу 1920 гг. сама постановка вопроса уже носит характер методической рекомендации: «Как пионеры и комсомольцы готовятся к 1 Мая», «Как надо готовиться к 1 Мая в школе»¹.

В 1930-х гг. на первый план вышла тематика индустриализации, героизма Гражданской войны. Беседы имеют характер просвещения и определения ценностных ориентиров: «Быть борцами за дело Ленина!», «9 января 1905 года», «Рыцари революции», «Три героя», «Женщины – героини Западной Сибири», «Подвиг Дуси Ковальчук»².

Наряду с беседами и диспутами устраивались молодежно-комсомольские демонстрации, зачастую в виде факельных шествий, где факел служил символом «живой энергии» революции и труда³. Со временем факельные шествия ушли из праздничных мероприятий и факелы использовались лишь в спортивных мероприятиях, в которых идея сверхнапряженного события сохраняла свою актуальность. При этом состязательные физкультурные мероприятия способствовали усвоению новых ценностных ориентиров, связанных с укреплением духа, воспитанием качеств бойца.

Для юношеских и молодежных праздников примером служили формы проведения государственных торжеств: митинги, манифестации, собрания, театральные и концертные постановки, кинематографические показы. Важными элементами молодежных праздничных торжеств было пение «Интернационала» в начале и в конце мероприятия, прием в члены РКСМ / ВЛКСМ. Так, число принятых в комсомол за Неделю красной молодежи в Новониколаевске / Новосибирске в 1920 г. равнялось 450 чел., в 1925 г. – 1500, в 1935 г. – 5250, в 1940 г. – 7300 чел.⁴

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921. 10 апр.; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 160-162, 204, 215; Д.41. Л.20-21б.

² Юный коммунист. 1925. 5 марта; Солдатов Г. От наскоков перейдем к постоянной помощи пионердвижению // Сибирский комсомолец. Новосибирск, 1929. Октябрь. С. 24; Юный ленинец. Новосибирск, 1934. 7 нояб.; 1935. 6 июля; 1936. 27 июля.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 110. Л. 3-23; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1920. 31 авг.

⁴ Советская Сибирь. Новониколаевск, 19 дек.; 1925. 2 янв.; Молодой большевик. Омск, 1925. 8 дек.; 1935. 10 нояб.; 1940. 29 дек.; Сибирский комсомолец. Новосибирск, 1930. № 1.

Юношеские праздники организовывались в виде агитсудов, были популярны «живые картины» (доставшиеся советской молодежи из дореволюционных времен), позже – вечера трех поколений. По отчету руководства 1-го томского горрайкома комсомола, видно, что 29 октября 1924 г., в 6-ю годовщину комсомола, в 1-м районе в Томске было проведено 34 собрания, общее районное собрание с участием 1500 человек и просмотром кинокартины, устроено 16 спектаклей, «по всем ячейкам выпущены стенгазеты»¹. В октябре 1933 г. в Томске отпраздновали 15-ю годовщину создания комсомола. Центром праздника стало только что построенное здание цирка на площади Ленина. В зал, украшенный лозунгами, портретами и бюстами Ленина и Сталина, для участия в торжественном заседании под звуки оркестра вошли «три поколения»: представители старой гвардии коммунистов, комсомольцы и юные пионеры².

Сохранилась фотография проведения Международного юношеского дня в Гурьевске в конце 1930-х гг. Молодые парни, девушки, подростки забрались в кузов грузовика и, видимо, приготовились к движению. В руках у них транспаранты с лозунгами «Спасибо любимому Сталину за счастливое детство!», «Да здравствует 23-й Международный юношеский день!»³.

Некоторые праздники были ориентированы на армейскую молодежь, например, в День красной казармы проходило знакомство юношества с армейской жизнью, организовывались праздничные воскресники. В этом ряду находилась и годовщина 4-й Пермской дивизии (дислоцированной в сибирских городах), совпадавшая по времени проведения с Международным юношеским днем⁴. В Томске праздники красноармейской молодежи проходили в клубах 25-й пехотной школы, 21-й артиллерийской школы, дивизионной школы, в окружном военном клубе⁵.

¹ Перекличка поколений / сост. А.П. Акаченко, М.И. Чугунов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. С.37.

² Красное знамя. Томск, 1933. 1 нояб.

³ Гурьевск: страницы истории / отв. ред. В.А. Просеков. Кемерово, 2008. С.110.

⁴ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1920. 17 дек.; 1921. 15 янв.; 1922. 10 сент.; Красная сибирячка. Новосибирск, 1937. № 9.

⁵ ГАТО. Ф.Р-430. Оп.1. Д.32. Л.30.

Как видно, молодежные праздники практически утратили свою праздничность, недаром в 1926 г. в томской газете «Красное знамя» было опубликовано письмо наркома здравоохранения Н.А. Семашко. Он писал: «Мы еще бедны. Еще трудна наша жизнь. Мы еще только начали социалистическое строительство, но как только мы оправимся, то сейчас же подумаем о жизнерадостности нашей обстановки, о веселье, о смехе». И далее, противопоставляя по традиции «их» и «нас», провозглашал: «...Социализм – это радость, свет, солнце, а капитализм – смрад, слезы, печаль»¹.

Понемногу в молодежные праздники, особенно студенческие, стали возвращаться элементы отдыха, развлечений. По воспоминаниям студентки Томского государственного университета В.Е. Аверичевой, в новом университетском общежитии на ул. Никитина, 4, построенном в 1934 г., были организованы не только красный уголок, который использовали для самостоятельной работы, но и большая столовая. В ней «организовывались праздничные торжества и даже танцы, которые в то время только-только начали возрождаться»². По свидетельству В.Н. Суловой, поступившей в Томский государственный университет в 1939 г., праздничные студенческие вечера устраивались в читальном зале Научной библиотеки ТГУ. Из зала выносили столы, расставляли рядами стулья, и на импровизированной сцене танцевала тарантеллу Соня Клусова, читал стихи Владимир Казачков. После концерта были танцы под духовой оркестр, часто пели коллективно «Катюшу». «Дан приказ ему на Запад»³.

В молодежных праздниках немалая роль отводилась игровым элементам, юмору и сатире. В особенности это касалось антирелигиозной составляющей праздничного действия (Приложение Л). В январе 1923 г. в Томске было проведено комсомольское «рождество». Открылось оно

¹ Красное знамя. Томск, 1926. 17 апр.

² Аверичева В.Е. Учеба и быт студентов ТГУ в 30-х гг. // Физики о физике и физиках. Томск, 1998. С.152.

³ Сулова В.Н. Учеба, прерванная войной // Физики о физике и физиках. Томск, 1998. С.161.

карнавальным шествием, по улицам города по направлению к пл. Ленина прошли молодые люди, одетые в костюмы «попов», «паства» их несла склеенную из бумаги церковь, которую сожгли под смех и шуточные куплеты. Участники праздника пели и веселились в клубах и городском театре. Запомнились стихи, опубликованные в местной газете «Красное знамя»:

Все церкви опустели,
 Попы опали в теле,
 Потели и кряхтели –
 Бесталанные.
 Сманили их мальчишки,
 Ни дна им, ни покрышки,
 Крестя сманить на книжки –
 Окаянные.

Ряженные и куплеты сопровождались лозунгами и плакатами с боевыми, задорными призывами: «Молодежь, стой! За кого» За дурман религии или за науку? За церковь, попов или за школы и клубы? Комсомол шел на штурм твердынь капитала, ныне он штурмует небо!»¹.

В 1922 г. в Омске в ходе антирождественской кампании провели ночное факельное шествие: молодежь и рабочие, имевший производственный стаж, с зажженными факелами под специально сочиненный антирелигиозный марш двинулись к центральной площади, где провели митинг. Праздник продолжали до утра с шутками и весельем².

Очень популярны были спортивные праздники и выступления. Часто они приурочивались к общегосударственным праздникам, но часто имели и самостоятельный характер. В Томске, например, регулярно устраивались общегородские физкультурные праздники. 28 августа 1927 г. в Томске был организован Первый водный праздник. В сопровождении духового оркестра

¹ Томская область: исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С.341.

² ГАНО. Ф.П-22. Оп. 1. Д. 48. Л.127; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. 22, 24 дек.

участники праздника разместились на лодках и отправились на томскую Кумину протоку. Там были организованы состязания по гребле, и, по свидетельству местной газеты «Красное знамя», молодежь веселилась до темноты, обратно возвращались при свете факелов¹.

К 11-й годовщине РККА по инициативе центрального совета ОСОАВИАХИМ и редакции журнала «Красное студенчество» был объявлен конкурс на лучший стрелковый кружок советских вузовцев. В ответ на эту инициативу в первых числах марта 1929 г. в тире Томского государственного университета были проведены тренировки, а затем конкурсная стрельба из винтовок. В соревнованиях приняли участие свыше 60 студентов медицинского и физико-математического факультетов².

Большой праздник физкультуры был устроен в Томске в 1932 г., в Международный юношеский день. Соревнования спортивных команд на стадионе «Динамо» завершились танцами и играми под музыку. Физкультурные праздники служили для пропаганды физкультурного движения, здорового образа жизни молодежи. С этими целями 6 июня 1935 г. Томский городской совет физкультуры организовал парад спортсменов, в котором приняли участие представители спортивного общества «Динамо», профсоюзов, военного ведомства, отдела народного образования. Участники парада под звуки оркестра прошли по центральным улицам Томска и выстроились у праздничной трибуны на площади Революции, где состоялся торжественный митинг. Затем спортсмены отправились на Потаповы лужки, на открытие летнего парка культуры и отдыха. Там прошли спортивные состязания, устраивались игры, танцы³.

В 1934 г. состоялся физкультурный парад в Барнауле, приуроченный к 15-й годовщине Коммунистического интернационала молодежи (КИМ). Колонна физкультурников двигалась по городским улицам с плакатами

¹ Красное знамя. Томск, 1927. 29 авг.

² ГАТО. Ф.Р-815. Оп.1. Д.480. Л. 21-23.

³ Соловьев П.В. Физическая культура и спорт в социокультурном развитии сибирского города Томска (1920-1941 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2007. С.110-111.

«КИМ–ХV», впереди колонны шел автомобиль с портретом В.И. Ленина и большой буквой «Д», что означало название стадиона «Динамо», к которому направлялось шествие¹. (Стадион был организован в 1927 г. на месте спортплощадки для работников торговли, построенной в 1923 г.) На стадионе прошли соревнования легкоатлетов, гимнастов, велосипедистов. А по улицам и по площади Свободы были организованы общегородские забеги, массовые выступления женских команд, выражавших «единство движения и достижения» (Приложение М).

Осознание роли физкультуры и спорта в жизни советской молодежи способствовало появлению особого физкультурного праздника. В 1939 г. вышло Постановление Совета народных комиссаров СССР «О дне физкультурника». В Постановлении говорилось: «Утвердить предложение ЦК ВЛКСМ и Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР об установлении единого Дня физкультурника 18 июля»².

Самой характерной чертой праздничной культуры советской России в целом и Западной Сибири в частности является все возрастающее участие в ней женщин. Конечно, формирование женского сегмента западносибирских праздников отражает глубокие перемены в социальном положении женщин, происшедшие после Революции 1917 г., широкий доступ к профессиональному образованию, возможности участия в партийных структурах, административном управлении, в реализации женского труда на производстве, в сферах образования и культуры. Согласно первой советской Конституции 1918 г., женщины получили равные с мужчинами политические права³. Конституция 1936 г. содержала следующее важное положение: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-

1. ¹ Фото «Физкультурный парад в Барнауле в 1934 г.» // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 16.10.2017.

² Постановление СНК СССР «О дне физкультурника» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик. М., 1939. №39. С.580.

³ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. С.23.

политической жизни. Возможности осуществления этих прав женщин обеспечиваются предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов»¹.

Советское и партийное руководство придавало большое значение вовлечению женщин в социально-политическое движение, этому вопросу уделялось особое внимание на съездах РКП(б) 1920-х гг. В резолюции XI съезда партии, состоявшегося в 1922 г., говорилось: «В условиях переходного времени значение политического влияния на широкие массы работниц и крестьянок не только не ослабевает, а приобретает особую важность»². В решениях XII съезда РКП (б) особо подчеркивалась задача «распространения влияния партии на широкие слои работниц и крестьянок путем политического и культурного воспитания их; вовлечение работниц и крестьянок в партийное, профессиональное, кооперативное и советское строительство...»³. В отдельной резолюции XII съезда «О работе РКСМ» отмечалось, что «подрастающая женская пролетарская и крестьянская молодежь недостаточно втягивается в РКСМ, съезд ставит перед РКСМ задачу – усилить работу среди женской пролетарско-крестьянской молодежи»⁴.

Поставленные партийными съездами задачи усиления работы среди женщин потребовали формирования специальных институциональных основ женского движения, прежде всего женотделов в комитетах РКП / ВКП(б)

¹ Конституция Союза ССР и Конституция Советских Социалистических Республик. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С.22.

² Одиннадцатый съезд РКП (б): резолюция «По вопросу о работе среди работниц и крестьянок» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1983. Т. 2. С. 528.

³ Двенадцатый съезд РКП (б): резолюция «О работе РКП среди работниц и крестьянок»; резолюция «О работе РКСМ» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 125.

⁴ Двенадцатый съезд РКП (б): резолюция «О работе РКСМ» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 128.

всех уровней. Созданные в 1919 г. на базе Комиссий агитации и пропаганды среди работниц и крестьянок, к 1930 г. женотделы были преобразованы в женсектора отделов агитации и массовых кампаний. А в 1934 г. И.В. Сталин объявил о том, что «женский вопрос» в СССР решен и женотделы были повсеместно закрыты¹. А пока они еще работали, их задачей было «воспитание женщин в духе социализма и привлечение их к хозяйственному строительству и государственному управлению; координация процессом трансформации институтов брака и материнства, изменение бытовых условий». Эти задачи решались и в будни, и в праздники, что подтверждают лозунговые установки праздников: «Работница и крестьянка – члены великой семьи трудящихся. Партия создала социальные органы для этой работы – женотделы». «С появлением женотделов беспартийная работница и крестьянка стали чувствовать себя иначе», «Вся партия должна поддерживать работу женотделов»².

Женский советский праздник – это праздник прежде всего женщины-большевички, делегатки, политически активной участницы общественной жизни. Отвечая на праздничные лозунги и призывы, сибирские женщины участвовали в соревновании, добивались высоких производственных показателей. Так, станочница тюменского завода «Механик, Мурзакеева освоила одновременную работу на трех станках и к празднику 7 Ноября выполнила задания на 200 процентов³.

Главным женским праздником в СССР был день 8 Марта, установленный еще в 1910 г. на Международной конференции социалисток в Копенгагене. В России это праздник отмечался нелегально с 1913 г. Значение женского праздника в СССР подчеркивалось включением его в систему пропаганды идеологических ценностей в течение всего года, но особенно ярко «женский вопрос» звучал в течение марта, увеличивая период торжеств.

¹ Томская работница. Томск, 1920. № 1; Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 10 марта; 1934. 9 марта; Омская правда. Омск, 1934. 9 марта.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1262. Л. 8–16; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1923. 23 нояб.

³ Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. С.194.

Подготовительный этап торжества охватывал размещение в периодической печати стихотворений, посвященных новой роли женщин в советской России:

Женщины фабрик, полей и заводов,
Сестры родные, рабыни нужды,
Дружно сплотились для общего дела,
Тесно сомкнемся для битвы в ряды...¹

Праздничная кампания женских торжеств в городах предусматривала массовые мероприятия, включавшие цирковые, театральные и кинематографические представления, клубные торжества. Женская масса была самоорганизующейся частью праздника. Подобно общегосударственным праздникам в женский день 8 Марта проводили переименования улиц, наименования артелей и промышленных предприятий. Так, в Томске и Тобольске появились улицы имени немецкой революционерки Розы Люксембург. В 1926 г. улица Симонова в Омске стала называться улицей 8 Марта².

Прокламируя новую роль женщин в советском обществе, организаторы праздников все же акцентировали внимание на женщину-мать, хранительницу семейных ценностей. Поэтому к празднику 8 Марта приурочивалось открытие новых детских садов и площадок, женских и детских консультаций. В 1930 г. по Западной Сибири было открыто 36 детских садов с дополнительными утренними и вечерними детскими комнатами, при этом особое внимание уделено подготовке персонала этих учреждений. В Новосибирске ко дню 8 Марта были открыты детсады при заводе «Труд», в помещениях бывших синагоги и старообрядческой церкви, а также детские игровые площадки и столовая на тысячу человек³.

В рассматриваемый период устраивались праздники, ориентированные на совместную деятельность детей, молодежи и взрослых горожан. Это уже

¹ Красная сибирячка. Новосибирск, 1925. №19; 1933. №4.

² Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1920. 16 мая; 1926. 20 сент.

³ Советская Сибирь. Новосибирск, 1930. 6 марта.

упоминаемый День ребенка, а также День цветка, проводившийся 16 июля, который подразумевал совместные сборы детьми и взрослыми букетов полевых цветов на продажу¹. Думается, что такие совместные праздничные мероприятия имели немалое значение в консолидации общества, в укреплении связей представителей разных поколений.

Особенно показательно для женских праздников было использование народно-церковных традиций и обычаев. Дело в том, что регистрация браков, рождений и смерти, ранее совершавшихся в церквях, стала происходить в государственных органах (ЗАГС). Лишенные праздничных атрибутов важнейшие в жизни горожан события стали будничными, малопривлекательными, вызывали сожаления о прошлом. Но коль скоро возврат к исполнению церковных обрядов не представлялся возможным, традиционные инициации были наполнены новым содержанием. Так, вместо традиционных свадебных обрядов венчания появились «красные» свадьбы», которые отмечались в заводских и шахтерских клубах. В качестве оформления использовались занавесы из красной материи, развешивались лозунги «Да здравствует новый быт», «Да здравствует свадьба без попов», «Красная свадьба – составная часть коммунистического быта»². Так, 1 января 1924 г. в Омске, в клубе имени Лобкова, провели первую «красную свадьбу». Молодоженов усадили на сцене, столом, покрытым красной тканью, сидел «красный поп» – представитель губкома РКСМ. Обряд начался под пение «Интернационала», «поп» провозгласил приветствие «красным супругам» – «товарищам Белославскому и Третьяковой», и напомнил о том старом быте, «который рушится под дружным напором рабочего класса». Затем гости поздравили молодых и вручили подарки – портреты Ленина, Троцкого и книжку «Вопросы быта»³. Другие «красные» свадьбы отличались только тем, что молодоженам подарили облигацию выигрышного займа с пожеланиями

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. 15 июля.

² Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. 13 янв.; 1926. 25 дек; Красная сибирячка. Новосибирск, 1927. № 3; 1939. № 9.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. 13 янв.

выиграть 100 тысяч рублей, а гостям предоставили угощение, и были допущены пляски и пение (Приложение Н).

Точно так же в качестве альтернативы православным крестинам проводились «красные» крестины. Церковное таинство заменили собранием, которые проводили «коммунистический поп» и крестный из представителей комячейки, называемый шефом новорожденного. Событие приобрело характер «обряда посвящения в коммунисты» с выбором имени для новорожденного и молитвой на новый лад: «Мы осеняем тебя не крестом и молитвой, наследием тьмы и рабства, а нашим красным знаменем борьбы и труда. Неси его дальше. Борись и работай под ним!»¹. Согласно христианской традиции имя, данное при крещении, было созвучно с именем покровительствующего святого. На советских крестинах давали имена, созвучные с именами коммунистических деятелей: Вилен, Ленина, Сталина, Ким. Впоследствии «красные крестины» заменяются «октябринами», «звездами», а в 1930-х гг. эти ритуалы исчезают вовсе.

Новая социальная организация жизни сибирских женщин коснулась и ключевых христианских праздников Пасхи и Рождества. Здесь также использовалась технология подмены образов, сопровождаемые жесткой антирелигиозной пропагандой. Участникам праздничных торжеств рекомендовалось вносить в разоблачительные мероприятия много «юмора, здорового, неподдельного веселья, эффекта, краски»². Демонстрации и шествия проходили под красными знаменами, с оркестром, противорождественскими и противопасхальными частушками и лозунгами «Рождество – против Рождества!», «Пасха – не праздник!»³. Так, 1 мая 1929 г. на демонстрации в Томске шли женщины, олицетворявшие «гнет Библии и Корана», покрытые чадрами и покрывалами, с надписями на лбах – «Мы

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1923. 9 окт.

² ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 348. Л. 70; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. 5 дек.

³ Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 9, 10, 12, 13, 19 апр., 8 мая.

рабы». А рядом с ними шествовали женщины, дружинницы РОКК, с с повязками Красного Креста¹.

Развернувшаяся в 1920-х гг. антирелигиозная кампания к числу старорежимных праздников отнесла и Новый год, празднование которого рассматривалось как пережиток прошлого. Были популярны лозунги и призывы: «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов»². Издавались и бесплатно распространялись брошюры, в которых Новый год назывался «наследием мира капитализма»³. Однако, как отмечалось, в середине 1930-х гг. произошло возрождение празднования Нового года, но уже с новым социалистическим наполнением. В Новосибирске вечером 1 января 1936 г. новогодние торжества были проведены в Первомайском сквере, в саду имени Сталина, в саду имени Кирова, в саду имени Петухова, в Заельцовском сквере. В Сталинске и Кемерове во время новогодних праздников был устроен маскарад, а также экскурсии по городу⁴. В Прокопьевске к новогоднему празднику, который отмечался в городском театре, подготовили два художественных панно и выстроили в ряд ледяные фигуры медведей и волков, ледяного слона с вытянутым хоботом⁵. В Омске, Томске, Барнауле, Кемерове, Сталинске новогодний праздник был совмещен с днем ударника, поэтому в клубах и на городских площадях проходили встречи стахановцев и их семей, зажигались елки, устраивались концерты для рабочих и костюмированные вечера. Возродились украшения к новогоднему празднику: традиционные елочные шары изготавливали с революционной символикой, вместо рождественской звезды на елочных верхушках укрепляли красную звезду. Новогодние праздники сочетали в себе элементы семейных празднований и государственных идеологизированных торжеств, не случайно рефреном их стали стихи:

Новый год над мирным краем,

¹ Красное знамя. Томск, 1929. 4 мая.

² ЦДНИ ТО. Ф.3. Оп.1. Д.338. Л.106.

³ Советская Сибирь. Новосибирск, 1929. 25 дек.

⁴ Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 1, 10 янв.; Большевицкая сталь. Сталинск, 1936. 10 янв.

⁵ Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 1 янв.

Бьют часы 12 раз,
Новый год в Кремле встречая,
Сталин думает о нас.

2.4. Праздничные мероприятия национальных меньшинств в городах Западной Сибири

Особое место среди городских праздников послереволюционных десятилетий занимали праздничные мероприятия представителей национальных меньшинств. В силу специфики этой категории горожан требуется определить его место в структуре городского населения Западной Сибири. По данным на 1920 г., 90 % населения в границах Сибирского края было русским, кроме них на сибирских территориях проживали представители более двух десятков этносов и национальностей, из них самыми крупными по численности были татары, украинцы, евреи, немцы, белорусы. Названные этнические группы населения были представлены в городах¹. Официальная позиция Советского государства выражалась в поддержке национальных культур, в разработке программы по созданию среды социализации и преодолении культурного отставания национальных меньшинств (нацмен). Поставленные цели и задачи решались на общегосударственном уровне путем создания Наркомата по делам национальностей, в 1921 г. при Наркомате национальностей был создан Совет по делам национальностей, занимавшийся решением политических, экономических и культурных задач в среде нацменьшинств (в января 1938 г. он был преобразован в палату Верховного Совета СССР). На местах, в том числе в Сибири, создавались отделы нацмен / по делам национальностей в местных органах партийно-государственного управления. Эти отделы, наряду с другими вопросами экономического и социального развития, занимались организацией праздничных и торжественных мероприятий нацмен².

В 1920-х гг. с целью вовлечения нерусского населения в общественную жизнь в городах Сибирского края созывались национально-ориентированные

¹ Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С. 31-32.

² ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 646. Д. 646. Л. 1–99.

беспартийные областные конференции, в которых участвовали представители определенных административно-территориальных и этнически-конфессиональных образований. Так, беспартийная областная конференция мусульманок, созванная в 1921 г. в Новониколаевске, комплектовалась из женщин-татарок и киргизки. При этом большинство из 122 участниц этой конференции были делегатки из крупных городов, Омск представляли 40 чел.; Томск – 50 чел. Сибирская беспартийная конференция нацменьшинств 1924 г. фиксировала пестрый национальный состав без критерия конфессиональной идентичности (киргизы, татары, шорцы, немцы, венгры, латыши и др.); общее количество делегатов составило 574 чел., главным образом из Новониколаевска, Омска, Томска¹.

Содержательная составляющая беспартийных мероприятий, помимо тематических докладов и бесед, включала мощный идеологический компонент, представленный в виде лозунгов, определявших тематику и цели мероприятия: «Ликвидация неграмотности среди нацмен!», «Развивать классовое самосознание»². Политическая заданность события проявлялась и в организации на конференциях нацмен пунктов приема в партию³. Со временем участие беспартийных активистов из нацменьшинств в советских мероприятиях становится все менее заметным и к концу 1920-х гг. практически исчезает, зато крепнут партийные конференции нацмен, проводятся Собрание коммунисток Востока, Коммунистическая конференция нацменьшинств Горно-Шорского района, Коммунистическая конференция немецкого населения Сибири⁴. (С середины 1930-х гг. мероприятия, посвященные нацменьшинствам, стали сходить на нет.)

Политика взаимодействия с нацменьшинствами подразумевала их вовлечение в общегосударственные массовые праздники, обязательно

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921. 20 февр.; 1924. 15 марта; Звезда Алтая. Бийск, 1924. № 12.

² Еженедельник Народного комиссариата просвещения. М., 1923. 20 окт.; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921. 20 февр.

³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1287. Л. 10-17.

⁴ Жизнь Красной Сибири. Новониколаевск, 1920. № 5; Советская Сибирь. Новониколаевск, 1921. 21 апр.; Красное знамя. Томск, 1922. 12 дек.

сочетавшие интернациональную тематику с национальной. Не случайно центральные трибуны октябрьских и первомайских торжеств в Новосибирске, главные фасады театров и кинотеатров других городов Западной Сибири украшались художественными панно «Народы СССР», гербом СССР и знаменами республик Союза¹. Обязательным составляющим лозунговых материалов массовых торжеств выступал национальный компонент. Лозунги отражали нацеленность на борьбу за самоопределение вовне: «Да здравствует самоопределение поработанных народов!», «Да здравствует народ Польши, борющийся за дело мира!». Звучали призывы к решению внутренних вопросов: «За ленинскую национальную политику. За единство и братство трудящихся всех национальностей СССР!», «Да здравствует единство и братство трудящихся всех национальностей СССР!», «Братство все народов, живущих в нашем государстве – залог его крепости и силы для полной победы над врагом!», «В области национального вопроса – решительная борьба с остатками великорусского шовинизма».

В 1920–1930-х гг. массовые торжества и праздничные мероприятия устраивались по этническому признаку, хотя митинги латышской, венгерской, шорской, немецкой молодежи проводились по регламентированному, общему для всей молодежной среды сценарию: доклады, пение в память погибших бойцов Гражданской войны, Интернационала и последующее присоединение к общегородскому митингу. В первое послереволюционное десятилетие, когда в Томске работал интернациональный клуб с украинской и еврейской секциями, в нем устраивались национальные литературные вечера. Например, проводились вечера, посвященные Шолому Алейхему и Тарасу Шевченко. Были открыты особые польский, латышский, эстонский клубы². В клубе нацмен и татарском педтехникуме проводились национальные татарские праздники, чаще всего –

¹ Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1924. 5 нояб.; 1929. 30 апр.; 1936. 4 нояб.; Большевик Кузбасса. Кузнецк, 1931. 20 апр.; Забой. Прокопьевск, 1930. 25 апр.; 1935. 6 нояб.; Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1937. 29 апр.

² ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.1389. Л.27.

сабантуй¹. Проведение этого мероприятия происходило параллельно с научными лекциями, что постепенно вытесняло духовную составляющую праздничного события. К 1930-м гг. Сабантуй становится праздником с элементами народных традиций, из обряда полностью исчезают чтение молитв, жертвоприношение и коллективная трапеза.

В числе поддерживаемых находились и русские национальные традиции. Так, в Барнауле в детских садах устраивались праздники, участники которых были одеты в традиционные русские костюмы, исполняли народные песни и танцы, при этом со стен на них смотрели портреты партийных вождей.

Постепенно собрания отдельных национальностей исчезли из практики, и в массовых торжествах нацмен, как правило, растворялись в возрастных и профессиональных когортах. Формировалось «советское многонациональное общество», включавшее в себя традиции всех народов. Так, например, в Барнауле в 1930-х гг. на празднике 1 Мая студенты педагогического училища, исполняли национальные танцы в национальных костюмах народов СССР (Приложение О). По образцу общегосударственных праздников проводились и некоторые национальные торжества. По воспоминаниям А.Л. Коптелова, 10-летие Ойротской автономной области праздновалось 1 июня 1932 г. в алтайской «столице», в городе Ойрот-Тура. Подобно тому, как праздновали в других городах Сибири, ойротское празднество началось торжественным заседанием в только что открытом национальном театре, на следующее утро состоялся митинг и произошло открытие большой выставки. Перед гостями, съехавшими со всей Ойротской области, выступал Василий Непомнящий, который читал переведенные им на русский язык стихи молодого алтайского поэта Павла Кучияка, а также

¹ Лукиева Е.Б. Из истории Сибирского тюрко-татарского педагогического техникума в г. Томске в 20-е годы // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. (Национально-культурная панорама Томской области). Томск, 2000. С.97.

«эпические народные произведения»¹. В дни празднования состоялась премьера первого в истории Горного Алтая спектакля, поставленного П.В. Кучияком по пьесе собственного сочинения «Борьба». Автор, постановщик, заведующий литературной частью и ведущий актер театра в Ойрот-Туре к тому времени окончил Коммунистический университет в Москве, собирал и публиковал алтайский фольклор, сам писал стихи и прозу².

Точно так же в пропагандистской литературе межнациональные спортивные соревнования не приветствовались, но представители нацменьшинств принимали активное участие в спортивных соревнованиях молодежи. В то же время в конкурсах творческой самодеятельности оставались популярными национальные мотивы: костюмы, песни, танцы, но выступающие представляли свой номер не от этнической группы, а от профессионального коллектива, к которому были прикреплены. Известно, что в 1930-х гг. алтайского сказителя Николая Улагашева пригласили в центр Ойротской автономной области, город Ойрот-Тура (в будущем – Горно-Алтайск), где с его слов записывали алтайские пословицы и поговорки «ученые люди». А артистам национального театра он пел свои песни, сопровождая их игрой на национальном музыкальном инструменте – топшуре. К 15-й годовщине Октябрьской революции Улагашев сочинил такую песню:

Из корня могучего кедра не зря
Тебя сделали, звонкий топшур!
В день радости, в день Октября,
Заиграй, мой певучий топшур!
Из крепкого дерева, что на скалах растет,
Тебя сделали, звучный топшур!
Народ мой ликует, народ мой поет,

¹ Коптелов А.Л. Василий Непомнящих // Коптелов А.Л. Минувшее и близкое: воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С.249.

² Коптелов А.Л. Павел Кучияк // Коптелов А.Л. Минувшее и близкое: воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С.81-94.

Так весело пой же и ты, мой топшур!¹

Ускоренными темпами осуществлялась ассимиляция национальных культур с общей советской культурой, проявляющаяся во включении советских событий и торжеств в бытовую этнический обиход. Так, при отборе словесных и музыкальных произведений на тот или иной праздник или торжество приоритет отдавался произведениям революционного содержания, которые рекомендовались руководителями праздничных комиссий. Если ставились пьесы на национальных языках, то они показывали революционную классовую борьбу, отражали роль Сибири в развитии Востока. Например, пьеса «Аул Гидже» повествовала не только о борьбе за коммунистические идеалы в Туркменистане, но и освещала значение обмена сибирского зерна на туркменский хлопок².

В изданиях на языках нацмен – «Ойрот-календарь», «Кзыл Шор», «Азад Себер» «Себери-театая» – неизменно сохраняются советские идеологические установки, выраженные лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Приспосабливаясь к требованиям со стороны партийно-государственного руководства, формируется песенное творчество сибирских нацмен. Так, в периодике публикуются строки из песни на шорском языке: «Alqys cetsin ыгъстьq, ыргynystyg cadyqdan ысун arqys Stalige!» («Спасибо товарищу Сталину за счастливую и радостную жизнь!»). А к концу 1930-х гг. при сохранении лексики национального языка письменная речь шорцев частично переходит на буквы русского алфавита: «Пролетарийлар, парчазы странардан пиригишчазаар!»³. Появляются русскоязычные издания нацменьшинств: «Юный Алтаец», «Алтайская правда», «Красная Шория», «Звезда Алтая», «Молодежь Алтая», «Алтайский безбожник». В них публикуются народные и профессиональные литературные произведения, раскрывавшие социалистические достижения нацмен. Так было

¹ Коптелов А.Л. Николай Улагашев // Коптелов А.Л. Минувшее и близкое: воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С.217-218.

² Советская Сибирь. Новосибирск, 1931. 30 янв.

³ Кзыл Шор. Таштагол, 1939. 1 авг.

опубликовано стихотворение о Ленине, претендовавшие на статус народного творчества:

Ленин!.. Кто же его не знает?
От Кремля, где он крепко спит,
До хребта голубого Алтая
Слава Ленина ярко горит! ¹

В 1930-х гг. появляются алтайские писатели, пишущие о возрождении сибирских народов (А. Бельчегешев), поэты (В. Канышторов), в чьих стихах преобладали патриотические мотивы, понятие национальной и советской родины тесно переплетены:

Тысячу лет трава не цвела,
Теперь наливается цветом,
Шорский народ высоко вознес
Красное знамя Советов².

Синкретизм культур не мог не отразиться на традициях празднований. Однако, если православные торжества подверглись запрету и замещению (Красная Пасха), то национальные праздничные традиции трансформировались и приобрели новое качество. Так, предсвадебные традиции «умыкания» («похищения») невесты у сибирских народов подвергались осуждению в советской печати в контексте нарушения прав женщин. В итоге к концу 1930-х гг. данный обряд, не исчезая, приобретает характер предсвадебного игрового элемента. Таким образом, совмещаются традиции семейного празднования и советской регистрации в органах ЗАГС. Представители всех национальностей вовлекались в социализацию посредством праздников, через дублирующие советские органы организации, музыкально-художественных агитационных произведений и др. Формами проведения мероприятий по советскому календарю становятся собрания, демонстрации, постановки. Методическая литература и подготовка

¹ Красная Шория. Таштагол, 1939. № 5; Алтайская правда. Барнаул, 1937. № 2.

² Советская Сибирь. Новосибирск, 1936. 18 июля.

организаторов мероприятий велась на русском языке, что формировало элиту методистов из носителей двух языков.

Ссылные и мигрировавшие в Сибирь представители европейских этносов (латыши, немцы, венгры, румыны, поляки) были менее адаптивны к восприятию советизации и изменению своих традиций. При внешнем соблюдении правил социализации они сохраняли свои культурные и праздничные традиции. По имеющимся в литературе сведениям, праздничные традиции западносибирских немцев сохранились лучше, чем даже в Германии. Так, в праздновании Рождества сохранялись все обычаи XIX в.: рождественский дед Пельцнигер с лицом в саже, сопровождающая его девочка в белых одеждах, молитва, за которую дети получали подарки, традиционный рецепт штруделя и др.¹ С середины 1920-х гг. праздничные мероприятия, не только проводились на национальных языках, но и включали распространение листовок, литературы, брошюр с советскими лозунгами. Однако, традиции становились скрытой стороной ссылных нацменьшинств, сохранившиеся в воспоминаниях и письмах, официальная культурная жизнь поддерживала советскую социализацию: проводились собрания, постановки, конкурсы самодеятельности, работа секций и др.

В изучаемый период городской массовый праздник становится инструментом форсированной социализации для всех полвозрастных, профессиональных и национальных субкультур Западной Сибири. Посредством праздника внутри каждой социальной группы формировались категории по критерию отношения к реализации установок правящей партии: наказания – «изгоев» и поощрения – «элиты». В итоге, организованная гонка за возможность попасть в «когорту работающих по-большевистски» охватывает все субкультуры. При увеличении количества праздничных дней стиралась грань между буднями и выходными, происходила трансформация

¹ Констанс Е.В. Сохранение национальных традиций у немцев Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 38–44; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 15–18.

той или иной даты в средство стимулирования производственной инициативы. Пропагандистские структуры осуществляли манипуляцию социальной напряженностью посредством ежегодных и временных праздников, позволяющих регулировать интенсивность «критики» и «похвалы». При этом временное смещение акцентов не нарушало общий баланс, оставляя приоритетными поощрительные характеристики, выражающиеся в моральном (всеобщем признании) и материальном (денежные премии, сладкие подарки, квартиры, путевки и др.) вознаграждении. В разные временные периоды в каждой категории появлялись объекты «критики». Феномен выделения категории «несогласных» подчеркивал невозможность существования вне заданной системы, повышал значимость отбора в ряды «передовиков». Советские торжества становились инструментами реализации политики новой советской идентичности применительно к традициям Западной Сибири. Вместе с тем праздники, особенно среди молодежи, женщин и национальных меньшинств, отражали самый живой интерес городского населения, трансформируя одни традиции, замещая и вытесняя другие.

Глава 3. Сохранение и актуализация праздничного комплекса

В многовековой работе с памятниками культурного наследия сложились приемы и механизмы их музеефикации, то есть выявления, изучения, интерпретации и передачи на музейное хранение. В процессе музеефикации осуществляется актуализация культурного наследия, которая выражается в сохранении, исследовании и включении памятников наследия в культурный обиход.

3.1. Документирование праздников в музеях

Музей определяется в современной музееведческой литературе, как исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, который реализует общественную потребность в отборе, сохранении, изучении и популяризации (через экспозиции, выставки, фонды открытого хранения) разнообразных памятников истории и культуры, осознаваемых обществом как ценность и требующих передачи из поколения в поколение¹. Это научное определение музея позволяет рассматривать его в качестве ведущего в сохранении культурного наследия, в том числе всех составляющих праздничного комплекса.

Уже в начале XIX в. музей был обозначен как самый значимый элемент в системе хранения памятников культуры. Об этом можно судить по трудам Н.М. Карамзина, который первым в России рассказал о европейских и некоторых русских музеях, поставил музейные ценности в один ряд с другими достижениями культуры – литературой, философской мыслью, театром. Соглашаясь с мнением Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняка, можно сказать, что именно Н.М. Карамзин охарактеризовал музеи (независимо от

¹ Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М: ВК, 2010. С.225.

того, как они в то время назывались) как хранилища памятников культурного наследия¹.

Осознание значимости музеев как хранителей культурного наследия способствовало формированию и развитию музейного дела, открытию новых музейных хранилищ, созданию музейной сети в России. Как известно, во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. сложилась и активно расширялась музейная сеть Сибири. Музейная деятельность получила серьезную поддержку в период Революции 1917 г., когда были сформированы центральные и местные органы управления музеями. В марте 1918 г. в структуре Наркомата просвещения была сформирована коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, вскоре преобразованная в отдел по делам музеев и охраны памятников старины, позже функционировало Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука), которому подчинялись все российские музеи². На местах, в том числе в Сибири, в системе органов управления народным образованием организовывались отделы по делам музеев, которые именовались губмузеями, а с 1925 г., в связи с преобразованием губернской системы в окружную, – окрмузеями. На рубеже 1920-1930-х гг. наметилась тенденция политизации музейной жизни, музеи все более настойчиво нацеливались на решение «задач социалистического строительства», назрело предложение сосредоточить управление музеями в Главполитпросвете, что и было осуществлено в начале 1930-х гг. Перевод музеев в систему политико-просветительного управления означало, по мнению современного исследователя, «принципиально новую целевую установку работы, изменение качества работы»³. Главной вехой превращения музея как научного исследовательского учреждения в политико-

¹ Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Николай Михайлович Карамзин: у истоков изучения музейного дела в России // Вестник Томского государственного университета. 2015. №398. С.60.

² Институты управления культурой в период становления. 1917 – 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы / гл. ред. К. Аймермахер. М., 2004. С. 94-96, 121.

³ См.: Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч.1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С. 124, 135-137.

просветительную организацию стал 1-й Всероссийский музейный съезд, работавший в декабре 1930 г. в Москве. Решения и резолюции съезда о включении музеев «в общее русло политико-просветительных учреждений», о реорганизации музеев и их экспозиций «на основе марксистско-ленинского учения», об обязательном освещении классовой борьбы коренным образом изменили внутримузейную деятельность и определили на долгие десятилетия всю музейную жизнь¹.

Нужно сказать, что сбор и хранение музейных коллекций и отдельных музейных предметов, характеризовавших праздники и праздничные мероприятия, осуществлялись с давних пор. Об этом говорят некоторые материалы. Так, известно, что Г.Н. Потанин передал на хранение в Археологический музей Императорского Томского университета топшур – музыкальный щипковый инструмент алтайцев². В дополнение к этому помощник прозектора кафедры анатомии Томского университета С.М. Чугунов доставил в университетский музей наряду с прочими этнографическими материалами, два роговых музыкальных инструмента, остяцкий музыкальный инструмент – «лебедь» и детскую игрушку – модель деревянной лодки³.

В 1915 г. А.В. Адрианов приобрел два музыкальных инструмента сойотов и прислал их в Музей прикладных знаний в Томске⁴. Позже, уже в советское время, в Иркутский музей была передана картина А.А. Лушникова «Монгольский национальный праздник». Сын кяхтинского купца, ставший художником, написал эту картину по материалам и впечатлениям

¹ Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6. С.193–198.

² Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. №404. С.69.

³ Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 84.

⁴ Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 120.

путешествия по Монголии с видным сибирским музееведом Д.А. Клеменцом в 1890-х гг.¹

Как видно, в музейных фондах собирались и хранились лишь отдельные предметы, имевшие нередко косвенное значение для отражения и изучения праздников. Положение стало меняться на рубеже 1920–30-х гг., когда в условиях новой социально-политической обстановки в советской России коренным образом изменились концептуальные основы музейного дела, вся внутримузейная деятельность. Известно, что, выступая на 1-м музейном съезде, нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов призвал к «реорганизация музейного дела в интересах всемерного приспособления его к важнейшим задачам строительства социализма»². И в местных музеях развернулась подготовка к реорганизации всей работы на основе формационной теории общественного развития, причем делалось это в характерной в то время форме разоблачений и политических обвинений. Так, в 1933 г. на краевом музейном совещании в Новосибирске была «выявлена» негативная роль руководителей Кузнецкого, Омского, Новосибирского и Томского музеев. Их обвиняли в буржуазности и антинаучности в музейном строительстве. На совещании говорилось о «засорении» сибирских музеев меньшевистско-эсеровскими элементами и «бывшими людьми». Музейщиков «критиковали» за интерес к капиталистической формации, ко всякого рода древностям, за показ всяческой экзотики в жизни «отсталых народностей»³. Особенно острую критику со стороны руководящих органов вызывала деятельность Западно-Сибирского краевого музея в Омске. По сведениям Е.И. Красильниковой, омские музейщики попытались перестроить музейную экспозицию, чтобы отразить в ней новые социалистические реалии, еще в 1928–1929 гг. После 1-го музейного съезда, в решениях

¹ Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2015. № 4 (36). С. 7.

² См.: Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. №6. С.194.

³ См.: Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920 – 2000-е гг.): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. С.80.

которого было записано требование полной перестройки музейной работы, омики приступили к реорганизации музея. Они «перестроили отдел революции», сформировали отдел социалистического строительства. Наиболее успешно перестройка Омского музея проходила под руководством Петровской, назначенной руководить музеем в 1937 г. Как и требовалось, новый директор поставила во главу угла агитационно-пропагандистскую работу в музее, организовала сбор материалов о жизни и деятельности В.В. Куйбышева, С.М. Кирова, планировала отвести отдельные залы под размещение материалов о Февральской и Октябрьской революции, а также по теме «Сталинская конституция». Реализацией этих планов стали передвижные и стационарные выставки, посвященные событиям 1905 г. и октябрьской революции¹.

Попытки перестроить музейную работу предпринимались в Томске. Инспектор научных учреждений Западно-Сибирского крайоно высказал в адрес Томского краевого музея замечания о том, что в музее не показана «история борьбы классов», не выделен «антирелигиозный момент», и «музей производит впечатление кунсткамеры, благодаря наличию случайных вещей, не связанных с краем». В январе 1933 г. под контролем отдела культпропа Западно-Сибирском крайкома ВКП(б) была начата реэкспозиция музея, которую закончили «ударными темпами», и 7 ноября того же 1933 г. музей был открыт для посетителей. По заверениям профуполномоченной музея, научного сотрудника Н.П. Карповой, в комнатах, занятых ранее «экспонатами кунсткамерного типа», были размещены новые поступления в историко-революционный, сельскохозяйственный и промышленный отделы. Более того, сотрудники музея приняли на себя повышенные обязательства организовать в подшефном колхозе «Бедняк» красный уголок, а к открытию

¹ Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. С.319-332.

XVII съезда ВКП(б) – организовать соревнование «на лучшее выполнение взятых на себя обязательств»¹.

Однако, в ноябре 1935 г. вопрос о состоянии музейной работы в Томске вновь привлек внимание руководства. По итогам обсуждения на заседании президиума Томского горсовета было принято постановление обязать директора Томского городского музея Невлянинова закончить перестройку музея на основе указаний 1-го музейного съезда, «особенно тщательно оформить отдел истории революционного движения и истории ВКП(б)». Кроме того, предписывалось организовать «широкое обслуживание музеем трудящихся города и района путем организации экскурсий рабочих, колхозников и красноармейцев, школьников, передвижек с лекциями на предприятиях, в Доме колхозника, в ближайших колхозах, в школах»².

Характерно, что проблемы «перестройки» музейной работы в Сибири (и во всей стране) расценивались современниками, как следствие «упорного сопротивления со стороны реакционной части музейных работников»³. В государственных репрессиях против населения были арестованы подвергнуты тюремному или лагерному заключению, умерли или были расстреляны руководители Томского краевого музея М.Б. Шатилов, Г.М. Котт, А.С. Уланов, научный руководитель Музея археологии ТГУ И.Т. Маркелов, барнаульские музейщики В.И. Верещагин и А.П. Велижанин, научный сотрудник Тобольского музея М.П. Копотилов, сотрудник Кузнецкого краеведческого музея Н.П. Кайдалов, директора Новосибирского музея М.А. Кравков и Д. Ласкин⁴.

¹ История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т.11. С.90-91, 100-102.

² ГАТО. Ф.Р-430. Оп.1. Д.574. Л.66.

³ [Черемных Г.] Музеи // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск]: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. Стб. 574.

⁴ Руководители Томского краеведческого музея / Сост. О.П. Галанова, Н.Л. Сенюкова // Труды Томского областного краеведческого музея / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2002. Т.11. С. 160-177; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933-1937 годы): сб. документов / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пашенко. Новосибирск: Сова, 2004. С.326, 336; Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. С.366, 374; Лозовая Л.А. История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е - начало 1990-х годов): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2013. С.78.

Главным требованием со стороны музейного руководства страны было внедрение типовой структуры краеведческих музеев, которая включала отделы природы, истории, социалистического строительства. На все музеи был распространен типовой план экспозиции, разработанный в Московском институте краеведческой и музейной работы. И, как видно по публикациям 1930-х гг., проанализированным современными музееведами, «главнейшим документом», на котором базировалась вся музейная экспозиция, был «Краткий курс истории ВКП (б)»¹. Естественно, что создаваемые в самые сжатые сроки отделы социализма нужно было наполнять фондовыми материалами. Возможно, именно с этой целью в 1934 г. было издано Постановление ВЦИК, в котором одобрялась работа «по истории науки, истории техники и освоению трудящимися культурного наследия прошлого». Намечались планы «обеспечения сохранности» и реставрации памятников, издание научных трудов и путеводителей по музеям, а также издание репродукций музейных памятников².

Решение указанных задач требовало усиления внимания к комплектованию фондов, включающему в себя выявление, сбор и первичную регистрацию, подразумевающую закрепление предмета за музеем, регистрацию в книге поступлений, научную инвентаризацию: опись и составление карточки с указанием материала, датировки, формы, размера, техники и места изготовления³.

Нужно сказать, что необходимость наведения порядка в государственных музеях была осознана задолго до Постановления 1934 г. Ровно за десять лет до его издания, в 1924 г., был издан Декрет ВЦИК и СНК

¹ Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А. Российское музееведение 1930 – 2010-х гг.: опыт историографического изучения // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. №405. С.71.

² О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР: Постановление ВЦИК 1 января 1934 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т.3: 1930–1934. М.: Гос. Изд-во юрид. лит., 1949. С.431–433.

³ Фонды - основа музейной жизни // Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М: ВК, 2010. С.289-306.

СССР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». В Декрете прописывались важные требования о сохранении коллекций, находившихся в музеях, не подведомственных Наркомату просвещения¹. По материалам Декрета в Наркомате просвещения РСФСР была разработана «Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы». Согласно этому документу требовалось составление описей предметов музейного значения в частных коллекциях и ведомственных музеях, а также учет и надзор за сохранностью памятников зодчества. В инструкции перечислялись все предметы, коллекции изобразительных и вещественных памятников, а также памятники природы, истории и архитектуры, нуждавшиеся в государственной охране. Характерно, что в ряду перечисленных памятников находились такие, которые могли быть приобщены к праздничной культуре, например, триумфальные арки, монументы, предметы художественного и коммеморативного значения (это новое для наших дней выражение встречалось в документе 1924 г.)².

Вопреки инициативам законодателей в исследуемый в диссертации период, в условиях недостаточного финансирования музеев, научно-фондовая работа нередко проводилась в ограниченных объемах, что негативно отражалось на полноте и сохранности коллекций. Работа по собиранию и сбережению памятников культурного наследия прежде других коснулась документов, то есть письменных памятников, в частности в Музее революции СССР³.

В западносибирских музеях собирались и систематизировались различные фондовые материалы, среди которых немаловажное значение приобретали предметы, освещавшие праздничный комплекс. Наибольшую по численности типологическую группу музейных предметов составляли изобразительные памятники – фотографии, фотографические альбомы,

¹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений за 1924 г. М., 1924. Отдел 1-й, № 18. С.234-235.

² Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы: [переиздание] // Охрана памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1973. С.42–53.

³ Закс А.Б. Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. М., 1965. № 5. С.170.

открытки, картины. По имеющимся сведениям, силами фотолаборатории Омского краеведческого музея и фотографов-любителей в этом музее была составлена коллекция фотоснимков, приуроченных к 20-летию Октябрьской революции¹.

Нужно отметить, что подготовка и издание в 2011–2012 гг. двух путеводителей по фондам музеев Новосибирской области оказали хорошую поддержку в работе над диссертацией. Согласно «Путеводителю по фондам Новосибирского государственного краеведческого музея», в этом музейном хранилище собрана и хранится обширная коллекция «Советская (российская) поздравительная открытка», объемом в 370 единиц хранения. В коллекцию включены открытки к праздникам Октябрьской революции 7 ноября, Дню Красной / Советской армии 23 февраля, ко Дням 8 марта и 1 мая. Несомненный интерес для раскрытия темы диссертации представляют фотографии демонстраций 1 мая и 7 ноября, Урало-Кузбасской олимпиады 1932 г., День физкультурника в Новосибирске в 1938 г. В музее сохранились политические плакаты, которые, возможно, использовались на праздничных мероприятиях: плакат художника А. Туркина «Овладевайте знаниями», изданный в 1930-е гг.; плакат «Нет в мире другой армии» (1935 г.) и «Уничтожим гадину» (1936 г.). Вещественные памятники в Новосибирском областном краеведческом музее представлены различными знаками и жетонами, которыми горожане награждались к праздничным датам: жетон «В честь праздника 1 мая» 1920-х гг., знаки ДОБРОХИМ, ОСОАВИАХИМ 1930-х гг., а также велосипед, которым был премирован к празднику один из ударников новосибирского завода «Сибсельмаш» в 1930-х гг.²

Конечно, музеи небольших городов, районных центров Новосибирской области, гораздо беднее областного города, но и в них имеются достаточно интересные артефакты. Так, в Барабинском краеведческом музее хранится

¹ Полоницкая Л.П. Пролеткульт в фотографии. Дань традициям, черты нового // Омский краевед: научно-популярный альманах. Омск, 2004. №2. С. 126.

² Путеводитель по фондам Новосибирского государственного краеведческого музея / отв. ред. А.В. Шаповалов. Новосибирск, 2011. С.64, 76, 81, 346, 353, 355. 397.

фотоснимок участников слета пионеров 1933 г. и фото первого пионера города Барабинска (правда, без указания его имени), а кроме того, граммпластинки с записями гимнов, маршей, революционных песен¹. Очень интересные изобразительные источники, зафиксировавшие праздничные традиции, хранятся в Болотнинском историко-краеведческом музее, они выделены в особую коллекцию «Фотографии довоенных лет». В коллекцию вошли фотографии 1-й агитбригады железнодорожного узла, драмколлектива клуба имени Кирова, первой футбольной команды г. Болотного, участниц 1-й женской конференции в Болотном, духового оркестра при клубе Октябрьской революции. Особо следует отметить, что в музейном собрании находится фотография конного эскадрона в день 20-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции².

В 2015 г. была начата разработка электронного Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, представляющая собой электронную базу данных о каждом музейном предмете и каждой музейной коллекции, входящих в состав Музейного фонда России. Одной из целей каталога ставится создание общедоступного виртуального портала со свободным доступом к музейным фондам³. К концу 2017 г. в Государственный каталог включено более 1 млн изображений, в том числе информация о праздничных атрибутах в музеях. Это заметно расширяет возможности раскрытия темы диссертации. И хотя работу осложняет недостаток систематизации материалов, тем не менее удалось выявить, что в музейных и частных коллекциях хранятся содержательные изобразительные и вещественные источники, раскрывающие праздничные мероприятия в городах Западной Сибири. Кроме того, в Интернете в 2016 г. сформирован виртуальный фотофонд «История России в фотографиях», позволяющий

¹ Путеводитель по фондам музеев Новосибирской области / отв. ред. А.В. Шаповалов. Новосибирск, 2012. Т.1. С. 38-39.

² Путеводитель по фондам музеев Новосибирской области... С.67.

³ Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.givc.ru/projects/state-directory/> Дата обращения: 01.08.2017.

существенно дополнить Государственный каталог в плане представления праздничных изобразительных источников из музеев, архивов и частных коллекций.

На портале Министерства культуры хранятся изобразительные и вещественные источники, отражающие общегосударственные и профессиональные праздники. Весьма интересная виртуальная коллекция содержит материалы о гендерных и поколенческих праздниках.

В Государственном каталоге присутствует блюдо «Свадебное», выполненное по рисунку К.С. Петрова-Водкина в 1923 г. На блюде изображено рождение «красной семьи»: в центре блюда молодая пара на красном фоне, обрамленная «венком изобилия» из фруктов, овощей и злаковых культур. По краям – русский хоровод, который «водится» вокруг молодоженов.¹ Это блюдо сохранилось в одном из центральных музеев, но, может статься, оно было известно и в Западной Сибири.

В частных коллекциях, представленных в Интернете, запечатлены не менее важные праздничные события. В коллекции Ириса Левензона имеется фотография физкультурного кружка в Омске в день 8 Марта 1935 г. На фото запечатлены девушки в праздничных светлых блузках и темных юбках, они – в постановочной позе на одном колене с руками, заведенными за головы. Композиция составлена на фоне портрета И. В. Сталина и праздничных лозунгов – «Да здравствует наш победоносный рабочий класс!», «Да здравствуют советские девушки – славные дочери нашей великой Родины!»².

Современные информационные технологии позволяют представить обширную разноплановую коллекцию барнаульского собирателя Дмитрия Шушуева. В ней собраны фотографии конца 1920-х – начала 1930-х гг.: «Дети в детском саду рисуют плакат к празднованию 12-й годовщины

¹ К.С. Петров-Водкин. Блюдо «Свадебное». 1923 г.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/>. Дата обращения: 17.10.2017.

² Кружок омских физкультурниц 8 марта 1935 г.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1840-1999/?page=2&query=%D0%B3.+%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA&paginate_page=2&index=5. Дата обращения: 17.11.2017.

Октября», «Участники первомайского праздника в костюмах народов СССР во дворе педагогического училища, 1930-е гг.»¹. Чрезвычайно интересные, информационно насыщенные фото рассказывают о первомайской демонстрации в Барнауле в 1930-х гг.² В его коллекции содержатся антирелигиозный плакат «Долой церковные праздники!», распространявшийся в городах Западной Сибири и знак памяти В.И. Ленина в серебряной окантовке, покрытый эмалью³. Представлены редкие фотографии подготовки и проведения праздников, например, стенгазета барнаульского общества «Динамо» 1932 г., фото спортивного праздника, посвященного 15-й годовщине КИМ в 1934 г.⁴

На сайте музея-заповедника «Кузнецкая крепость» представлены виртуальные фондовые коллекции, в которых наряду с другими предметами, характеризующими культуру г. Сталинска 1930-х гг., содержатся праздничные артефакты. Например, пластинчатый складной фотоаппарат «Фотокор» в кожаном чехле-кофре с набором металлических односторонних пластинок, полностью укомплектованный и хорошо сохранившийся патефон. Фотодокументы музея представляют первомайскую демонстрацию 1931 г. около заводууправления КМК⁵. В Новокузнецком краеведческом музее, открытом, как указывалось 7 ноября 1927 г., представлен патефон «Victrola»⁶. В Прокопьевском городском краеведческом музее представлена коллекция елочных игрушек 1930-х гг., это стеклянные шары с

¹ Первомайский праздник во дворе педагогического училища // Из личного архива Дмитрия Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/>. Дата обращения: 21.11.2017

² Первомай в Барнауле, 1930-е гг. // Из личного архива Д. Шушуева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 17.11.2017.

³ Плакат «Долой церковные праздники!». 1929 г.; Знак памяти В.И. Ленина // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/> Дата обращения: 10.08.2017.

⁴ Стенгазета общества Динамо; спортивный праздник к 15-летию КИМ // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 14. 09.2017.

⁵ Муниципальное автономное учреждение культуры музей-заповедник «Кузнецкая крепость»: виртуальные фондовые коллекции: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kuzn-krepost.ru/fondy-kollektsii/kollektsii/dokumentalnyj-fond/9-kollektsii/328-df-fotografii-xix-xx-vekov.html>. Дата обращения: 12.10.2017.

⁶ Патефон «Victrola», хранится в Новокузнецком краеведческом музее: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=1848>. Дата обращения: 19.10.2017.

изображением красной звезды, серпа и молота, а также объемная звезда, собранная из стеклянных трубочек и бусинок¹.

В силу того, что Государственный каталог Музейного фонда РФ находится в стадии становления и в нем охвачены далеко не все праздничные атрибуты. В диссертации использованы дополнительные сведения о составе и содержании музейных фондов. Известно, что в музеях хранятся изобразительные и вещественные памятники праздничного наследия. В Томском областном краеведческом музее находится знамя Томской артиллерийской школы. В Гурьевском городском краеведческом музее сохранилось двустороннее красное атласное знамя 1939 г., с одной стороны на нем изображен герб и надпись: «Слава Союзу Советских социалистических республик», с другой – «Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма!» Знамя использовалось на праздниках, его несли во главе Первомайских и октябрьских колонн самые уважаемые люди, как правило, передовики производства, ветераны революции².

Кроме того, согласно имеющимся научным изданиям, в которых опубликовано немало фотографий, извлеченных из музейных фондов, в Томском областном краеведческом музее, в Музее истории ТГУ, в Музее истории ТПУ хранятся ценные изобразительные источники, запечатлевшие праздничные события. Это парадное построение бойцов 5-й Красной армии в Томске в 1920 г.; антивоенный митинг томской молодежи в дни празднования 10-летия окончания 1-й Мировой войны; проведение Недели воздухофлота в Томске в 1923 г.; главный корпус Томского технологического института в праздничном убранстве в честь 25-летия вуза и праздничная арка, сооруженная перед институтом; сборы на Первомайскую демонстрацию студентов Томского педагогического техникума в 1931 г.;

¹ Прокопьевский городской краеведческий музей: коллекция елочных игрушек: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prk-museum.ru/index.php/kolleksii/fondovye-kolleksii/480-geroj-sotsialisticheskogo-truda-zheltukhin-aleksej-mikhailovich> Дата обращения: 04.10.2017.

² Знамя красное, атласное, двустороннее. 1939 г., г. Гурьевск. Кемеровская область // Гурьевский городской краеведческий музей. ГКМ ОФ 4472.

здание факультетских клиник Томского медицинского института, украшенное флагами и праздничными транспарантами к 20-летию Октября; главный корпус ТГУ, оформленный флагами, портретами вождей и транспарантами ко Дню 1 мая; студенты ТГУ – участники спортивных соревнований и члены ячейки ОСОАВИАХИМ и др.¹

Большой интерес представляют открытки и альбомы фотографий с изображением скульптурных и архитектурных памятников Томска, Новосибирска, задействованных в праздничной культуре 1920–1930-х гг. Важные для изучения поставленных в диссертации вопросов изобразительные памятники хранятся в Колпашевском краеведческом музее. Некоторые из них опубликованы в подборке открыток, например, открытка «Первомайская демонстрация. 1931 г.», на которой изображена колонна горожан, практически целиком состоящая из мужчин. Во главе колонны – военные и знаменосец с флагом в руках. Флагами и плакатами украшены деревянный одноэтажный дом и расположенная рядом с ним церковь, мимо которых движется колонна. Забавно, что на открытке оказались запечатлены петух и курица, шествующие впереди колонны, что, конечно же, вкупе с красными флагами на церкви, увенчанной крестами, свидетельствовало о переплетении патриархальности и новизны, о сохранении традиций в городке, преобразованном из большого села². О других изобразительных источниках Колпашевского музея известно по научным публикациям. Так статья Ю.К. Рассамахина проиллюстрирована извлеченными из музея фотографиями участников праздничных демонстраций в Колпашеве в конце

¹ Томск. История города в иллюстрациях. 1604-2004 / сост. О.В. Патрина, Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С.280-281, 296, 301, 333; Томский университет: 130 лет в истории России. 1878-2008 / сост. С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Е.М. Игнатенко и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С.42; Томский политехнический университет: история в иллюстрациях: фотоальбом / сост. С.И. Никифоров. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2016. С.92; Славься, университет: иллюстрированные страницы истории ТГУ / сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С.64, 73.

² Первомайская демонстрация. 1931 г. // Колпашево: город на Оби: [комплект открыток] / Колпашевский краеведческий музей. Колпашево, 2009.

1920-х – 1930-е гг.¹ Кроме того, по научным публикациям известно о хранении в томских музеях предметов, которые сопровождали праздничные мероприятия, в частности, эмблема на головной убор красноармейца в виде красной звезды с оралом (плугом) и молотом, металлическая карандашница, изготовленная к 10-летию Октябрьской революции². В музеях хранятся бюсты Сталина и Ленина, которые составляли праздничное оформление помещений, патефоны и гармони, обеспечивавшие музыкальное оформление праздников, нагрудные знаки ГТО и «Ворошиловский стрелок»³.

По сведениям исследователей истории Тюмени, в Тюменском краеведческом музее, организованном на базе музея Александровского реального училища в 1920 г., хранилось красное знамя, переданное женотделом Тюменского губкома РКП(б). На полотнище знамени было выткано (или вышито?): «Международная солидарность тружениц – залог победы первой мировой пролетарской революции»⁴. Нужно сказать также о знамени КИМ (Коммунистический интернационал молодежи) 1920-х гг., которое хранится в Новокузнецком краеведческом музее.

Особо следует подчеркнуть, что в западносибирских музеях было начато комплектование коллекций, отражавших культуру малых народов, или, по лексике 1920-х гг., – туземцев. Так, в Тобольском государственном музее в 1923 г. был организован туземный отдел, целью которого ставилось не столько изучение культуры тобольских народов, сколько организация мероприятий «по устройению жизни туземцев». Основу туземного отдела составили коллекции и отдельные музейные предметы, собранные еще до 1917 г. в Тобольском губернском музее. По мнению создателя туземного

¹ Рассмахин Ю.К. Очерки истории Колпашевского района // Земля Колпашевская: сб. научно-популярных очерков / под ред. Я.А.Яковлева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 358, 364, 366, 385-386; Колпашево: город на Оби: [комплект открыток] / Колпашевский краеведческий музей. Колпашево, 2009.

² Томск. История города в иллюстрациях. 1604-2004 / сост. О.В. Патрина, Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 281, 332.

³ Славься, университет! Иллюстрированные страницы истории ТГУ / сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С.99, 101; Пламя Победы: каталог выставки / Музей г. Северска. Северск, 2015. С.56.

⁴ Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск: Ср.-Урал. Кн. изд-во, 1986. С.159.

отдела В.М. Новицкого, собрание губернского музея страдало большим недостатком, в нем практически не было будничной одежды и обуви, отсутствовали предметы «домашнего и промыслового быта». В витринах старого музея были в большей мере представлены праздничные наряды туземцев, часть которых изготовили специально для экспонирования на 1-й Западно-Сибирской выставке по сельскому хозяйству, скотоводству, лесоводству, торговле и промышленности, проводившейся в Омске в 1911 г.

За время деятельности туземного отдела в Тобольске в 1920-х гг. он пополнился моделями деревянных жилищ, амбаров, образцами летней и зимней мужской и женской одежды. В отделе хранились коллекции «Дитя, детское творчество и игры», «Труд и быт туземки», предметы сакрального значения – шаманский бубен, медвежья лапа, а также ланцет из щучьих зубов и деревянный пинцет для выщипывания заноз. Интересно, что имелись экспонаты, характеризовавшие музыку и поэзию туземцев (автор брошюры о туземном отделе не раскрывал, к сожалению, их содержание), а также «художественно исполненные изделия из меха, бисера, бус, рога, кости, сукна и вышивки». Однако, все эти экспонаты стали показывать не как элементы праздничной культуры и верований, а как пример кустарного производства, чтобы продолжить и усовершенствовать их изготовление среди местного населения.

Характерно, что в экспозиции туземного отдела Государственного Тобольского музея центральное место было отведено берестяному чуму, в котором были размещены манекены двух остяков (совр. селькупы) – мужчины и женщины. Изготовленные тобольским скульптором П.П. Чукоминым (с использованием антропометрических данных С.И. Руденко), эти манекены отражали повседневную жизнь тобольских северян: мужчина расщеплял на ленты кедровый корень, чтобы изготовить из него необходимые в домашнем хозяйстве и на охоте приспособления. Женщина была изображена в обычной своей позе, на корточках, лицо ее было полуприкрыто головным платком. Она варила в котле пищу над костром

чума и охраняла сон ребенка в люльке. Эта экспозиция, созданная с использованием ансамблевого метода, показывала, что в тяжелейших природных и социальных условиях Севера праздник играл очень ограниченную роль в жизни тобольских туземцев, исключая, возможно, лишь некоторые языческие обряды¹.

В музее г. Камня, организованном в 1920 г., был сформирован, наряду с другими, этнографический отдел, в котором, по мнению заведующего музеем М. А. Круковского, более полно, чем в музеях Бийска и Барнаула, была представлена этническая культура алтайцев. В Каменском музее демонстрировались модель аила (жилища алтайцев), мужская и женская одежда, и, что важно подчеркнуть, не только будничная, но и праздничная. К праздничным атрибутам, конечно, с определенной долей условности, можно отнести хранившиеся в музее аппарат для выгонки араки (водки из молока), принадлежности камлания – бубен с колотушкой, шаманский костюм с колокольчиками и бубенчиками. И недаром автор заметки о Каменском музее, томский музейвед П.П. Славнин, указывал, что это музейное учреждение привлекало каменскую учащуюся молодежь и могло быть рекомендовано для осмотра экскурсантами, отправлявшимися на Алтай².

Наличие разнообразных изобразительных и вещественных памятников праздничного комплекса в музеях обеспечивали возможность использования их в экспозиционной работе.

¹ Новицкий В.М. Туземный отдел Тобольского государственного музея (краткий очерк к 5-летию его организации). [Тобольск], 1928. С.3-6.

² Славнин П. Каменский музей Новониколаевской губернии // Известия Центрального бюро краеведения. М., 1925. №4. С. 114.

3.2. Тема праздника в экспозиционно-выставочной деятельности западносибирских музеев

Первый опыт праздничных выставок в РСФСР был осуществлен в петроградском Музее Революции, созданном в 1919 г. по решению Петросовета. В Первомайские праздники 1920 г. в музее была открыта первая по счету выставка «1 Мая». А два года спустя, 7 ноября 1922 г., была организована выставка, посвященная 5-летию Октябрьской революции. На ней были представлены материалы по истории революционного движения в России и в странах Европы¹.

В рассматриваемый в диссертации период экспозиция как целенаправленная демонстрация музейных предметов с целью раскрыть ту или иную тему музейным языком переживала серьезные изменения. Н.М. Дружинин, заведующий экспозиционным отделом Центрального музея революции, в середине 1920-х гг. писал об экспозиционной работе как равносоставляющей музейной деятельности наряду с собиранием, хранением и изучением музейных материалов. При этом он выдвигал требование подлинности экспонатов, потому что «подлинные памятники революционной жизни... сильнее других воздействуют на воображение и мысль музейного зрителя»². Однако в 1930-х гг., после завершения 1-го Всероссийского музейного съезда, который определил политико-просветительное назначение музея, указал на его главную задачу – содействовать социалистическому строительству, экспозиция была выдвинута на первый план в ущерб всем другим видам и формам музейной работы. При этом требовалась подготовка типовых экспозиций с опорой на формационную теорию общественного развития. В таких условиях праздники и праздничные события первых послереволюционных десятилетия становились желанной темой экспозиционного показа.

¹ Хроника музеев: Музей Революции // Музей. Пг., 1923. №1. С.60-61.

² Дружинин Н.М. Методы историко-революционной экспозиции // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С.615-617.

Характерно, что некоторые сибирские музеи приурочивали свое открытие и организации выставок и экспозиций к советским праздникам. Так, Томский краевой музей открыл свою первую экспозицию в День Парижской коммуны 18 марта 1922 г. На праздничном вечере после открытия экспозиции заведующий музеем А.Н. Тихомиров прочитал доклад «О творчестве Густава Курбе как художника Коммуны»¹. Открытие Кузнецкого краеведческого музея, созданного на основе частного собрания кузнецких краеведов Д.Т. Ярославцева и Г.С. Блынского (ставшего и первым директором музея), состоялось 7 ноября 1927 г., когда вся страна отмечала 10-ю годовщину Октябрьской революции. Вскоре после открытия музей стал так и называться – имени 10-летия Октября². К той же праздничной дате, к 10-летию Октябрьской революции, в здании Дворца труда открылись городской краеведческий музей и библиотека с читальным залом в Щегловске (Кемерово)³. Выставка по истории строительства Кузнецкого металлургического комбината, организованная в 1932 г. к 15-й годовщине Октябрьской революции, послужила основой учреждения в Кузнецке / Сталинске нового музея. Открывшийся в 1933 г. он получил название – Производственно-технический музей Кузнецкого металлургического комбината имени товарища Сталина⁴.

К 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции, к 7 ноября 1937 г., было приурочено открытие музея в г. Колпашево, административном центре Нарымского округа. На эту дату музейных работников во главе с директором Нарымского окружного музея П.И. Кутафьевым настоятельно ориентировали руководители округа. В приказе по Нарымскому окружному отделу народного образования, подписанном 8

¹ Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского и М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т.1. С. 6.

² Кузнецкий музей // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск]: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2. Стб. 1093.

³ Усков И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С.73.

⁴ Производственно-технический музей Кузнецкого металлургического комбината имени товарища Сталина // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1940. Т. 1. С.200.

августа 1937 г., говорилось: «Обязать тов. Кутафьева П.И. принять все меры к скорейшему окончанию ремонта и оборудования с таким расчетом, чтобы открыть музей к 20-й годовщине Октябрьской революции»¹.

Если судить по сохранившимся в письменных и изобразительных источниках фрагментам музейных экспозиций 1920-х гг., то можно заметить, что они, как в Томском краевом музее, в Новосибирском краеведческом музее, в Государственном Западно-Сибирском музее в Омске, в Государственном музее Тобольского Севера, в Барнаульском музее, включали в себя, как правило, общий обзор природы и истории документируемой территории, строились как систематические, изредка использовался ансамблевый метод². Например, в Новосибирском музее были представлены «жилье алтайских полукочевников», «изба кержака». По свидетельству А.В. Луначарского, «воочию показано, как простым ножом из различных шкур мастерит в полутемном чуме самоедка свои несравненные мозаики из шкур»³. А поскольку во всех музейных экспозициях рассказывалось и о революционных событиях, то, возможно, были показаны и некоторые праздничные мероприятия.

Экспозиционная перестройка 1930-х гг. резко изменила ситуацию. По решениям 1-го музейного съезда, музейщикам вменялось в обязанность показать общественно-экономические формации, формы классовой борьбы, диалектику общественного развития, то есть отвлеченные понятия и сложные исторические явления, практически недоступные музеям. И так было повсеместно в стране, недаром появилась необходимость издания Постановления ВЦИК от 1 января 1934 года «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР». В постановлении отмечалась, кроме

¹ Цит. по: Харченко Л.П. Две жизни, одна судьба. Музеи Сибири: историко-мемуарное издание. Новосибирск: Мангазея, 2010. С.102-103.

² См.: Лозовая Л.А. История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е - начало 1990-х годов): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. С.58 – 66.

³ Луначарский А.В. Месяц по Сибири. Л., 1929. С.19.

других недочетов, перегрузка экспозиций фотографическими и «плакатными материалами»¹.

Выполняя правительственные решения, сотрудники Томского краевого музея разработали тематический план экспозиции по отделу капитализма, включили в него такие положения, как «крепостная зависимость», «империализм как последняя стадия капитализма». Но о том, как выполнялись эти разделы плана, сведений не сохранилось. По фотографии, запечатлевшей фрагмент экспозиции, посвященной С.М. Кирову, С.Е. Григорьева установила, что в экспозиции не было ни одного подлинного музейного предмета, только фотокопии изобразительных и письменных источников². Эта фотография, сохранившаяся в фотофонде ТОКМ, позволяет увидеть, что в центре экспозиционного комплекса находился большой, видимо, написанный по заказу портрет С.М. Кирова, обрамленный красными полотнищами. По сторонам портрета размещались профили Сталина и Ленина, а справа находилась огромная доска, обтянутая скорее всего красной тканью и на ней текст лозунга. Все это позволяет говорить, что в экспозиции Томского краевого музея была сделана попытка раскрыть праздничный комплекс. Возможно, такие попытки предпринимались и в других сибирских музеях.

Гораздо полнее праздничная культура освещалась во временных музейных выставках, которые нередко как раз и открывались к тому или иному празднику. Так, в Томском краевом музее создавались выставки «Первое мая при самодержавии», «10 лет советской власти в Сибири и колчаковщина», «Профсоюзы и первомайское движение», «К 100-летию восстания декабристов» и др. В 1927 г. в Томском музее была организована юбилейная выставка, посвященная 10-й годовщине Октябрьской революции (Приложение П). Нужно отметить, что по сведениям современных

¹ См.: Лозовая Л.А. История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е - начало 1990-х годов): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2013. С.76.

² Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920 – 2000-е гг.): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. С.96.

исследователей, проведение выставок к десятилетию Революции 1917 г. было обязательным для всех советских музеев¹. Это распоряжение не обошло и Томск. Используя сохранившуюся фотографию, С.Е. Григорьева так характеризовала юбилейную выставку в Томском музее: в центральной части выставки были размещены праздничные плакаты и копии центральных газет с лозунгами. Был представлен портрет Карла Маркса и картина томского художника В.Д. Вучичевича о черносотенном погроме в октябре 1905 г. в Томске. Были видны и некоторые вещественные источники – кандалы и наборная касса, на которой подпольщики печатали революционные листовки². По научным публикациям известно, что в 1927 г. в Томском краевом музее силами кружка по изучению революционного движения были организованы выставки «Десятилетие Октябрьской революции», «10 лет Советской власти в Сибири и колчаковщина», «Профсоюзы в первомайском движении». Члены Томского отдела Истпарт (Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б)) организовали в музее «уголок революционного движения»³. В 1932 г. в Томском краевом музее, а также в Библиотеке ТГУ были организованы выставки, посвященные 15-й годовщине Октябрьской революции. Посещение этих выставок стало составной частью праздничной программы в Томске⁴. План работы, принятый Советом Томского краеведческого музея на 1935 г., включал выставки и проведение докладов и чток по следующим праздничным темам (согласно терминологии того времени): 23 февраля – День Красной армии; 8 марта – День работницы; 12 марта – низвержение самодержавия; 18 марта – День Парижской коммуны; 23 апреля – рождение В.И.Ленина; 28 апреля – антипасхальная кампания; 1-2 мая – День Интернационала; 6 июля – День

¹ См.: Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М: ВК, 2010. С.144.

² Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920 – 2000-е гг.): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. С.59-60.

³ Шумилов А.И. Исторические отделы музеев Сибири (создание и деятельность в 1920-1930-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2008. №14. С.17-18; Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. С.350.

⁴ Красное знамя. Томск, 1932. 11 нояб.

Союза ССР; 7 июля – День кооперации; 14 июля – День ОСОАВИАХИМ; 1 августа – День Красного Креста; 6 августа – День индустриализации; 2 сентября – Международный юношеский день; 14 октября – День урожая и коллективизации; 15 октября – крестьянский Интернационал; 7-8 ноября – Дни Октябрьской революции; 25 декабря – антирождественская кампания¹.

Выставки к годовщинам Октябрьской революции устраивались в Омском краеведческом музее. Выставка 1927 г. «Октябрь в Сибири» была подготовлена с большим размахом, она занимала 15 комнат, включала материалы о событиях революции и Гражданской войны не только в Омске, но и всей Сибири, а также и европейской части страны. Выставка имела большой успех среди горожан, за две недели ее посетило более 20 тысяч зрителей. Экскурсии по выставке проводили члены Омского отдела Истпарт². В 1932 г. в Омском музее была сформирована передвижная выставка к 15-летию Октябрьской революции. (Организация передвижных выставок из музейных фондов, как известно, была рекомендована в решениях 1-го Всероссийского музейного съезда.)

К 20-й годовщине Октябрьской революции, в 1937 г., в Омском краеведческом музее была организована новая большая выставка. Она была популярна среди посетителей и широко освещалась в местной печати³. Сохранились воспоминания художника К.П. Беляева о том, как руководители Омского краеведческого музея обратились в кооперативное товарищество «Омхудожник» с заказом изготовить к 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции огромный барельеф размером 3,5 метра на 5. Композиция должна была изображать шахтеров с отбойными молотками, ее требовалось изготовить из папье-маше, но

¹ История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т.11. С.104.

² Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. С.319.

³ Томилов Н.А., Макаров Ю.А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (краткий исторический очерк) // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. С.28.

отделать под старую бронзу. Работу поручили молодому художнику Кондратию Белову (впоследствии ставшим народным художником РСФСР). Он вылепил композицию из глины на полу, покрыл ее несколькими слоями марли, промазывая их клейстером, и стал ждать, когда папье-маше высохнет, чтобы поднять и раскрасить под бронзу. Но пол был холодным, помещение отапливалось плохо. Торопясь к сроку, стали сушить композицию с помощью электроплиток. Тут уж всполошились пожарные: запах горелого хлеба (клейстер делали из муки) распространился на улицу. Заказчики пригрозили: вредитель, срывает подготовку к празднику, надо сообщить в НКВД. Но выход все же нашли, решили написать шахтеров маслом «под старую бронзу» на фанере. Прикрепили к стене фанерный щит, проолифили, поставили леса. Художник вспоминал позже, что до праздника оставалось два дня, и он впервые попробовал писать маслом: «Перевел с картона на фанеру рисунок и целые сутки напролет не спускался с лесов». К вечеру второго дня панно было готово и принято художественным советом, в состав которого входили представители областного и городского комитетов ВКП(б) и руководители Омского музея¹.

По сведениям Е.И. Красильниковой, выставка занимала 11 залов, в которых экспонировались поэтапно все события революции, Гражданской войны и социалистического строительства, начиная от февраля 1917 г. и завершая принятием Конституции 1936 г. На выставке доминировали общесоюзные материалы и явно не доставало местных экспонатов: первый зал открывался портретами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, были размещены цитаты и лозунги «классиков марксизма-ленинизма»².

В декабре 1930 г. в Барнаульском музее состоялось торжество, посвященное 25-летию революции 1905 г. Участники революции, которых называли «пятигодниками», с алыми значками на одежде, выступили с воспоминаниями о своем участии в революционной борьбе. Важно

¹ Белов К.П. О моей жизни. Омск: Издательский дом «Лео», 2005. С.112, 129–130.

² Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... С.332-333.

подчеркнуть, что участники торжественного собрания обратились к руководству музея уделять больше внимания сбору и сохранению материалов о Первой русской революции. Тем более, что в Барнауле с 1925 г. действовала самодеятельная организация ветеранов революции, известная, как кооперативная артель «Краевед». Силами артели собирались воспоминания и другие материалы о революционных событиях¹.

В дни празднования 50-летия Томского университета в 1934 г. в Музее истории материальной культуры, бывшем этнолого-археологическом, было подготовлено три выставки. Открытие первой из них – «От первобытного коммунизма к классовому обществу по памятникам истории материальной культуры Северной Азии» – состоялось в день 1 Мая, а две другие – «Колониальная политика царизма в Северной Азии» и «Социалистическое строительство Горной Шории» – были приурочены к октябрьским праздникам. Тематически и территориально диссертантку привлекает устройство шорской выставки, на которой были представлены предметы бытовой повседневности и производства – мотыги, деревянные цепи, косы-горбуши, различные принадлежности охоты и рыболовства, а также деревянная и берестяная посуда, ткацкий станок, готовые холсты. Чтобы показать «социалистический путь развития» Горной Шории, организаторы выставки экспонировали карты рудных месторождений Южного Кузбасса, образцы руд и каменных углей. Тему культурного строительства в Горной Шории сопровождали слова И.В. Сталина: «И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей». В качестве иллюстрации к сказанному были выставлены диаграммы роста грамотности среди шорцев, диаграммы роста количества клубов, столовых, школ, красных уголков, детских садов и яслей. Тут же были представлены буквари,

¹ Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С.131.

брошюры по сельскому хозяйству и промышленности, многотиражки, стенгазеты отдельных предприятий, плакаты и лозунги на шорском языке. Этой праздничной выставкой, достаточно формальной и малосодержательной, Музей истории материальной культуры отчитался в выполнении «директив партии и правительства по углублению научно-исследовательской и политико-просветительной работы музеев СССР»¹.

Во второй половине 1930-х гг. в Музее Кузнецкого металлургического комбината, кроме специальных производственно-технических, устраивались выставки в День сталинской конституции, к годовщине «ленинско-сталинского комсомола». Проводились временные выставки, приуроченные к революционным годовщинам, к партийным конференциям и слетам передовиков производства, стахановцев. Нередко очередная выставка к Октябрьской годовщине организовывалась в здании городского театра и привлекала большее число посетителей из горожан².

Как видно по материалам сибирских музеев, выставки становились формой демонстрации достижений социализма и отчетами о таких достижениях. На протяжении 1920–1930-х гг. количество выставок стремительно росло. Так, в Новониколаевске, тогда административном центре огромного Сибирского края, в 1923 г. было проведено 20 тематических выставок, приоритетные направления были представлены материалами о развитии сельского хозяйства, промышленности и революционного движения в Сибири³. По мере изменения политических установок, в 1935 г. в Новосибирске было проведено уже 64 выставки. Приоритетная тематика отражала агитационно-пропагандистские задачи, выставочным объектом становились ударники, победители

¹ Квашнин Н. Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете // Советский музей. М., 1935. №3. С.73-74.

² Производственно-технический музей Кузнецкого металлургического комбината имени товарища Сталина // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1940. Т. 1. С.208. 210.

³ Советская Сибирь. Новониколаевск, 1923. 23 апр.

социалистического соревнования, итоги которого часто подводились к праздничным датам.

Темой музейных выставок становились праздничные и торжественные события коренных сибирских народов, например, День Советской конституции, на которых экспонировались памятники этнической культуры и церковно-религиозного наследия. В 1937 г. в Томском краеведческом музее была проведена выставка, приуроченная ко Дню сталинской конституции¹. Предположительно, на этой выставке экспонировались куклы, изготовленные художницей Е.Г. Мако-Тюменцевой. Одетые в национальные костюмы русских, узбеков, самоедов, африканцев и японцев (или китайцев), эти куклы должны были, вероятно, символизировать «дружбу народов», а в то же время и информировать посетителей о народной культуре (см. Приложение Р).

Обязательным на праздничных мероприятиях, в организации антирелигиозных «недель» (Красная пасха, Комсомольское рождество, а в 1930-х гг. – антипасхальная и антирождественская кампании) становилось устройство музейных выставок, привлекавших внимание горожан. А с созданием в музеях в конце 1920-х – начале 1930-х гг. антирелигиозных отделов формировались и постоянные экспозиционные комплексы разоблачительного и сатирического содержания.

Так, в Тобольском музее в 1929 г. в составе культурно-исторического отдела был организован антирелигиозный подотдел, перед которым была поставлена задача «выявить неизменно эксплуататорскую и реакционную роль духовенства всех времен и религий, в частности, контрреволюционную деятельность тобольского духовенства за последние десятилетия». В экспозиции подотдела, сформированной на базе церковного древлехранилища при Тобольском кафедральном соборе, были представлены бронзовые и серебряные божки в виде полуфантастических и стилизованных животных, «деревянные, грубо сделанные боги остяков, вогулов и самоедов», статуи

¹ История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т.11. С.114.

христианских святых, имевших распространение среди туземного населения XVIII–XIX вв., православные иконы (писанных масляными красками на холсте, на дереве, вышитые, вырезанные на камне и на дереве, гипсовый барельеф и живопись на стекле), кресты, в их числе – кресты-мощевики (содержавшие святые мощи) работы московского мастера Данила Семенова конца XVII в., церковное облачение, богослужебные предметы. С особым удовлетворением сотрудники подотдела показывали посетителям фотоснимки, на которых было зафиксировано «вскрытие мощей» тобольского святого Иоанна Максимовича. Вскрытие было устроено в 1922 г. на площади перед Тобольским кафедральным собором, и, по свидетельству присутствовавших на площади, в гробу были обнаружены не нетленные мощи, а «неумело подобранные кости и череп в архиерейской митре»¹.

По сути такие выставки и экспозиции были ответом сибирских музейщиков на Постановление коллегии Наркомата просвещения об антирелигиозном музейном строительстве. В Постановлении в частности говорилось: «Антирелигиозную пропаганду в экспозиции, этикетаже, при проведении экскурсий, индивидуальных консультаций, при проведении тех или иных массовых политико-просветительных мероприятий соответственно своим целевым установкам обязаны проводить все без исключения музеи какого бы типа они ни были». Постановление указывало на обязательное открытие антирелигиозных музеев, оформление антирелигиозных отделений в краеведческих музеях, организацию экспозиционной и выставочной работы по антирелигиозной тематике².

Антирелигиозные выставки нередко приурочивались к церковным праздникам и были обязательными для коллективных посещений, сопровождались экскурсиями, лозунговыми вывесками. Например, такими одинаковыми по содержанию и оформлению, как «Упорным

¹ Телишев И. Краткое описание антирелигиозного подотдела в Государственном музее Тобольского севера // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского севера. Тобольск, 1929. №1–2. С.40–44.

² Постановление коллегии Наркомпроса об антирелигиозном музейном строительстве // Советский музей. М., 1931. Т.1. С.127.

социалистическим трудом ударят трудящиеся Новосибирска по «св. пасхе!»), «Упорным социалистическим трудом ударят трудящиеся Томска по «св. пасхе!»»¹. И не случайно в Томском краеведческом музее планировалось провести 25 декабря 1935 г. антирождественскую кампанию, а в 1937 г. были организованы передвижные антирелигиозные выставки, во время показа которых читались лекции на антирелигиозные темы².

На тематических «антирелигиозных» выставках в музеях проводились беседы о происхождении человека, мира, о способах и приемах охоты первобытных людей. При этом, особый упор делался на показ «идеологически обесцененных религиозных идолов», на антирелигиозные сборники. Праздничные выставки, по рекомендациям партийно-советского руководства, проводились и в дни национальных празднеств. Так, в 1935 г. был подготовлен циркуляр отдела национальных меньшинств Западно-Сибирского крайисполкома, адресованный райисполкомам Западно-Сибирского края. В документе предписывалось в день празднование Сабантуя 1 июня 1935 г. провести разъяснительную кампанию и устроить передвижные выставки³.

Приведенные в главе материалы позволяют говорить, что музеям принадлежит ведущая роль в собирании, сохранении, экспонировании и популяризации памятников культурного наследия, в их числе различных атрибутов праздничного комплекса. В силу универсализма и многофункциональности музея как социокультурного института он сосредоточивает разнообразные культурные ценности праздничной сферы, способствует пониманию их научной и социокультурной значимости, организует познавательную и культурно-образовательную деятельность, популяризирует свои материалы и коллекции. По неполным данным, в

¹ ЦДНИ ТО. Ф.3. Оп.1. Д.35. Л.246.

² История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т.11. С.104, 114. 116.

³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп.1. Д. 2526. Л. 194-195.

музеях Западной Сибири удалось собрать и сохранить весьма представительный комплекс памятников праздничного наследия 1920–1930-х гг. Собранные музейные предметы и коллекции активно использовались в организации экспозиций, в проведении выставок, которые посвящались различным праздничным событиям и приурочивались к годовщинам Октябрьской революции, к профессиональным и гендерным праздникам. Посещение и осмотр музейных экспозиций и выставок в городах Западной Сибири в 1920–1930-х гг. и в более поздние времена представляли одну из форм праздничного времяпрепровождения и наряду с торжествами и другими досуговыми мероприятиями становились символами праздников.

Заключение

Праздники являются неотъемлемой частью культуры человечества. Зародившиеся на заре истории, праздники определяют своеобразие цивилизационного развития, придают ему цвет и аромат. Обладая широким спектром значений, праздник становится альтернативой будням, снимает социальную напряженность, обеспечивает жизнеутверждающие настроения, формирует комплекс культурных ценностей материального и духовного свойства, обогащая сферу культурного наследия. Движение по реке времени лишает праздники черт стихийности и самопроизвольности, они приобретают очертания организованного и направляемого действия, руководимого общественными и государственными институтами. В организации и проведении праздников происходит структурирование его компонентов, складываются формы, типы и виды празднеств, определяются материальные и духовные атрибуты, формирующие сферу культурного наследия.

Проведенное диссертационное исследование показывает, что городское население Западной Сибири выступает создателем и потребителем им же созданного праздничного комплекса, воссоздает традиции и создает элементы новаций. В изученный в диссертационной работе период 1920–1930-х гг. население западносибирских городов сохранило и активно использовало праздничные традиции, ритуалы и обычаи, сложившиеся в более ранний период. В то же время в новых социально-политических условиях двух послереволюционных десятилетий формировались новые праздники и новые способы их организации и проведения. Сложился комплекс праздников, который по целям, задачам и составу участников подразделяется на несколько типов: общегосударственные, социально-профессиональные, гендерные и поколенческие (молодежные) и праздники национальных меньшинств (нацмен). Эти праздничные типы вобрали в себя существовавшие до 1917 г. народные и общественные праздники,

переиначили и приспособили к новой исторической действительности прежние государственные и церковные праздники.

Институциональную основу формирования и реализации советской праздничной культуры составляли органы партийно-государственного руководства – исполкомы Сибирского / Западно-Сибирского краевого, губернских окружных и городских Советов депутатов, краевые, губернские, окружные и городские комитеты Коммунистической партии и комсомола, а также некоторые отделы и подотделы названных структур власти и управления (агитпроп, по работе с женщинами, нацмен и др.). Разработанные методические регламентации праздников реализовывали организаторы, на практике применявшие праздничные технологии. Они были ориентированы на массы, на вовлечение в торжество всех половозрастных и социально-профессиональных слоев населения. И все-таки для каждой из выявленных типологических праздничных групп были характерны свои формы, символы и знаки. Общегосударственные праздники 1 Мая, 7 Ноября, 5 Декабря охватывали все слои городского населения, включали все элементы праздничной структуры – досуг, торжества и отдельные игровые составляющие, находили выражение в организации митингов, демонстраций, праздничных вечеров. Все другие типы праздников проецировались на отдельные слои и прослойки горожан: рабочие и специалисты различных отраслей отмечали День Профинтерна, дни ударников, стахановские недели. Школьные и вузовские преподаватели праздновали юбилеи школ и вузов, в частности Томского государственного университета и Томского технологического / индустриального института, а также День школы, День книги, Международный день Всеобуча. Всенародным литературным праздником стало 100-летие гибели Пушкина, отмечаемое в 1937 г. Среди поколенческих и гендерных праздников особой массовостью и вниманием населения отличались 8 Марта, День комсомола, День Коммунистического интернационала молодежи, Международный юношеский день. Среди молодежных и женских праздников была сильна антирелигиозная

направленность, выражавшаяся в организации «комсомольского рождества», «красной пасхи». «красных крестин» и «красных свадеб». Под влиянием коммунистической идеологии и пропаганды праздники национальных меньшинств, например сабантуй, превращались в народные празднования, лишенные религиозно-духовной окраски.

Общим для всех городских праздников была широкая лозунговая пропаганда, направленная на городское население. Лозунговые материалы становятся эффективным инструментом мобилизации, регламентирующим временное пространство быта и досуга, заключая в себе коды социальной памяти и идеологических торжеств. Через лозунги и другие праздничные атрибуты (плакаты, календари, портреты партийных вождей) осуществлялось воздействие государственно-партийной идеологии на массы. Праздничные мероприятия служили механизмом социализации населения, политизации настроений.

Лозунги и визуальные, слуховые, цветовые и обонятельно-вкусовые знаковые средства, символизировавшие праздники, позволяют проследить динамику внутривнутриполитического развития советской Сибири, увидеть смену приоритетов, характерных для того времени. Следует отметить, что в авангарде реализации советской праздничной политики становятся города как многокомпонентная динамическая система с высокими социально-адаптивными возможностями населения. Массовые городские праздники подчиняются задачам формирования «нового типа человека», используются как инструмент социализации горожан. С детских лет участвуя в государственных празднествах, высоко адаптивное, морально готовое к новациям подрастающее поколение, становится социальной опорой новой государственной политики, исполняет миссию носителей «светлого будущего». Интенсивно обновляемая праздничная культура советских городов не исключала социально-классового взаимодействия, новые формы праздничных мероприятий ориентированы на массы, на вовлечение в торжества всех половозрастных и социально-профессиональных слоев

населения. Однако внутривластные изменения в советской России на рубеже 1920–1930-х гг., наступление эпохи «великого перелома» выразились в переориентации праздничных торжеств. Становилось заметным сужение праздничной аудитории, отсечение от участия в праздниках представителей так называемых непролетарских слоев и горожан, недовольных политикой Советской власти.

Изучаемые в диссертационной работе массовые городские праздники представляют собой специфическое явление культуры, которое, с одной стороны, является новационной формой досуга, с другой стороны, проводником государственных установок в социокультурном развитии, регламентирующих социальные нормы и культурные ценности. Все это обеспечивает значимость праздника и его атрибутов как памятников культурного наследия, требует их собирания, сохранения и изучения.

По материалам диссертации видно, что сбор, хранение и презентация праздничных атрибутов и артефактов проводились в музеях Западной Сибири с начала 1920-х гг. и ныне осуществляются в Интернете. Однако музейные собрания праздничной культуры отличаются неполнотой, нередко представлены случайными сборами, нуждаются в целенаправленном мониторинге и пополнении. Переосмысление значения праздничного комплекса в социокультурном развитии обеспечивает адекватные задачам способы и приемы сохранения и актуализации культурного наследия Западной Сибири.

Дальнейшие исследования могут быть посвящены методологическим разработкам в широких спектрах истории, музееведения и культурного наследия Западной Сибири, в учебной работе, в разработке лекционных курсов для студентов, получающих музееведческое / музеологическое или историческое образование, а также и в различных видах музейной деятельности: в научно-фондовой, научно-экспозиционной и культурно-образовательной работе.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1) Письменные источники

Законодательные и распорядительные акты

1. Двенадцатый съезд РКП (б): резолюция «О работе РКП среди работников и крестьянок»; резолюция «О работе РКСМ» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 125–126.
2. Двенадцатый съезд РКП (б): резолюция «О работе РКСМ» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 126–129.
3. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений за 1924 г. М., 1924. Отдел 1-й, № 18. С. 234–235.
4. Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы: [переиздание] // Охрана памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1973. С. 42–53.
5. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 31 с.
6. Конституция Союза ССР и Конституция Советских Социалистических Республик. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. 283 с.
7. О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР: Постановление ВЦИК 1 января 1934 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 3: 1930–1934. М.: Гос. Изд-во юрид. лит., 1949. С. 431–433.
8. Одиннадцатый съезд РКП (б): резолюция «По вопросу о работе среди работников и крестьянок» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1983. Т. 2. С. 528–529.
9. Постановление ВЦИК 1 января 1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 3: 1930–1934 гг. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1949. С. 431–433.
10. Постановление коллегии Наркомпроса об антирелигиозном музейном строительстве // Советский музей. М., 1931. Т. 1. С. 127.
11. Постановление СНК СССР «О дне физкультурника» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик. М., 1939. № 39. С. 580.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую

неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940. № 20. С.1.

Документы делопроизводства

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

13. Ф. 6126 (Комитет по организации торжественного заседания в день столетней годовщины восстания декабристов). Оп. 1. Д. 1.
14. Ф. А-305 (Всесоюзный пушкинский комитет РСФСР). Оп. 1. Д. 1.
15. Ф. А-629 (Государственный литературный музей Министерства культуры РСФСР и его предшественники). Оп.2. Д.2.
16. Ф. Р-393 (Народный комиссариат внутренних дел РСФСР). Оп. 1. Д. 1; Оп. 90. Д. 20, 23, 34, 48, 56, 57, 58, 79, 94, 109, 110; Оп.10. Д. 78.
17. Ф. Р-4346 (Научно-методическое общество «Международный красный стадион»). Оп. 1. Д. 1.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

18. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 60. Д. 10, 777, 791.

Государственный архив Кемеровской области (ГАКО)

19. Ф. Р-2 (Кемеровский городской отдел народного образования). Оп.1. Д. 1, 2.
20. Ф. Р-13 (Кемеровский городской совет профсоюзов). Оп.1. Д. 4.
21. Ф. Р-22 (Кузнецкий окружной исполнительный комитет). Оп.1. Д.2.
22. Ф. П-51 (Кузнецкий окружной комитет ВЛКСМ). Оп. 1. Д. 1, 4.
23. Ф. П-53 (Кемеровский городской комитет ВЛКСМ). Оп.1. Д. 9.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО)

24. Ф. П-2 (Сибирский краевой комитет ВКП(б)). Оп.1. Д.3; Оп.3. Д.1.
25. Ф. П-3 (Западно-Сибирский краевой комитет ВКП (б)). Оп.5. Д. 3; Оп. 10. Д. 4.
26. Ф. П-4 (Новосибирский областной комитет ВКП (б)). Оп. 13. Д.2.
27. Ф. П-18 (Новосибирский окружной комитет ВКП (б)). Оп. 1. Д. 33.
28. Ф. П-22 (Протоколы пленума и бюро городского комитета ВКП (б)). Оп. 1. Д. 6, 48, 50.
29. Ф. П-198 (Новосибирский городской комитет ВЛКСМ). Оп. 1. Д. 27, 94.

30. Ф. Р-1 (Сибревком). Оп. 1. Д. 858, 1262, 1287, 1623; Оп. 2. Д. 348; Оп. 9. Д. 59, 60.
31. Ф. Р-12 (Плановая комиссия Запсибкрайисполкома). Оп. 3. Д. 276.
32. Ф. Р-47 (Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 412, 2526; Оп. 4. Д. 3.
33. Ф. Р-61 (Сибирский краевой совет народного образования). Оп. 1. Д. 449.
34. Ф. Р-532 (Отдел труда Исполнительного комитета Западно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Новосибирск). Оп. 1. Д. 1120.
35. Ф. Р-896 (Западно-Сибирское краевое управление театрального и зрелищного предприятия). Оп. 1. Д. 12.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

36. Ф. Р-28 (Отдел народного образования Томского губисполкома). Оп. 1. Д. 67.
37. Ф. Р-430 (Томский городской Совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 32, 574, 633, 688.
38. Ф. Р-815 (Томский государственный университет). Оп. 1. Д. 480.

Исторический архив Омской области (ИАОО)

39. Ф. П-528. Оп. 3. Д. 2.

Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области
(НФ ГАКО)

40. Ф. П-1. Новокузнецкий городской комитет ВКП (б). Оп. 1. Д. 3, 7.
41. Ф. Р-1. (Новокузнецкий городской исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 1; Оп. 5. Д. 92. Ф. Р-1.

Центр документации новейшей истории Томской области
(ЦДНИ ТО)

42. Ф. 1 (Томский губернский комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 145, 1389.
43. Ф. 3 (Томский губернский комитет РЛКСМ). Оп. 1. Д. 35, 41, 338; Оп. 2. Д. 4.
44. Ф. 4 (Томский уездный комитет РКП (б)). Оп. 1. Д. 467; Оп. 2. Д. 1.
45. Ф. 80 (Томский городской комитет КПСС). Оп. 1. Д. 211, 268, 791; Оп. 2. Д. 2.
46. Ф. 4204 (Документы о борьбе за установление Советской власти и социалистическом строительстве). Оп. 1. Д. 36-б.

Публицистика и агитационные материалы

47. Калинин М.И. О некоторых вопросах агитации и пропаганды: [переиздание]. М., 1958. 84 с.
48. Комсомольское рождество. М., 1923. 25 с.
49. Комсомольская пасха. М., 1924. 30 с.
50. Кузнецова А.Д., Магидсон А.С., Щушш Ю.П. Оформление города в дни революционных празднеств. М.; Л., 1932. 50 с.
51. Опыт организации массового празднества / под ред. А.С. Гущина. М., 1931. 88 с.
52. Опыт работы комсомола доменного цеха Кузнецкстроя. Омск, 1932. 60 с.
53. 15 лет Октября и рабочая молодежь. В помощь ячейковому и групповому агитатору. М., 1932. 35 с.

Документальные публикации

54. Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933-1937 годы): сб. документов / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, Л.С. Пащенко. Новосибирск: Сова, 2004. 352 с.
55. Доклад заведующей дошкольной секцией при Сургутском уездном отделе наробраз М.В. Тарасовой // Подорожник: краеведческий сб. / ред. В.К. Белобородов. Тюмень: Вектор бук, 2002. Вып. 1. С.18-19.
56. Институты управления культурой в период становления. 1917 – 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы / Гл. ред. К. Аймермахер. М.: РОССПЭН, 2004. 312 с.
57. История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т.11. С.3-177.
58. История Томского политехнического института в документах. Т.2: 1918-1945: сб. документов и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 200 с.
59. Томские женщины. XX век: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2003. 365 с.
60. Переключки поколений / сост. А.П. Акаченко, М.И. Чугунов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. 304 с.
61. Руководители Томского краеведческого музея / Сост. О.П. Галанова, Н.Л. Сенюкова // Труды Томского областного краеведческого музея / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2002. Т.11. С. 160-177.

Периодические и продолжающиеся издания

62. Алтайская правда. Барнаул, 1937.
63. Большевик. Новониколаевск, 1923-1927.
64. Большевик Кузбасса. Кузнецк, 1931-1932.
65. Большевицкая сталь. Сталинск, 1932-1940

66. Борьба за уголь. Анжеро-Судженск, 1930-1931.
67. В помощь вожатому. М., 1928-1933.
68. Еженедельник Народного комиссариата просвещения. М., 1923-1925.
69. Забой. Прокопьевск, 1930-1935.
70. Историко-революционный календарь 1940 г. М., 1939.
71. Календарь антирелигиозника на 1939 год. М., 1938.
72. Календарь антирелигиозника на 1941 год. М., 1940.
73. Календарь. Воинствующий безбожник. М., 1931.
74. Комсомолец. Томск, 1924-1925.
75. Красная сибирячка. Новониколаевск / Новосибирск. 1922-1939.
76. Красная Шория. Таштагол, 1931, 1934, 1937, 1939.
77. Красное знамя. Томск, 1921-1940.
78. Ленинские внучата. Омск, 1934-1937.
79. Ленинский шахтер. Ленинск-Кузнецкий, 1930-1933.
80. Молодой большевик. Омск, 1924-1940.
81. Настольный крестьянский календарь на 1927 год. М., 1926.
82. Омская правда. Омск, 1934-1940.
83. Омский железнодорожник. Омск, 1936.
84. Пионерская правда. М., 1925.
85. Пропагандист. Новосибирск, 1927-1928.
86. 15-й МЮД. Омск, 1929.
87. Сибирский гудок. Томск, 1932.
88. Сибирский детский журнал. Новосибирск, 1928-1929.
89. Сибирский настольный календарь на 1925 год. Новониколаевск, 1924.
90. Сибирский настольный сельскохозяйственный и промышленный календарь на 1925 г. Новониколаевск, 1925.
91. Советская Сибирь. Новониколаевск / Новосибирск, 1920-1940.
92. Сибирский стрелок. Новониколаевск, 1923-1924.
93. Томская работница. Томск, 1920.
94. Трибуна ударника. Новосибирск, 1931-1932.
95. Ударник. Новосибирск, 1930.
96. Ударник Кузбасса. Прокопьевск, 1936-1937.
97. Юный алтаец. Барнаул, 1920.
98. Юный коммунист. М., 1925.
99. Юный ленинец. Новосибирск, 1934-1936.

Источники личного происхождения

100. Аверичева В.Е. Учеба и быт студентов ТГУ 30-х гг. // Физики о физике и физиках / под ред. И.Н. Анохиной. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. С.150-153.
101. Белов К.П. О моей жизни. Омск: Издательский дом «Лео», 2005.

160 с.

102. Диктор радио: из воспоминаний Галины Васильевны Лыбиной // Томские женщины. XX век: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2003. С.180-189.

103. Коптелов А.Л. Василий Непомнящих // Коптелов А.Л. Минувшее и близкое: воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С.242-253.

104. Кузнецов А.В. Мой Сургут. Ханты-Мансийск, 1996. 70 с.

105. Пирожкова А.Н. Я пытаюсь восстановить черты: о Бабеле и не только о нем: воспоминания. М.: АСТ, 2013. 605 с.

106. Суслова В.Н. Учеба, прерванная войной // Там же. С.159-163.

107. Телегина Г.И. Прожитое и пережитое. Книга воспоминаний. Томск: Этноформула, 2014. 320 с.

108. Харченко Л.П. Две жизни, одна судьба. Музеи в Сибири: историко-мемуарное издание. Новосибирск, 2010. 312 с.

Музеографические и справочные издания

109. Выставка «Дочери Сарры»: каталог / сост. Т.Ю. Назаренко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 102 с.

110. Новосибирск: путеводитель-справочник / ред.-сост. Г. Прашкевич. Новосибирск, 1976. 191 с.

111. Пламя Победы: каталог выставки / Музей г. Северска. Северск, 2015. С.56.

112. Путеводитель по фондам музеев Новосибирской области / отв. ред. А.В. Шаповалов. Новосибирск, 2012. Т.1. 404 с.

113. Путеводитель по фондам Новосибирского государственного краеведческого музея / отв. ред. А.В. Шаповалов. Новосибирск, 2011. 402 с.

114. Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. Свердловск, 1980. 160 с.

115. Тюмень: путеводитель-справочник / науч. ред. П.И. Рощевский. Свердловск, 1974. 144 с.

2) Электронные источники

116. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации: перспективы развития: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/for-museums/docs?id=171>. Дата обращения: 17.11.2017.

117. Демонстрация 7 ноября 1940 г. в г. Сталинске // Из личного архива Д.И. Шушуева и В.Т. Титовой: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://humus.livejournal.com/2988203.html>. Дата обращения: 10.09.2017.

118. Знак памяти В.И. Ленина // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/> Дата обращения: 12.11.2017.

119. Кружок омских физкультурниц 8 марта 1935 г.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1840-1999/?page=2&query=%D0%B3.+%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA&paginate_page=2&index=5 Дата обращения: 17.11.2017.

120. К.С. Петров-Водкин. Блюдо «Свадебное». 1923 г.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/> Дата обращения: 01.10.2017. Дата обращения: 17.10.2017.

121. Муниципальное автономное учреждение культуры музей-заповедник «Кузнецкая крепость»: виртуальные фондовые коллекции: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kuzn-krepost.ru/fondy-kollektsii/kollektsii/dokumentalnyj-fond/9-kollektsii/328-df-fotografii-xix-xx-vekov.html>. Дата обращения: 17.10.2017.

122. Открытие памятника борцам революции: фото 1936 г. // ИАОО. Ф. П-528. Оп. 3. Д. 1. Л.84: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iaoo.ru/note15.html>. Дата обращения: 15.11.2017.

123. Парк культуры и отдыха ударников, 1940-е гг. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://barnaul.fm/2015/05/18/progulki-po-barnaulu-1930-x-chast-pervaya/> Дата обращения: 17.11.2017.

124. Патефон «Victrola», хранится в Новокузнецком краеведческом музее: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=1848>. Дата обращения: 17.11.2017.

125. Первомай в Барнауле, 1930-е гг. // Из личного архива Д. Шушуева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/>. Дата обращения: 10.10.2017.

126. Первомайский праздник студентов педагогического училища, 1930-е гг. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/>. Дата обращения: 15.11.2017.

127. Плакат «Долой церковные праздники!». 1929 г. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/> Дата обращения: 17.11.2017.

128. Прокопьевский городской краеведческий музей: коллекция елочных игрушек: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prk-museum.ru/index.php/kollektsii/fondovye-kollektsii/480-geroj-sotsialisticheskogo-truda-zheltukhin-aleksej-mikhajlovich>. Дата обращения: 16.10.2017.

129. Стенгазета общества Динамо; спортивный праздник к 15-летию КИМ // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим

доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 17.10.2017.

130. Патефон «Victrola», хранится в Новокузнецком краеведческом музее: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=1848>. Дата обращения: 14.09.2017.

131. Физкультурный парад в Барнауле: фото 1930-х гг. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 17.10.2017.

3) Изобразительные источники

132. Новосибирск: [фотоальбом] / сост. Н. Мейсак; ред. А. Андреев. М., 1965. 96 с.

133. Памятник-обелиск борцам за Советскую власть в Томске / фото В. Кондратьева: открытка, изд. в 1960-х гг.

134. Парк культуры в г. Сталинске: фото 1936 г. // Новокузнецкий краеведческий музей. НКМ. КП 13_118. № ВС 4497.

135. Первомайская демонстрация. 1931 г. // Колпашево: город на Оби: [комплект открыток] / Колпашевский краеведческий музей. Колпашево, 2009.

136. Томск: фотоальбом / сост. Б.Я. Баянов, А.Ф. Пасечник. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 108 с.

137. Томский государственный университет, украшенный к празднику 1 Мая: фото 1940 г. // Музей истории ТГУ. Б/н.

138. Фрагмент музейной выставки, посвященной 10-й годовщине Октябрьской революции. Томский краевой музей, 1927 г. // Томский областной краеведческий музей. ФФ 3620_1.

4) Вещественные источники

139. Знамя красное, атласное, двустороннее. 1939 г. // Гурьевский городской краеведческий музей. ГКМ ОФ 4472.

140. Знамя Томской артиллерийской школы. 1931 г. // Томский областной краеведческий музей. ТОКМ. № 2474/34.

141. Сувенирные куклы Е.Г. Мако-Тюменцевой // Томский областной краеведческий музей. НВ 7/3, НВ 7/4, НВ 7/5, НВ 7/6.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамян Л.А. Время праздника // Отечественные записки. М., 2003. № 1. С. 14–19.

2. Андреева Е.А. «А вот и я, развеселый потешник...» // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 2003. №2. С. 9-12.

3. Арнаутова Ю.Е. От мемуаров к «истории памяти» // Одиссей: человек в истории. М., 2003. С. 170-198.
4. Барнаул: энциклопедия / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2000.
5. Баташов Н.В. Советский джаз. М., 1972. 180 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. 543 с.
7. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма: философия существования / сост. Ю.А. Сандулов; науч. ред. А.С. Колесников, В.П. Сальников. СПб.: Лань, 1999. 244 с.
8. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М.: Наука, 1978. 200 с.
9. Булдаков В.П. Современная историографическая ситуация и музейные экспозиции: виртуальное и / или материальное? // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М., 2002. С.107-115.
10. Буторин В.П. Рабочие клубы в Западной Сибири (1928-1932 гг.) // Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1973. С.156-164.
11. Вибе П.П. Генерал-губернаторский дворец в Омске как памятник истории // Вибе П.П. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. Омск: Омскбланкиздат, 2015. С.33-39.
12. Вибе П.П. Мемориальный сквер «Памяти борцов революции» // Вибе П.П. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. Омск: Омскбланкиздат, 2015. С.49-55.
13. Викторов Ю. Нужен почин // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов. М., 1929. № 98. С.5.
14. Воскобойников О.С., Бондаренко Г.В. Заключение: [к замыслу круглого стола «Время и пространство праздника»] // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2005. С.119-121.
15. Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Высшая школа, 1975. 280 с.
16. Генкин Д., Конович А. Массовые театрализованные праздники и представления. М: Высшая школа, 1985. 250 с.
17. Гершуни Е.П. Массовые зрелища и народные представления. Л., 1962.
18. Голубев А.В. Образ Европы в советской карикатуре 20-30-х годов // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2005. Вып.5. С.273-294.
19. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920 – 2000-е гг.): дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. 237 с.
20. Гришин В.Ф., Ивонин А.Р., Кладова В.П. и др. Барнаул. Летопись города. Барнаул, 1994. Ч.1-2.

21. Грушин Б. Свободное время. Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. М., 1966. 48 с.
22. Гужова И.В. Целостная модель праздника как феномен культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 7(58), серия гуманитарных наук. С. 92-95.
23. Гуревич А.Я. Понимание истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. М.: Наука, 2001. С.166-174.
24. Гурьевск: страницы истории / отв. ред. В.А. Просеков. Кемерово, 2008. 180 с.
25. Дмитриенко Н. Революция: сто лет борьбы и труда // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. №30. С.1.
26. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII-XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 347 с.
27. Дмитриенко Н.М. История Томска: книга для старшеклассников и студентов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.
28. Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А. Российское музееведение 1930 – 2010-х гг.: опыт историографического изучения // Вестник Томского государственного университета. 2016. №405. С.70–81.
29. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 381. С. 119–122.
30. Дмитриенко Н.М., Ларьков Н.С., Косых Е.Н. и др. Томск. История города от основания до наших дней. 2- изд., испр. и доп. Томск, 2004. 463 с.
31. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6. С.193–198.
32. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году. Томск: Издательский дом ТГУ, 2017. 184 с.
- а. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. №404. С.67-76.
33. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90.
34. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Николай Михайлович Карамзин: у истоков изучения музейного дела в России // Вестник Томского государственного университета. 2015. №398. С. 55–63.
35. Дружинин Н.М. Методы историко-революционной экспозиции // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С.615-617.

36. Дубнер П.М. Советский календарь // Огонек. М., 1929. № 40. С.14-21.
37. Жарков А.Д. Революционные праздники и их воспитательное значение. М., 1989. 200 с.
38. Жигульский К. Праздник и культура. Пер. с польского. М.: Прогресс, 1985. 336 с.
39. Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М.: Искусство, 1981. 160 с.
40. Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 478 с.
41. Закс А.Б. Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. М., 1965. № 5. С.163-170.
42. Золотова Т.Н. Праздничное пространство омской городской культуры от эпохи Петра I до наших дней: трансляция исторической памяти и формирование толерантности музейными средствами // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура): материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 2010. С. 133-141.
43. Зюзькин Ю. Западноевропейские мотивы в архитектуре Кемерово // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово, 1992. Вып.2. С.87-92.
44. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988. 241 с.
45. Исаенко В.П. Праздничная культура русского народа как ценностно-адаптационный феномен. Челябинск, 2005. 220 с.
46. Каверина Е.А. Праздник как эстетический и социальный феномен // Вестник Томского государственного университета. 2009. №324. С. 119-122.
47. Квашнин Н. Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете // Советский музей. М., 1935. №3. С.73-74.
48. Колоскова Т.Г. Советский политический плакат как исторический источник (по материалам выставок «Символы эпохи в советском плакате») // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. М., 2001. С.328-334.
49. Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М.: Высшая школа, 1990. 208 с.
50. Констанс Е.В. Сохранение национальных традиций у немцев Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 38–44.
51. Коптелов А.Л. Николай Улагашев // Коптелов А.Л. Минувшее и близкое: воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С.200-220.
52. Коптелов А.Л. Павел Кучияк // Коптелов А.Л. Минувшее и близкое: воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С.47-103.

53. Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск: Сред.-Урал. Кн. изд-во, 1986. 320 с.
54. Корни Ф.К. Истина и поэзия. Десятая годовщина Октября / пер. с англ. В.Макарова // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2015. №3 (101). С.18-43.
55. Красильникова Е. Революция, память, беспамятство // Сибирские огни. Новосибирск, 2016. №2. С. 10-17.
56. Красильникова Е.И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – начало 1941 гг.). Новосибирск, 2008. 300 с.
57. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. 403 с.
58. Кудайбергенов Б.Г. Культура современных праздников и обрядов. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1982. 72 с.
59. Кузбасс: страницы истории / Н.П. Шуранов, И.Ю. Усков. 2-е изд. Кемерово: СКИФ; ОАО «ИПП «Кузбасс»», 2006. 320 с.
60. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч.1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С.96-172.
61. Кузнецкий музей // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск]: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2. Стб. 1093.
62. Куприянов А.Н. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX, 1995. 157 с.
63. Кустова М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2015. №3 (101). С.57-77.
64. Лазарева Л.Н. История и теория развития праздников. Челябинск, 2003. 251 с.
65. Леонова Т.Г. Эволюция жанра сказки в условиях современности. (По материалам Омской области) // Сибирский фольклор. Омск, 1965. Вып. 1. С.99-120.
66. Лихачев Д.С. О культуре // Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. С.257-293.
67. Лихачев Д.С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. № 3. С. 3-12.
68. Лихачев Д.С. Память преодолевает время // Наше наследие. М., 1988. № 1. С. 1–4.
69. Лихачев Д.С. Предисловие // Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации. М., 1981. С.41-46.
70. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.

71. Лозовая Л.А. История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е - начало 1990-х годов): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 222 с.
72. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 447 с.
73. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. 362 с.
74. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т.1. С.13-22.
75. Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры IX – XIX веков // Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 112-115.
76. Лукиева Е.Б. Из истории Сибирского тюрко-татарского педагогического техникума в г. Томске в 20-е годы // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. (Национально-культурная панорама Томской области). Томск, 2000. С.93-97.
77. Лукинский Ф.А. О задачах, характере и сроках осуществления культурной революции // Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972. С. 48-54.
78. Луначарский А.В. Месяц по Сибири. Л., 1929. 94 с.
79. Максютин Н. Ф. Культурологические аспекты праздника. Казань, 1996. 92 с.
80. Малахатко У.В. Русская вышивка в собраниях Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып.2. С.293–296.
81. Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. 182 с.
82. Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920-х гг. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С.21-40.
83. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. 400 с.
84. Марченко Ю.Г. Начало советского музыкального просвещения в Сибири // Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1973. С.44-50.
85. Марченко Ю.Г. Очерк истории культурного развития рабочих Сибири (1920–1928). Новосибирск, 1977. 55 с.
86. Марченко Ю.Г. Сибгосопера – центр музыкального просвещения Сибири 20-х годов // Бахрушинские чтения. Вып.1: Вопросы истории Сибири советского периода. Новосибирск, 1973. С.73-80.
87. Меньков С.В. Процесс организации советских государственных праздников на Алтае в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 84–87.

88. Михайлов С.В. Государство и церковь: отношения органов власти. Архангельск, 1998. 230 с.
89. Мохонько А.П. И настроение, и вкус // Советская. эстрада и цирк. М., 1987. №2. С.7.
90. Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М: ВК, 2010. 676 с.
91. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. 170 с.
92. Некрылова А. Традиции русской культуры в массовых народных праздниках // Традиционная народная культура. М., 1995. 190 с.
93. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.
94. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Л., 1984. 300 с.
95. Немиров О. В. Праздничный город. Л., 1987. 198 с.
96. Никиенко И.В., Денисов В.Н., Яковенко А.В. Пушкинские юбилеи и памятные даты в Томске: хроника событий 1887-1949 // Пушкинский Томск: краеведческо-библиографический сб. / отв. ред. О.Г. Никиенко. Томск, 1999. С.82-115.
97. Никиенко О.Г. Имя поэта в городской топонимике и названиях учреждений // Пушкинский Томск: краеведческо-библиографический сб. Томск, 1999. С.36-45.
98. Новицкий В.М. Туземный отдел Тобольского государственного музея (краткий очерк к 5-летию его организации). [Тобольск], 1928. 13 с.
99. Новосибирск. 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. 472 с.
100. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1949. 1200 с.
101. Октябрьская И.В., Асташкина Т.А. Из истории формирования этнографических фондов Томского краеведческого музея: коллекции и персоналии // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т.8. С.88-97.
102. Орлов О.Л. Историко-культурные аспекты Новогоднего и Рождественского праздников // Клио: журнал для ученых. М., 2001. № 3(15). С.31-39.
103. Орлов О.Л. Праздничная культура России. СПб., 2001. 160 с.
104. Павлина Г.И. Музей как центр сохранения культурных традиций общества // Краеведение Сибири: история и современные проблемы: тезисы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С.123-125.
105. Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области // Антология омского краеведения. Т.1: Избранные труды А.В. Палашенкова. Омск: Омскбланкиздат, 2013. С.92-221.
106. Паскаль Б. Мысли: [Переиздание]. М., 1998. 288 с.

107. Петрухин В.Я. «Праздник» в средневековой Руси: к проблеме исторической специфики // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2005. С. 81-88.
108. Плугин В.А. Изобразительные источники // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. Т.1: А – М. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. С.212.
109. Полищук Н.С. Развитие русских праздников // Русские. М., 2005. С. 573–601.
110. Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. М., 1987. № 6. С. 3–15.
111. Полоницкая Л.П. Пролеткульт в фотографии. Дань традициям, черты нового // Омский краевед: научно-популярный альманах. Омск, 2004. №2. С.120-127.
112. Попова В.Н. Праздник как форма культурной памяти: проблема «забвения» и реконструкции прошлого // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. №1 (87). С. 6-17.
113. Попова В.Н., Шумихина Л.А. Трансформация форм праздничной культуры: игровой аспект // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2008. №55. С. 25-34.
114. Поспелов Г. Искусство городских низов // Декоративное искусство. М., 1990. №11. С.30-31.
115. Производственно-технический музей Кузнецкого металлургического комбината имени товарища Сталина // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1940. Т. 1.
116. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. 176 с.
117. Пыляев М.И. Старое житье. Замечательные чудачи и оригиналы: [переиздание]. СПб.: Паритет, 2003. 656 с.
118. Рассамахин Ю.К. Очерки истории Колпашевского района // Земля Колпашевская: сб. научно-популярных очерков / под ред. Я.А.Яковлева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С.275-415.
119. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
120. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Издательский дом «Наука», 2004. 292 с.
121. Серякова Н. А. Развлечения на масленицу в Томске во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 69-81.
122. Славнин П. Каменский музей Новониколаевской губернии // Известия Центрального бюро краеведения. М., 1925. №4. С. 114.

123. Славься, университет! Иллюстрированные страницы истории ТГУ / сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 320 с.
124. Слюсаренко М.А., Сысоева Л.С. Праздник: событие и смысл. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2015. 228 с.
125. Слямзина Р.Б. Государственная охрана традиционного деревянного зодчества в Ямало-Ненецком автономном округе // Культуры и народы Северной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып.2. С.364–371.
126. Смирнова В.И. Изучение досуга и развлечений крестьян краеведами Западной Сибири // Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 30-40.
127. Соловьев П.В. Физическая культура и спорт в социокультурном развитии сибирского города Томска (1920-1941 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2007. 197 с.
128. Соловьев С.М. Сто свадеб в Астрахани // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России: [переиздание]. М.: Правда, 1989. С.584-590.
129. Соскин В.Л. К вопросу о периодизации культурного строительства в Сибири (1917-1929 гг.) // Бахрушинские чтения. Вып.3: Сибирь в эпоху социализма. Новосибирск, 1968. С.26-37.
130. Соснина О. Пролетарский фарфор // Наше наследие. М., 1991. №6. С.130-135.
131. Степанов Н.П. Народные праздники на святой Руси. СПб., 1900. 80 с.
132. Телишев И. Краткое описание антирелигиозного подотдела в Государственном музее Тобольского севера // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского севера. Тобольск, 1929. №1–2. С.39–44.
133. Терещенко А.В. Быт русского народа: [переиздание]. М.: Терра, 2001. 416 с.
134. Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 312 с.
135. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Репринтное издание / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 1. 623 с.
136. Томилов И.С., Федотова Д. Ю. Традиции празднования юбилейных дат в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С.145-147.
137. Томилов Н.А. Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества // Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: избранные научные работы: в 2 ч. Ч.1: Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2016. С.95-100.
138. Томилов Н.А. Социальная значимость музейного историко-культурного наследия // Культуры и народы Северной Азии в контексте

междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып.2. С.42–44.

139. Томилов Н.А. Социальные функции и роль историко-краеведческих работ музеев (по материалам Омского региона) // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М., 2015. С. 679-695.

140. Томилов Н.А., Макаров Ю.А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (краткий исторический очерк) // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. С.5-39.

141. Томск: история города в иллюстрациях. 1604-2004 / сост. О.В. Патрица, Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 600 с.

142. Томская область. Исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 656 с.

143. Томский областной краеведческий музей: из прошлого в будущее / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 186 с.

144. Томский политехнический университет: история в иллюстрациях / сост. С.И. Никифоров. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2016. 352 с.

145. Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900 – 25 октября – 1925. (Юбилейный сборник). Томск, 1928. 173 с.

146. Томский университет: 130 лет в истории России. 1878-2008 / сост. С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Е.М. Игнатенко и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 244 с.

147. Топычканов А.В. Охрана и музеефикация культурного наследия России в XVIII – начале XX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С.327-354.

148. Третьяков С. Как десятилетие: [публикация статьи 1927 г.] // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2015. №3 (101). С.6-9.

149. Туманов И.М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. Л., 1974. 80 с.

150. Усков И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 82 с.

151. Фонды - основа музейной жизни // Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М: ВК, 2010. С.289-306.

152. Фролова А.В. Праздники русских Архангельского Севера в XX – начале XXI века (традиции и инновации). М., 2006. 120 с.

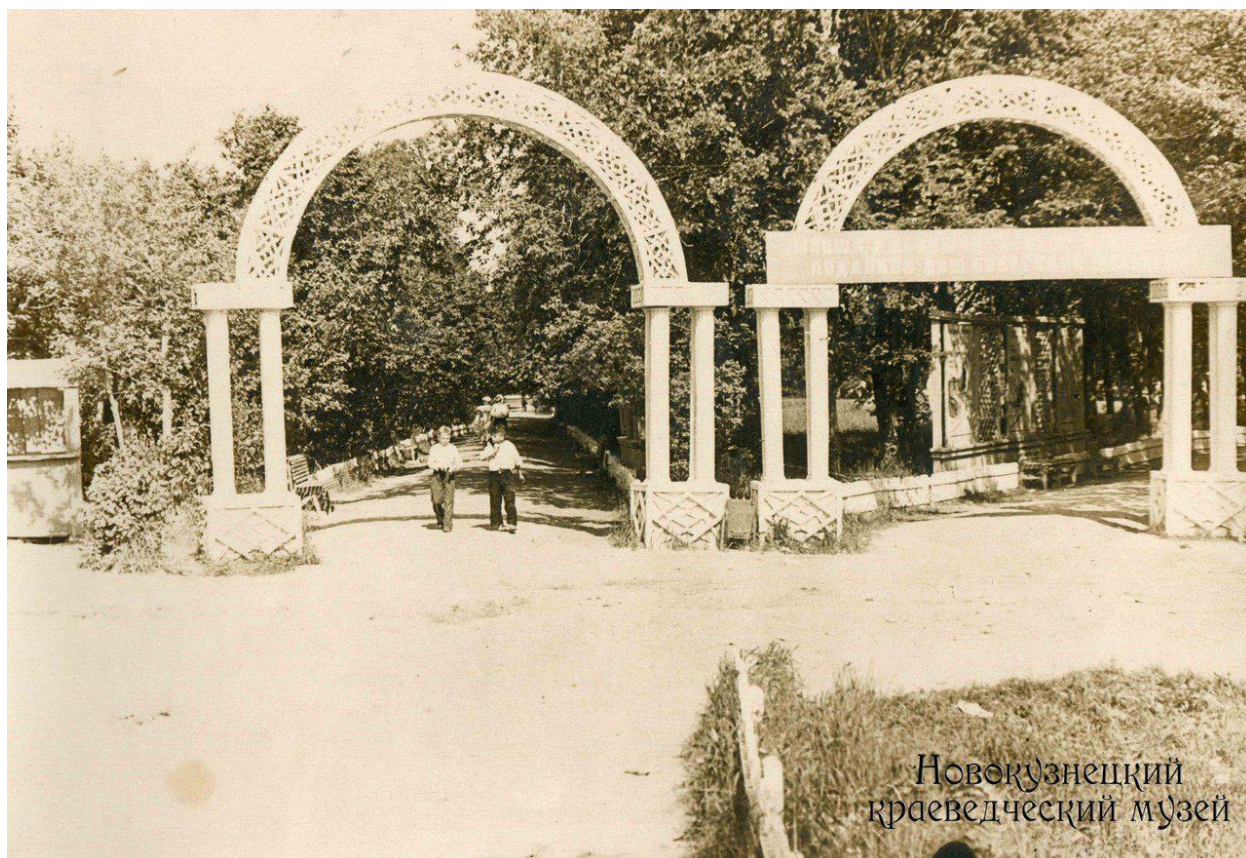
153. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: историко-философский очерк. М., 2001. 85 с.

154. Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М.: Международные отношения, 2002. 90 с.

155. Хроника музеев: Музей Революции // Музей. Пг., 1923. №1. С.60-62.
156. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1989. 511 с.
157. Чеканцева З.А. Праздник и бунт во Франции между фрондой и революцией // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2005. С.49-67.
158. [Черемных Г.] Музеи // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск]: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. Стб. 575-577.
159. Чернова Т.Д. Выставка «Пасха – светлое Христово воскресение» в залах музея // Краеведение Сибири: история и современные проблемы: тезисы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С.108-109.
160. Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С.5-8.
161. Чечетин А.И. Искусство театрализованных представлений. М., 1988. 192 с.
162. Чечетин А.И. История массовых народных празднеств и представлений. М., 1976. 204 с.
163. Чечетин А.И. Основы драматургии театрализованных представлений. М., 1981. 288 с.
164. Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.
165. Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 23 с.
166. Шаповалов С.Н. Становление и развитие советских государственных праздников в XX веке // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы IX международной научной конференции. Иваново, 2010. Ч. 2. С. 729–736.
167. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского и М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т.1. С.1-37.
168. Шатилов М.Б. Обзор деятельности Томского краевого музея (1927-1928 гг.) // Труды Томского краевого музея. Томск: Изд-во «Красное знамя», 1929. Т.2. С. 92-104.
169. Швейковская Е.Н. Прокопьевская трапеза: праздник и повседневность на Русском Севере в XVII веке // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 1999. С.15-19.
170. Шемякина О.Д. Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // Общественные науки и современность. М., 2011. №1. С 106-116.
171. Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 54 с.

172. Шилова С.В. Досуговая деятельность клубов г. Томска (1920-е годы) // Этюды культуры: материалы Всероссийской научной конференции. Ч.1: Музеология и культурное наследие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С.121-123.
173. Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Шмидт С.О. Путь историка: избранные руды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 73-91.
174. Шулепова Э.А. Наследие и современность: проблемы изучения и сохранения // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: материалы Международной конференции. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. С.3-10.
175. Шумилов А.И. Исторические отделы музеев Сибири (создание и деятельность в 1920-1930-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2008. №14. С.11-19.
176. Щербинин А.И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России // Вестник Томского государственного университета. Серия: философия, политология, история. 2008. №. 2. С. 52–69.
177. Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. М., 1999. 360 с.
178. Якобсон С., Лассвелл Г.Д. Первомайские лозунги в советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 1 (21). С. 123–141.
179. Blackburn B., Holford-Strevens L. The Oxford Companion to the Year. Oxford, 1999. 300 p.
180. Geldern J. Bolshevik Festivals 1917-1920. Berkeley, 1993. 350 p.
181. Petrone K. «Life Has Become More Joyous, Comrades»: celebrations in the time of Stalin. Bloomington, 2000. 300 p.

Приложение А

Парк культуры в г. Сталинске, 1936 г. ¹

¹ Новокузнецкий краеведческий музей. НКМ. КП 13_118. № ВС 4497.

Приложение Б

Открытие памятника борцам революции в Омске 15 июня 1923 г.¹

¹ Открытие памятника борцам революции: фото 1936 г. // ИАОО. Ф. П-528. Оп. 3. Д. 1. Л. 84: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iaoo.ru/note15.html> Дата обращения: 10.09.2017.

Приложение В

Демонстрация на площади Побед в г. Сталинске 7 ноября 1940 г.¹

¹ Демонстрация 7 ноября 1940 г. в г. Сталинске // Из личного архива Д.И. Шушуева и В.Т. Титовой: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://humus.livejournal.com/2988203.html>. Дата обращения: 17.11.2017.

Приложение Г

Первомайская демонстрация в Барнауле, 1930-е гг.¹

¹ Первомай в Барнауле, 1930-е гг. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 01.10.2017.

Приложение Д

Томский государственный университет в день 1 Мая¹

¹ Томский государственный университет, украшенный к празднику 1 Мая: фото 1940 г. // Музей истории ТГУ. Б/н.

Приложение Е

Знамя Томской артиллерийской школы¹

¹ Знамя Томской артиллерийской школы. 1931 г. // Томский областной краеведческий музей. ТОКМ. № 2474/34.

Приложение Ж

Патефон «Victrola», 1930-е гг.¹

¹ Патефон «Victrola», хранится в Новокузнецком краеведческом музее: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=1848>. Дата обращения: 10.11.2017.

Приложение И

Парк культуры и отдыха Барнаульского меланжевого комбината¹

¹ Парк культуры и отдыха ударников, 1940-е гг. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://barnaul.fm/2015/05/18/progulki-po-barnaulu-1930-x-chast-pervaya/> Дата обращения: 12.10.2017.

Приложение К

Барнаульские дети подготавливаются к празднованию

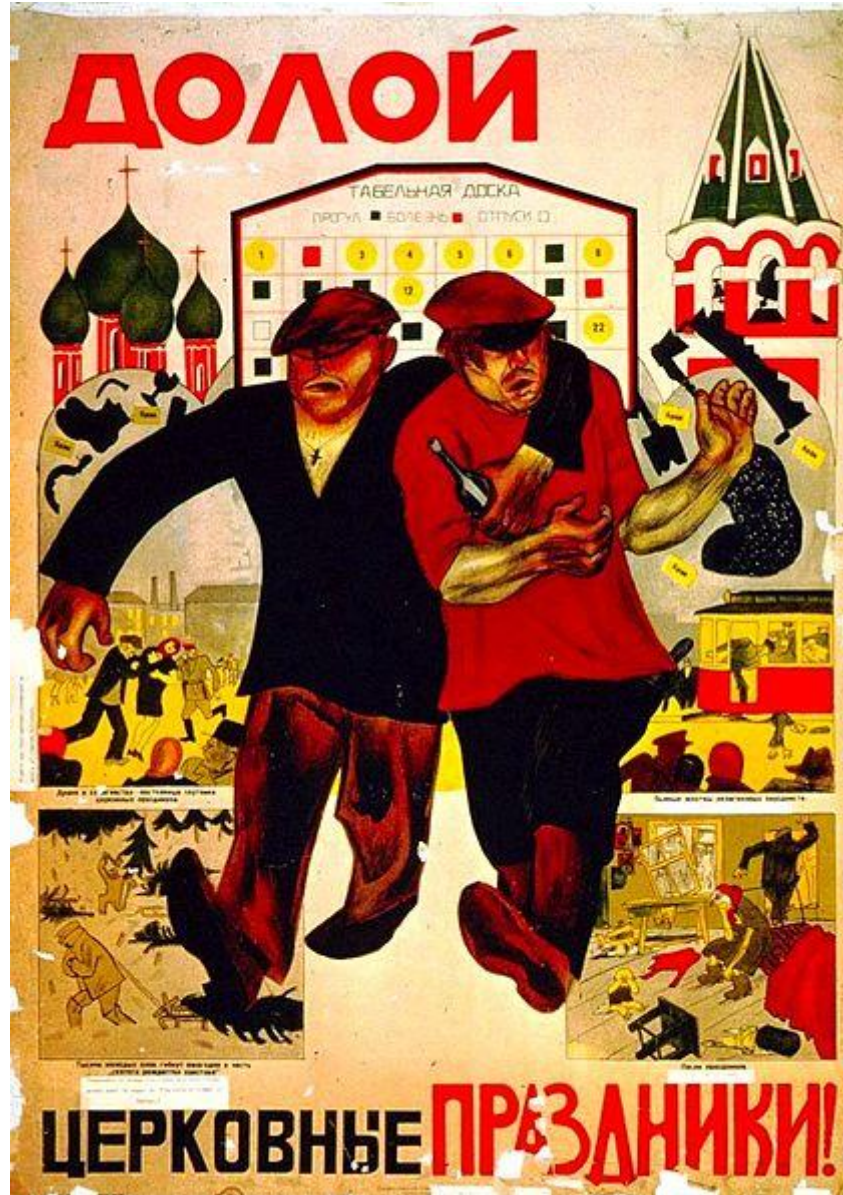
12-й годовщины Октябрьской революции. 1929 г.¹

¹Барнаульские дети рисуют плакат к празднованию 12-й годовщины Октябрьской революции // Из личного архива Д. Шушуева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 17.10.2017.

Приложение Л

Антирелигиозный плакат «Долой церковные праздники!»¹

¹ Антирелигиозный плакат «Долой церковные праздники!». 1929 г. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/> Дата обращения: 11.09.2017.

Приложение М

Физкультурный парад в Барнауле, 1930-е гг.¹

Приложение Н

¹ Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 10.09.2017.

Свадебное блюдо, расписанное по рисунку К. Петрова-Водкина¹

¹ Свадебное блюдо, изготовленное по рисунку К.С. Петрова-Водкина: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/> Дата обращения: 17.10.2017.

Приложение О

Студенты Барнаульского педагогического училища встречают 1 Мая в костюмах народов СССР, 1930-е гг.¹

¹Первомайский праздник студентов педагогического училища, 1930-е гг. // Из личного архива Д. Шушуева: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fotki.yandex.ru/users/soljris1976/album/234559/> Дата обращения: 01.10.2017.

Приложение II

Выставка, организованная в Томском краевом музее
к 10-й годовщине Октябрьской революции¹

¹ Фрагмент музейной выставки, посвященной 10-й годовщине Октябрьской революции. Томский краевой музей, 1927 г. // Томский областной краеведческий музей. ФФ 3620_1.

Приложение Р

Куклы, изготовленные томской художницей

Е.Г. Мако-Тюменцевой в 1930-х гг.¹

¹ Сувенирные куклы Е.Г. Мако-Тюменцевой // Томский областной краеведческий музей. НВ 7/3, НВ 7/4, НВ 7/5, НВ 7/6.